Мы трудимся во тьме, дабы служить свету.
Мы — ассасины.

ASSASSIN'S CREED®

КРЕДО УБИЙЦЫ

КРИСТИ ГОЛДЕН

Основой для книги послужил киносценарий, созданный Майклом Лессли, Адамом Купером и Биллом Колладжем, а также серия компьютерных игр «Assassin's Creed».

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Революционная технология открыла дверь в генетическую память, что дало человеку возможность воочию увидеть жизнь его предков. Каллум Линч погружается в пятнадцатый век, чтобы проследить за приключениями испанского дворянина Агилара де Нерха, и выясняет, что тот состоял в братстве ассасинов. От грозного средневекового убийцы Каллум получает невероятные знания и навыки, позволяющие противостоять в наши дни могущественному и хищному ордену тамплиеров.

Официальная новеллизация фильма «Кредо убийцы», снятого по мотивам популярной серии компьютерных игр «Assassin's Creed» компании «Ubisoft».

Впервые на русском!

- Кристи Голден
  -
  -
  -
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22

- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Эпилог
- Регрессии
  -
  - Субъект:
  - Субъект:
- Благодарности

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

Кристи Голден
Assassin's Creed
Кредо убийцы

Christie Golden
ASSASSIN'S CREED:
THE OFFICIAL MOVIE NOVELIZATION

© 2017 Ubisoft Entertainment. All rights reserved. Assassin's Creed.
Ubisoft and the Ubisoft logo are trademarks of Ubisoft Entertainment in the U.S. and/or other countries.
© Азбука, Азбука-Аттикус, 2017

* * *

Эта книга посвящена всем, кто увлечен игрой «Assassin's Creed»,
и особенно Райану Пакетту, не по годам доброму и великодушному

На протяжении многих веков рыцари ордена тамплиеров ведут поиски таинственного Яблока Эдема.

Они верят, что в нем сокрыты не только семена первого преслушания, но и ключ к свободе воли.

Если они найдут эту реликвию и расшифруют ее тайны, то обретут безграничную власть над умами всего человечества.

И только братство ассасинов встало у них на пути…

Пролог

Испания, Андалусия
1491 г.

Небо горело в золотом огне заката, и золотилась округа – скалистые горы, раскинувшийся у их подножия город, красная черепица на крыше мавританской крепости. Во внутреннем дворе крепости горел костер.

Высоко в небе орел, рассекая крыльями воздух, летел к месту ночевки, стараясь успеть до того, как золото заката уступит место холодно-лиловым краскам надвигавшейся ночи. А на земле те, кто ковал клинки, не замечали ни неба над головой, ни орла, ни ветра.

Их лица скрывала тень, падавшая от капюшонов. Лилась расплавленная сталь в каменные формы, стучали молоты по наковальням, усмиряя раскаленно-красный металл до серой покорности, заострялись клинки. Работали молча. Тишину нарушали только лязг и скрежет.

У ворот крепости стояла одинокая фигура[1] – высокий, широкоплечий мужчина. Он был мрачен, каждое его движение выдавало тревожное нетерпение. И хотя на нем был такой же капюшон, как и на тех, что ковали клинки, он не был одним из них.

Пока не был.

Но они одной крови!

Его родители принадлежали к братству, и служению ему он собирался посвятить свою жизнь. В детстве родители исподволь, играя с сыном, учили его драться, прятаться и преодолевать любые преграды. Тогда он был слишком мал и наивен, чтобы понять истинный смысл этих игр. А когда подрос, родители рассказали ему, кто они и чему служат. Тогда ему не понравилось, что он не может быть хозяином своей судьбы и против воли вынужден последовать по стопам своих родителей.

За принадлежность к братству они жестоко поплатились.

Могущественный враг выследил их. Изучил поведение и привычки. Подобно стае хищников, давний враг отбил его родителей от их братьев и сестер, как овец от стада, и напал, и было нападавших так много, что противостоять они не могли. Многовековой враг убил их, но не с должным почтением в открытом и честном поединке. О нет. Не таков был этот враг. Родителей привязали цепями к позорному столбу, подложили под ноги вязанки дров, облили маслом и подожгли под

одобрительные вопли толпы, собравшейся полюбоваться ужасным зрелищем. Сына не было с родителями в тот момент, когда их схватили. И его мучил вопрос. Мучил тогда и мучил сейчас, когда он стоял, переминаясь с ноги на ногу у ворот крепости: если бы он был с родителями, мог бы он их спасти? Члены братства, появившиеся слишком поздно, уверяли: не мог. Не мог без особой подготовки.

Убийцы не пытались скрыть свое преступление, напротив, даже гордились тем, что поймали «безбожников».

Охеда – высокий, с грудью широкой и выпуклой, как бочонок, с холодным взглядом и холодным сердцем – возглавлял охоту на его родителей. А потом он стоял рядом с отцом Тома́сом де Торквема́дой, когда это чудовище осудило его родителей на страшную смерть на костре.

Было слишком поздно, чтобы спасти их. Но не поздно спастись самому.

Вначале, расспросив о его мотивах, братство отказало ему. Но Мария увидела, что его ведет нечто большее, чем простая жажда мести. Сквозь боль и горе, в безотчетном порыве отомстить за смерть родителей, она сумела разглядеть его суть, способность подняться над желанием покарать человека, который убил его семью. Мария поняла: он знает, что в мире есть нечто более важное, чем те, кого он любил, – Кредо. Вот то, что переживет их всех и перейдет к поколениям будущего. Перейдет к таким же, как он, детям ассасинов.

В итоге он прошел обучение. Что-то давалось ему легко, и он был благодарен родителям за те «игры» в детстве. Что-то давалось по́том и кровью и осталось на теле шрамами, свидетелями его нерасторопности, невнимательности или просто сильной усталости.

Он изучил свою родословную, обрел мужество и стойкость, которые простому смертному, чье сердце не билось так учащенно, как у членов братства, могли показаться безумием фанатика.

И все это время Мария была рядом.

Ее было легко рассмешить, и с еще большей легкостью она владела клинками. Казалось, они звенели в едином ритме с ее дыханием. Мария безжалостно подстегивала его, когда он уставал и слабел, и хвалила, когда он делал успехи. И сейчас, в столь ответственный момент, он чувствовал ее незримое присутствие – Мария помогала ему занять завещанное родителями место.

Он мгновенно отсек видения прошлого, когда дверь в воротах открылась и несколько человек в капюшонах кивком головы пригласили его войти. Молча, сохраняя внешнее спокойствие, хотя сердце в груди колотилось, он последовал за ними вниз по

лестнице во внутренний двор. До слуха донесся многоголосый речитатив: *Laa shay'a waqi'un moutlaq bale koulon moumkine*[2].

Люди в капюшонах встали вокруг прямоугольного стола. Ближе всех к новичку стоял Бенедикто – Наставник, который его обучал и рядом с которым он сражался. Это был добрый человек, веселый и щедрый на похвалу, но сейчас его лицо, освещенное горевшими на столе свечами и трескучими факелами, было непривычно строгим. Именно Бенедикто и Мария нашли путь к сердцу осиротевшего юноши. Бенедикто не стремился заменить ему отца, отнятого так рано, но делал все, что было в его силах, чтобы компенсировать эту потерю. Он пользовался всеобщим уважением, включая готовившегося к посвящению.

Бенедикто, чей голос звучал твердо и уверенно, обратился ко всем присутствовавшим:

– Инквизиция отдала Испанию в руки тамплиеров. Султан Мухаммед все еще удерживает Гранаду. Но если они захватят в плен принца, его сына и наследника, он сдаст город, а вместе с городом и Яблоко Эдема.

Эта новость оставила бесстрастными покрытые татуировками и шрамами лица собравшихся. Но новичок почувствовал напряжение в воздухе. Бенедикто обвел всех взглядом и, похоже, остался доволен их реакцией на новость.

Его суровый взгляд остановился на новичке. Момент настал.

– Агилар де Нерха, клянешься ли ты прославлять наше братство в борьбе за свободу? Клянешься защищать людей от жестокого произвола тамплиеров и отстаивать право каждого на свободу воли?

Агилар без колебаний ответил:

– Клянусь.

Бенедикто продолжал, и голос его зазвучал еще напряженнее:

– Если Яблоко Эдема попадет в руки тамплиеров, они будут уничтожать все на своем пути. Любое инакомыслие, любой протест… наше право иметь собственные мысли. Поклянись мне, что ты отдашь свою жизнь и пожертвуешь жизнью любого из здесь присутствующих, чтобы не допустить этого.

Агилар почувствовал, что это выходит за рамки принятого ритуала. Пришли опасные времена, и для Бенедикто важно быть абсолютно уверенным в том, что новопосвященный понял, что́ может от него потребоваться.

И Агилар понимал.

– Клянусь, Наставник, – сказал он.

Карие глаза Бенедикто пристально посмотрели в его зрачки. Затем Наставник кивнул, подошел к Агилару и взял его за правую руку, предусмотрительно забинтованную при подготовке к

необходимой жертве, и медленно положил ее на деревянную резную плаху, опоясанную кованым обручем. Были на ней и другие, более мрачные украшения – пятна, похожие на застарелую ржавчину.

Бенедикто аккуратно уложил руку Агилара так, чтобы инструмент с двумя зубцами мог обхватить безымянный палец юноши. Агилар чувствовал: Наставник напряжен так же, как и он.

– Наши жизни ничто, – напомнил Бенедикто, буравя его взглядом. – Яблоко Эдема – все. Дух Орла[3] будет охранять будущее.

Его родители оставили мир, но завещали ему свою страстную любовь и преданное служение, и Агилар через боль готовился вступить в наследство. Они и его тоже оставили. И он считал своей долей одиночество. Но еще мгновение – и одиночеству придет конец. Еще мгновение – и он обретет огромную семью – братство.

Бенедикто сжал двузубец и отсек палец.

Боль пронзила Агилара. Но он сцепил зубы и не издал ни единого звука, даже не вздрогнул. Хлынула кровь, быстро потекла на бинты, они жадно впитывали красную влагу. Агилар сделал глубокий вдох, его инстинкт выживания боролся с железной дисциплиной, обретенной в тренировках.

«Лезвие идеально заточено, – сказал он себе. – Рана чистая. Заживет. И я тоже исцелюсь».

К нему подошла Мария, в руках она держала изысканно украшенный наруч, сделанный из кожи с металлическими вставками. Стиснув зубы, чтобы не вскрикнуть, если невзначай открытая рана коснется металла, Агилар осторожно просунул руку внутрь. Он не смотрел на наруч, только на Марию, в глубину ее теплых зеленовато-голубых глаз, подведенных сурьмой. Маленькие татуировки на лбу, подбородке и обеих щеках под глазами делали ее по-особенному красивой.

Мария, которая вошла в его жизнь на правах сестры, со временем стала означать для него нечто большее. Он знал ее всю – ее смех, запах, нежное дыхание, которое щекотало кожу, когда она спала в его объятиях. Знал округлость ее бедер и силу ее рук, когда она играючи стискивала их замком, прежде чем поделиться с ним жаром губ.

Но сейчас это была не игра. Мария много значила для Агилара, но он понимал: стоит ему сделать неверный шаг – и она будет первой, чей кинжал распорет ему горло.

Кем бы она ни была, прежде всего она – ассасин, и Кредо для нее превыше всех человеческих привязанностей.

Отныне и он будет таким.

Началось посвящение. Красиво и торжественно зазвучал голос Марии:

– Там, где другие слепо следуют за истиной, помни…

– …ничто не истинно, – подхватил хор голосов.

– Там, где другие ограничены нравственными и иными законами, помни…

– …все дозволено.

Агилар еще мгновение удерживал ее взгляд, затем, как его учили, сделал легкое движение запястьем. С лязгом, словно радуясь освобождению, из наруча выдвинулось тонкое лезвие и заняло место отсеченного безымянного пальца.

– Мы трудимся во тьме, дабы служить свету, – произнес Агилар, и голос его от внутреннего напряжения слегка подрагивал. Он набрал в грудь воздуха. – Мы – ассасины.

И где-то высоко над головами раздался крик орла, будто дух его возликовал, одобряя свершившееся.

Глава 1

Нижняя Калифорния
1988 г.

Кэл Линч поднял голову и, щурясь от солнца, посмотрел на небо, откуда донесся крик орла. Птицу было не различить, только силуэт. Он улыбнулся, натянул на голову капюшон серого свитшота, закрывая русые с рыжинкой волосы, и приготовился.

Он тоже собирался полетать.

Он давно этого хотел… вернее, всегда, с тех самых пор, как несколько месяцев назад родители переехали сюда. Они часто переезжали, и этот факт Кэл принимал как должное. Родители перебивались случайными заработками, на какое-то время задерживались на одном месте, а затем неожиданно срывались и перемещались на новое. Из-за частых переездов Кэлу не удавалось завести друзей. Так уж случилось, что он решился именно сегодня. Зрителей не было. Но это его не особенно беспокоило. Нет так нет. Никто вообще не предполагал, что он на это отважится.

Когда Кэл затаскивал велосипед на крышу старого заброшенного здания, нога вдруг соскользнула с проржавевшей ступеньки. Он распорол джинсы и сильно оцарапал ногу. Ничего страшного, год назад в какой-то дешевой больнице ему сделали прививку от столбняка. Кэл любил проводить время на крышах. Ночью, когда родители думали, что он мирно спит в своей комнате, он вылезал через окно и отправлялся гулять по крышам. Из сонной теплоты комнаты он вырывался в прохладу и таинственность ночи и переживал тысячу приключений, пока родители пребывали в блаженном неведении.

Сегодня целью Кэла был большой контейнер для морских

перевозок, находившийся ниже крыши, на которой угнездился Кэл со своим велосипедом. Расстояние до контейнера не превышало двадцати футов – сущий пустяк.

И только сердце колотилось в груди, когда он стоял одной ногой на педали велосипеда, другой – на крыше здания. Он закрыл глаза и медленно выдохнул через нос, стараясь успокоить сердцебиение и замедлить дыхание.

«Ты уже там, – говорил он себе. – Уже все сделано. Прочувствуй каждый дюйм полета. Посмотри, как колеса идеально приземляются, и ты резко разворачиваешь велосипед, чтобы его не отбросило в сторону».

Нет, это плохая картинка, от нее нужно немедленно избавиться. Это похоже на старую шутку: «Не думай о розовом слоне». И вот ты уже не видишь ничего, кроме розового слона.

Кэл сменил направление мысли: он видел, как крутит педали, стремительно летит, приземляется, – новая победа.

Внутренним зрением он видел себя летящим. Летящим, как орел. Он может это.

Медленно и спокойно Кэл открыл глаза и сжал руль.

«Вперед».

Он рванул вниз, неистово крутя педали, глазами впившись в точку приземления, а не в быстро сокращавшееся расстояние и не в кучу хлама между крышей и контейнером. Быстрее, быстрее… и уже в воздухе он изо всех сил рванул переднее колесо велосипеда вверх.

Он летел над мусором, лицо растягивалось в улыбку абсолютной радости. Да! Он сделал это…

Переднее колесо преодолело расстояние.

Заднее – нет.

Все произошло так быстро, что Кэл даже не успел испугаться. Велосипед тяжело приземлился на кучу старых матрасов и прочего хлама, который он кропотливо таскал сюда в течение нескольких недель.

Он осторожно пошевелился, – похоже, все цело. Кровь текла из глубокой царапины на лице, и все тело болело, но это ерунда.

Велосипед тоже пострадал. Но и после более тяжелых поражений он неизменно доставлял своего хозяина домой.

– Черт! – выругался Кэл, выбираясь из кучи хлама со своим велосипедом. Он не собирался рассказывать родителям, где и при каких обстоятельствах получил травмы.

Он наскоро обследовал себя: несколько синяков и порезов на лице и теле – пустяки, даже царапина на ноге перестала сочиться кровью. И байк был в норме – так, несколько вмятин, но на ходу. Хорошо. Кэл поднял голову, посмотрел на небо и улыбнулся,

различив маленькую точку: орел. Однако… папе с мамой ничего не надо знать об этом. Кэл еще немного посидел, наблюдая за орлом.

Уже начали сгущаться сумерки, и тени вытянулись, когда он подъезжал к обшарпанному многоквартирному бараку, который называл своим домом. По дороге за велосипедом клубилась желтоватая пыль. Здесь все было покрыто густым слоем золотистой пыли, и лишь веревки с цветными флажками, натянутые над дорогой, оживляли унылую блеклость пейзажа.

К Кэлу вернулось привычное хорошее расположение духа, и он уже проанализировал, что сделал неверно, и понял, как в следующий раз исправить все ошибки и приземлиться успешно. В конце концов, это была лишь первая попытка. Каллум Линч не трус. Завтра он повторит попытку снова… или, поправил сам себя Кэл, когда родители позволят ему снова сесть на велосипед.

Кэл уже достаточно проехал по городу, когда вдруг заметил, что вокруг что-то не так. Люди повысыпали из своих домов, кто-то сидел на стульях с напитками в руках, но большинство сбилось в кучки и… смотрело. И все они смотрели на него. От фальшивого спокойствия на их лицах у Кэла неприятно засосало под ложечкой.

Что-то случилось. Плохое.

Кэл прибавил скорости, бросил у входа велосипед и еще раз окинул взглядом соседей, молча стоявших с мрачно-печальными лицами. Он не знал почему, но сердце в груди тревожно застучало. Он потянулся к ручке двери и застыл. Дверь была широко распахнута. Но его родители всегда закрывали дверь. Кэл сглотнул и переступил порог тесной веранды, остановился, прислушался и медленно двинулся вперед, как будто в этом хорошо знакомом месте он был чужаком.

Дверь в другую часть дома тоже была открыта. Он раздвинул длинные нити занавесок из янтарного цвета бусин, что служила условной перегородкой между комнатами.

Не было слышно ни разговоров, ни смеха, ни звона посуды, не чувствовался запах ужина, готовившегося на плите. И лишь, как всегда свободно и легко, лился из старого бежевого радиоприемника голос Пэтси Клайн, и где-то в одной из комнат бубнил телевизор – шла какая-то информационная передача.

«Сегодня у нас в гостях доктор Алан Риккин, исполнительный директор „Абстерго индастриз“, – тараторил ведущий. – Алан, похоже, мир стоит на краю пропасти».

«Вне всякого сомнения». – В голосе доктора слышался акцент английского аристократа.

Взгляд Кэла мельком скользнул по экрану – мужчина далеко за тридцать, в дорогом элегантном костюме, с черными глазами и резкими чертами лица.

«Очевидно, что человечество упорно и неумолимо само себя разрушает. Я считаю: если мы не излечим человеческую природу от врожденной агрессии, цивилизация – в том виде, в каком она существует сейчас, – исчезнет. „Абстерго индастриз“ ведет работу по поиску ключевого…»

Телевизор продолжал бубнить, но Кэл больше не слушал, он медленно шел вперед. В комнатах царил густой полумрак. Ничего необычного. Летом здесь очень жарко, и затемненные окна сохраняли в доме прохладу. Но сейчас в этом полумраке было нечто враждебное. Кэл почувствовал, что его ладони стали холодными и влажными.

Он вошел в комнату родителей и увидел мать. Она сидела на кухне, силуэт четко вырисовывался на фоне окна. На мгновение у него отлегло от сердца, он хотел позвать ее, но слова почему-то застряли в горле. Он только сейчас осознал странность ее позы: тяжело навалилась на спинку стула, руки безвольно свисают по сторонам.

И сидит она неподвижно. Слишком неподвижно.

Кэл застыл, глядя на нее. Голова работала на полную катушку, пытаясь понять, что случилось. Взгляд зацепил движение – что-то медленно капало с ее руки. Капли падали в растекшуюся по полу красную лужицу, на которой застыл тонкий луч закатного солнца.

Какое-то время Кал как зачарованный смотрел на падающие капли. Затем его взгляд медленно переместился вверх по траектории их движения. Красная жидкость медленно стекали с серебряной подвески, которую его мать постоянно носила. Восьмиконечная звезда с камнем ромбовидной формы в центре. На камне черным выгравирован символ, похожий на букву «А», составленную из двух слегка изогнутых клинков.

Сейчас цепочка подвески была намотана на ее руку и тонула в алом ручейке. Шестое чувство Кэла кричало и требовало, чтобы он отвел взгляд и бежал отсюда без оглядки. Но вместо этого Кэл стоял и смотрел, застыв как вкопанный.

Ее кисть была в крови. Левый рукав ее белой крестьянского кроя блузы пропитался кровью.

А горло…

– Мама… – шепотом позвал он, хотя рана на шее не оставляла сомнений, что она мертва.

Laa shay’a waqi’un moutlaq bale kouloun moumkine.

Кэл услышал шепот и с ужасом осознал, что он в комнате не

один.

Убийца еще здесь.

Он стоял у телевизора спиной к Кэлу и смотрел в окно – широкоплечий, ростом не менее шести футов. На голове у него был капюшон.

Но взгляд Кэла непроизвольно вернулся к жутким красным каплям, медленно падавшим и падавшим на дешевый линолеум. Кровь матери была и на кинжале, который держал убийца.

– Папа, – шепотом позвал Кэл, но больше ничего не мог произнести, душили рвотные спазмы, хотелось упасть, свернуться калачиком и не двигаться.

Замереть навсегда. Этого не может быть…

Медленно мужчина в капюшоне повернулся. Сердце у Кэла разрывалось от горя и ужаса. Он не ошибся – это был отец.

В глазах Джозефа Линча застыла мука, словно и он чувствовал горе. Но как такое могло случиться? Почему? Он был единственный, кто…

– Кэл, твоя кровь тебе не принадлежит, – сказал отец, за годы жизни в Соединенных Штатах так и не избавившийся от сильного ирландского акцента. – Они нашли нас.

Кэл посмотрел на него удивленно, не понимая его слов, вообще ничего не понимая. Отец направился к нему. Шаги громким эхом разнеслись по дому, наполненному ужасом, хотя такой обыденный звук никак не должен был заглушать вещание телевизора и голос Пэтси Клайн, поющей о том, что сошла с ума.

К удивлению Кэла и против его воли, ноги, казалось, совершали вполне разумные действия. Они сами по себе начали отступали назад. Он пятился от отца, от своего папы, который полоснул ножом по горлу собственную жену.

Человек в капюшоне приближался медленно – неотвратимо, как сама смерть. И Кэл вдруг перестал отступать и замер на месте.

Он не хотел жить в мире, где отец убил мать. Он хотел умереть вместе с ней. Джозеф Линч тоже остановился, его руки безвольно, даже как-то беспомощно, свисали вдоль тела, кровь все еще капала с кончика клинка, который он только что вонзил в нежное горло своей жены.

– Им нужно то, что внутри тебя, Кэл. Ты должен скрыться, – сказал отец с каким-то невероятным сожалением, будто слова разбивали ему сердце.

Кэл не сводил с него глаз, сердце в груди оглушительно стучало. Он не мог пошевелиться, не мог трезво соображать.

Визг шин нарушил мертвую тишину. Убийца посмотрел поверх головы сына в окно – машины, резко развернувшись,

подъезжали к их дому.

– Беги! – крикнул он сыну. – Беги! Скорее!

Кэла словно током ударило, он бросился к лестнице. Ноги, еще секунду назад оцепеневшие, сейчас несли его наверх, перепрыгивая через две ступеньки. Через окно он выскочил на крышу. Тайный путь к свободе, о котором родители ничего не знали, превратился в путь к спасению. Он бежал так, как никогда раньше, как настоящий акробат: без колебаний перепрыгивая с одного уровня на другой, с крыши на крышу, вниз, вверх, падал, делал кувырок, вставал и снова бежал. Краем глаза Кэл заметил на дороге в клубах пыли длинную вереницу черных внедорожников, не менее дюжины.

На одной из крыш, где с земли его было не видно, Кэл на мгновение остановился перевести дух и рискнул посмотреть вниз. На пассажирском сиденье одной из машин он увидел мужчину – бледное худощавое лицо, черные волосы, черный костюм и черные очки. Очень похожий на того, которого Кэл несколько минут назад видел на экране телевизора. Но этого не может быть!

Или может? Сомнения странным образом улетучились, и по телу Кэла пробежал холодок.

В тот момент, когда машина повернула, Кэл уже мчался дальше. Спрыгнул с крыши на кучу строительного мусора и припустил по дороге – прочь от обшарпанных бараков, от мертвой матери и отца-убийцы, прочь от всего, что было жизнью Каллума Линча.

Глава 2

30 лет спустя

Департамент уголовного правосудия Хантсвилл[4], Техас, США

Сорокасемилетний Фрэнк Киммлер в течение семнадцати лет служил охранником в Департаменте уголовного правосудия. За это время он многого насмотрелся и хорошо знал, на какие жестокие преступления способен человек. И все же он не переставал удивляться тому ужасу, с которым ему приходилось сталкиваться изо дня в день. И после каждого особенно тяжелого рабочего дня он приходил домой и объявлял жене, что все, с него хватит, он увольняется, найдет себе другую работу, более спокойную и безопасную, чтобы вечером было о чем рассказать дочерям. Но на следующий день Фрэнк Киммлер неизменно возвращался на службу в департамент.

Вечером 21 октября он был на своем рабочем месте в окружении мониторов, на столе перед ним лежал нетронутый бутерброд с болонской копченой колбасой и сыром, стояла бутылка кока-колы, но он смотрел не на мониторы, а на экран телевизора и разговаривал по телефону с женой Дженис.

«Срочное сообщение. Сегодня в Хьюстоне, штат Техас, совершено тройное убийство, – сообщил репортер, мрачно глядя в камеру. – Директор Международного валютного фонда Кассиан Лакруа, техасский нефтяной миллиардер Лютер Уайли и китайский медиамагнат Болин Чанг были убиты сегодня днем в отеле „Фор сизонз“».

– Да, дорогая, смотрю новости по телевизору. Сразу троих. Средь бела дня. Знаю, знаю, это ужасно. А ты сама где сейчас?

– Только что к дому подъехала. – Голос жены заметно

дрожал. – Улицы перекрыли. Везде полицейские машины. Из-за этой кутерьмы я три часа домой добиралась! Фрэнк… Я хочу, чтобы ты ушел с этой работы.

Он и сам хотел, но не мог произнести этого вслух. Он лишь сказал:

– Дорогая, у меня сейчас здесь безопаснее, чем на улице. Я о девочках волнуюсь. Они дома?

Его взгляд снова вернулся к экрану телевизора, где застыл кадр с тремя жертвами. Дженис сообщила, что Сюзанн дома, наверху, делает домашнее задание, а Патрисия только что звонила и сказала, что приедет попозже. Это Фрэнку не понравилось.

– Ее нет дома? У нее вечерние занятия?!

– Нет, она звонила и сказала, что зашла с подружками в торговый центр, мать Дебби заберет их, как только туда доедет. С ней все в порядке. – Дженис помолчала и неуверенно продолжила: – А ты… ты когда домой вернешься? Я собираюсь пирог с мясом испечь. И мы бы славно все вместе поужинали.

Фрэнк с вожделением посмотрел на бутерброд с колбасой и вздохнул.

– Пирог к моему возвращению придется разогревать, дорогая. Я задержусь сегодня, у нас на шесть часов мероприятие назначено, так что дома буду к девяти.

Фрэнк увидел знакомое лицо и помахал рукой.

– Все, отбой. Идет отец Реймонд.

Он повесил трубку и, дружески улыбаясь, повернулся к священнику. Отец Реймонд посещал тюрьму в течение последних четырех лет, и Фрэнк чувствовал расположение к этому худощавому молодому человеку с тихим мягким голосом. Он недавно принял сан и, как рассказывал Фрэнку, до того как нашел свое истинное предназначение, преподавал английскую литературу в университете на восточном побережье. Фрэнк так и видел, как он в университетской аудитории рассказывает студентам о Шекспире, Диккенсе и прочих выдающихся писателях и поэтах.

– Вы, как всегда, вовремя, отец Реймонд. Как там в городе? Говорят, все перекрыто после трагических событий. Моя жена три часа домой добиралась.

– Рад слышать, что она в безопасности, – ответил отец Реймонд, облегченно выдохнув. – А как девочки?

– Одна дома, а другая с друзьями в торговом центре. Держу ситуацию под контролем, но…

Фрэнк вздохнул и почесал затылок. Несколько лет назад у него начали выпадать волосы. В прошлый свой визит отец

Реймонд пошутил, что ему и тонзуру выбривать не надо, она почти готова.

– Знаете, боюсь за свою семью. Так неспокойно в мире… и в городе тоже.

Отец Реймонд сочувственно кивнул:

– А… как наш подопечный?

– Все спокойно. Рисует. Целый день рисует. Это, конечно, против правил. Но что поделаешь, у парня день рождения сегодня. Оказывается, у него отец мать убил. Тут любой с катушек слетит. – Фрэнк посмотрел на священника печальными карими глазами. – Отец Реймонд, как-то у меня в голове не укладывается. Парень убил сутенера. Мы его убиваем. Какой в этом смысл?..

– Пути Господни… – начал отец Реймонд.

– Да-да, неисповедимы, – вздохнул Фрэнк.

Священник достал носовой платок и вытер ладони.

– К такой работе нельзя привыкнуть, – с извиняющейся улыбкой сказал он.

– Вот уж точно, – согласился Фрэнк. – В каком-то смысле это не так уж плохо.

Отец Реймонд засунул платок в карман. К ним приближался охранник, который должен был проводить его к заключенному.

– Передавайте привет Дженис и девочкам. Буду за них молиться.

«Заключенный камеры триста четыре – не профессиональный художник, – размышлял отец Реймонд. – Но упорный: если за что-то берется, то движется к цели с неистовой целеустремленностью».

Одна из стен камеры почти до потолка – насколько могла дотянуться рука – была завешана рисунками, сделанными на плотной бумаге кремового цвета. Здесь было все: от фантасмагории до трагического гротеска. Остальные стены были расписаны толстыми фломастерами – черным, синим, зеленым – и производили впечатление полной белиберды безумного граффитиста. Какие-то странные символы, которые вряд ли бы мог расшифровать даже владелец галереи ночных кошмаров.

Отец Реймонд застал заключенного, мужчину лет тридцати с хвостиком, сидящим на полу. Он что-то рисовал угольным карандашом. Замер на мгновение, затем большим пальцем растер резкие беспорядочные линии в какой-то неясный расплывчатый силуэт.

Когда дверь в камеру открылась, заключенный поднял голову и узнал в вошедшем священника, затем спокойно сел на койку и посмотрел на него скучающим взглядом.

Звякнули ключи, за отцом Реймондом закрыли дверь. Он принялся внимательно рассматривать рисунки, вызывавшие тревогу и беспокойство, на лице его не было и тени отвращения, только сострадание. Ему и раньше приходилось в камерах смертников видеть нечто подобное. Он изучал развешанные на стене листы с полной серьезностью: угольные наброски людей с уродливыми головами; бесформенные глыбы, отдаленно напоминавшие человека, которые обнимали или убивали друг друга; черепа, инкрустированные цветами; огромный, как пещера, рот, застывший в крике; рука, размахивающая крестом; фигура, охваченная пламенем; ржущая в ужасе костлявая лошадь.

Один рисунок надолго приковал внимание священника – примитивное, почти карикатурное изображение палача в черном капюшоне.

Наконец он повернулся к заключенному.

Разумеется, у него было имя, у каждого человека есть имя. В момент смерти – так было во все времена – приговоренному важно, чтобы люди это понимали. Отец Реймонд старался всех своих подопечных называть по имени.

– Ты Каллум Линч, – голос священника звучал мягко и тихо, – а я отец Реймонд.

Руки Каллума Линча были испачканы углем, светло-русые с рыжинкой волосы коротко острижены, в глубине голубых глаз поблескивали искорки, и священник понял, что спокойствие Каллума Линча лишь внешнее, а внутри кипят страсти.

– Пришел спасать мою душу? – спросил заключенный немного хриплым от долгого молчания голосом.

– Что-то в этом роде.

Отец Реймонд раздумывал, стоит ли начать с того, что ему сказал Фрэнк. Решился.

– Насколько мне известно… у тебя сегодня день рождения.

Линч хохотнул:

– Да, вечеринка сейчас начнется.

Отец Реймонд растерялся. Он рассчитывал перед лицом смерти принести заключенному покой. Большинство смертников, к которым он приходил, пребывали в смятении, их терзали страх, злость, некоторые раскаивались и сожалели о содеянном. Но сейчас он стоял и смотрел на человека, который, казалось, совершенно не боялся смерти, и священник не знал, что делать.

– Сядь, – сказал Линч, – не нервируй меня.

Отец Реймонд не видел никаких признаков нервозности, но предпочел принять предложение, сел на скамейку лицом к осужденному и раскрыл Библию. У него было несколько любимых отрывков, которые, как он по опыту знал, успокаивающе

действуют на осужденных.

Он нашел один из них и начал читать:

– «Окропи меня иссопом, и буду чист; омой меня, и буду белее снега. Дай мне услышать радость и веселие, – и возрадуются кости, Тобою сокрушенные»[5].

Отец Реймонд поднял глаза и посмотрел на осужденного, чье лицо выражало полное безразличие. Священник знал: насколько уникален каждый человек, настолько неповторимо и то, как он готовится к смерти. Кто-то рыдает в надежде, что Бог простит его и откроет дорогу в небесные пределы, если он искренне раскается. Кого-то раздирает злоба, что вполне понятно, – такие поносят всех и вся. А кто-то просто сидит и тихо плачет, не говоря ни слова. И все они заслуживают понимания и милосердия.

Как и вежливое равнодушие Каллума Линча.

– Тебе не нравится Библия? – спросил отец Реймонд, понимая, что вопрос риторический.

Кэл неопределенно покачал головой.

– Я могу что-то сделать, чтобы облегчить твою душу?

Отец Реймонд не надеялся услышать ответ, но, к его удивлению, Кэл заговорил:

– Есть такое стихотворение… мне мать его часто читала, «После сбора яблок» называется.

Священник порадовался, что его первая профессия дает ему возможность выполнить последнюю просьбу человека, приговоренного к смерти. Господь прозорлив и добр! Священник кивнул:

– Я знаю это стихотворение. Роберт Фрост написал.

И он начал читать.

Оно не пользовалось такой широкой известностью, как «Остановившись в лесу снежным вечером» или «Огонь и лед». Но именно это стихотворение более других нравилось самому отцу Реймонду. По странному и печальному совпадению оно подходило заключенному.

Священник читал тихо и с нежностью. И лестница, упоминавшаяся в стихотворении, казалась ему лестницей на небеса, а бочка, которую никак не удавалось наполнить яблоками, наводила на мысль о жизни, которая обрывалась так рано.

Как жизнь того, кого убил Каллум Линч; как скоро оборвется и его собственная жизнь.

Забряцали ключи в дверях, и священник замолчал. Дверь открылась.

Время пришло.

Будь это рядовой визит, отец Реймонд попросил бы

разрешения закончить чтение. Но это был не тот случай. Пришло время смерти, и люди, даже служители Всевышнего, должны были отступить в сторону.

Кэл встал. Встал и отец Реймонд. По крайней мере, он проводит заключенного до камеры смерти и останется с ним до конца, пока душа не покинет тело.

Куда душа отправится после – отец Реймонд не брался предсказывать.

На ноги Кэлу надели браслеты с цепью, и он звенел ею, когда шел до камеры смерти по коридору – казалось, бесконечному, но в действительности короткому.

Священник не закончил стихотворение. Не беда. Кэл знал его наизусть и про себя дочитал до конца, вспоминая запах осенних яблок и приближающейся зимы.

Он не думал о столе, на который его уложили и пристегнули ремнями, в мыслях он был там, где чувствовал себя защищенным и безмятежным, где в окно светит солнце, где остановилось время, и ему семь лет, и она жива. Ее голос тихий и нежный, от нее исходит тепло, когда он доверчиво прижимается к ней и чувствует тонкий запах лавандового мыла. Эти грезы, как и стихи, давали забвение.

Ремни стянули ноги и грудь.

Забвение было иллюзией, и защищенность была иллюзией. Тот окровавленный кинжал навсегда вошел ему под ребра и лишил его чистой и безгрешной жизни.

В стихах говорилось о погружении в сонную зимнюю безмятежность, долгий сон до весны. Но сейчас он погружался в иной сон. Он был в камере смерти.

Ему перетянули руку, чтобы набухли вены. Он бывал в больницах и видел, как делают внутривенные инъекции. Но ему собирались вводить не лекарство, а яд, который учащенно забившееся сердце быстро разнесет по всему телу.

Вытянутые вдоль стены окна открылись. Кэл скосил глаза, но надзиратель сам встал прямо перед ним. Заговорил четко, без эмоций, даже как-то скучающе. «С какой стати ему выражать эмоции? – с ожесточенной горечью подумал Кэл. – Слишком часто он произносит эти слова. Только за этот год здесь казнили человек десять, а то и больше».

– Каллум Линч признан виновным в совершении убийства и приговорен к смертной казни, которая приводится в исполнение сегодня, двадцать первого октября две тысячи шестнадцатого года. Желает ли заключенный сделать последнее заявление?

«С днем рождения, будьте вы прокляты!»

На короткое счастливое мгновение ненависть и злоба отогнали страх перед черной бездной, мелькнула дерзкая смелость, призрачная надежда проснуться за той чертой.

– Скажите моему отцу, что увидимся в аду.

Может быть, тогда он получит ответы.

Стол медленно наклонился, и Кэл уставился в потолок. Это медленное, механическое движение стола вдруг сделало то, что не удалось до этого ни священнику, ни «прогулке» по коридору до камеры смерти, ни последним словам надзирателя.

Смерть стала реальностью.

Он мгновенно покрылся потом, холодным и липким. Дыхание судорогой сотрясало грудь, он не мог отделаться от жуткого соблазна повернуть голову и смотреть, как смерть прозрачной жидкостью втекает по трубке в его руку.

Она холодом обожгла его вены и с каждым ударом колотившегося в груди сердца быстро расходилась по телу.

«Мое тело убивает меня», – пронеслось в голове Кэла.

Вспыхнула злоба и тут же погасла, уступив место холодному осознанию: поздно что-либо менять, поздно драться, хвататься за нож, поздно вскакивать и убегать, поздно все, остается только душераздирающая тоска – и сожаление, и слова, которые звенели в мозгу, в каждой клетке тела:

«Я не хочу умирать!»

Кэл приподнял голову, чтобы посмотреть на тех, кто за стеклом наблюдал, как человек умирает у них на глазах. Суровые непроницаемые лица. Старые, с глубокими морщинами, застывшие, словно их высекли из камня.

Но среди этих каменных лиц было… одно.

Тело Кэла перестало ему подчиняться, оно начало коченеть. Он больше не мог пошевелить головой и закрыть глаза, из которых текли слезы.

Это было последнее, что видел Каллум Линч перед тем, как погрузиться во мрак, – овал женского лица, проступавший из густой тени. И последняя мысль: «Сам ангел смерти?»

Глава 3

«Я умер, – подумал Кэл. – Я умер. Ад – это белая пустота».

Сквозь ресницы свет бил в глаза. Кэл осторожно открыл их и обвел взглядом окружающее пространство. Все расплывалось, глаза больно жгло, будто в глазницы вставили раскаленные угли. Все тело было холодным, и только одна рука оставалась теплой, словно кто-то держал его за руку. Замелькали картинки: теплый солнечный свет, негромкий смех, мама обнимает его и шепчет на ухо строчки из стихотворения о сборе яблок.

Перед ним появились очертания лица, то расплываясь, то обретая четкость. «Тот ангел, что явился перед смертью?»

Кэл снова погрузился во мрак и снова пришел в себя. Почувствовал едва уловимый больничный запах. Запах чистоты и холода, и белые стены дышали холодом, и свет был холодным.

Кэл не был уверен, что на небесах пахнет антисептиками. «Это больница», – возникла мысль.

Возможно, что-то пошло не так, как надо… или так, как надо. Возможно, в последний момент позвонил губернатор штата и, извинившись, отменил приговор. Иглу вынули из вены, и смертельный яд не успел дойти до сердца. Его взгляд скользнул по какому-то белому медицинского аппарату с разноцветными световыми индикаторами и вдруг столкнулся с невероятно голубыми глазами ангела, который наблюдал за Кэлом, когда он умирал в камере смерти.

Во всем белом, с черными короткими волосами и фарфоровой кожей, даже маленькая родинка на лбу ее не портила, а придавала особое очарование. Она нежно улыбнулась ему. Не веря своим глазам, Кэл потянулся рукой к ее щеке, чтобы убедиться в ее реальности.

Она мягко перехватила его руку, и он почувствовал ее теплые

сильные пальцы.

– Я доктор София Риккин.

У нее был мелодичный голос с легким акцентом. Он не мог определить – английским или французским. И это еще больше делало ее похожей на пришельца из другого мира. Она еще что-то говорила, но его внимание включилось только на словах: «Вчера в шесть часов вечера тебя казнили и признали мертвым. И теперь для всех, кто тебя знал и любил, ты не существуешь».

Сердце в груди забилось: «Я жив. Но я все еще в плену. Надо бежать».

Тело было вялым и непослушным, но он заставил его подчиниться своей воле. Неуклюже выдернул из вены на правой руке иглу капельницы; рыча, упираясь ногами в пустоту, попытался встать с медицинской кровати. Ангел – доктор София Риккин – и не думала его останавливать, только ее большие голубые глаза смотрели на него с тревогой.

– Тебе нельзя вставать, – сказала она. – Процесс детоксикации еще не закончился.

Кэл поморгал, пытаясь сфокусировать взгляд, но все расплывалось, а глаза по-прежнему жгло.

– Глаза… – простонал он, растирая их.

– То, что ты чувствуешь, – это нормально, простой дискомфорт, – сказала она. – Тетродотоксин – очень сильное средство, но только оно могло помочь после смертельной инъекции.

Все это она произнесла медленно и внушительно, словно понимала его состояние – состояние Алисы, провалившейся в кроличью нору. Кэл усиленно моргал, злясь на глаза, которые отказывались видеть.

София Риккин склонилась к нему – очень близко – и тихо позвала:

– Кэл.

Услышав свое имя, он повернулся к ней. Она была такой красивой, и он никак не мог понять, сон это или предсмертное видение, последний крик умирающего мозга, убеждающего самого себя, что он жив.

– Я помогу тебе, Кэл. – Можно сбиться со счета, сколько раз он слышал подобное. Но казалось, она искренне верит в каждое произнесенное ею слово. – А ты поможешь мне.

Долю секунды ему хотелось, чтобы именно так все и было. Но память выплеснула поток информации. Нет. Нет. Она не ангел. Теперь он ясно это понимал. Она – врач, она похитила его, и ему нужно отсюда бежать.

Он смутно различал две металлические полоски – вероятно,

створки двери. И ринулся в том направлении. Удивительно, но они легко распахнулись, и Кэл, не удержав равновесия, со всего маху упал на чистый белый пол и на секунду отключился.

К нему откуда-то слева бросились две фигуры в белом. Кэл перекатился вправо; все еще не в состоянии подняться на ноги, он пытался ползти, извиваясь как змея, подтягиваясь на ослабевших руках и чувствуя, как постепенно оживают ослабевшие ноги. За спиной послышался голос Софии Риккин:

– Не останавливайте его.

В комнате, оборудованной исключительно для внутреннего наблюдения, многочисленные сотрудники следили за происходящим по мониторам. Макгоуэн, начальник службы безопасности, – бородатый, коротко стриженный шестифутовый громила – стоял и с притворной ленцой наблюдал, как Каллум Линч – мертвец – спотыкался и падал в своих тщетных попытках убежать.

В кабинете, где коллекция антикварного оружия соперничала в роскоши с великолепным роялем и дорогими напитками бара, стоял элегантный мужчина в кашемировом свитере и черных брюках. Седые волосы и морщины не столько старили его, сколько придавали особый шик. Он тоже внимательно наблюдал за стремлением Каллума Линча к призрачной свободе.

Кэл стиснул зубы и, отчаянно рыча, заставил свое полумертвое тело подняться на ноги, шатаясь, пошел, минуя одни двери за другими, мимо санитаров и технического персонала, по коридорам из металла и камня, залитым искусственным электрическим светом. Скудный естественный свет пробивался откуда-то сверху.

Кэл шел дальше, спотыкался, падал, упрямо вставал, петляя, как пьяный среди деревьев – деревьев, тянущихся вверх внутри помещения. Странная картина, как и само место, где он находился.

Мало-помалу к нему вернулось зрение, тело начало повиноваться ему, и он смог наконец принять вертикальное положение и ускорить шаг. Он миновал охранника в черном с пистолетом на бедре, который не преградил ему путь, когда Кэл устремился по лестнице наверх.

«Не трогайте его», – услышал он голос Софии. Она следовала за ним. И ее голос придал ему силы. Пусть она похожа на ангела, но она его тюремщик.

Он пробежал под грохот собственных ног по какому-то

наклонному металлическому пандусу, и вот он – солнечный свет. Он прикрылся рукой, глазам все еще было больно, и понял, что каким-то образом оказался в саду.

Может быть, он все-таки умер? Кэл не мог окончательно в этом разобраться.

Трава и дорожки, скамейки и невысокие деревья, щебет птиц. Прищурившись, Кэл замедлил шаг и огляделся. Он был не один в этом странном саду. Здесь прогуливались санитары и… пациенты? Заключенные? Он не мог определить. Они были одеты в серые туники поверх белых маек и такие же серые брюки.

Униформа. Кэл не любил униформу.

Кто-то смотрел с любопытством, а кто-то никак не отреагировал на его неожиданное и странное появление и продолжал гулять, что-то бормоча себе под нос. Глаза Кэла привыкли к свету, он подошел к невысокому каменному ограждению и встал на него ногами.

Кэл увидел вертолеты – изящные сверкающие на солнце машины, разумеется стоящие кучу денег. Но надолго его внимание на них не задержалось. Внизу, очень далеко внизу, простирался город. Но это был не американский город. Да, он видел небоскребы, но также старинные соборы, мечети, башни.

«Мы уже не в Канзасе», – подумал Кэл, и что-то внутри оборвалось. Какой же он дурак! Глупо было надеяться, что сможет отсюда сбежать. Но он жив. Сейчас Кэл четко это осознал, как и то, что он снова в неволе.

Хотя на этот раз не в тюрьме – в какой-то проклятущей крепости.

Пока он стоял на ограждении, слегка покачиваясь и чувствуя, как его охватывает отчаяние, к нему подошел чернокожий мужчина средних лет, с аккуратно подстриженной полоской совершенно седой бородки и лысиной на макушке.

– Ну что, давай смелее, – сказал чернокожий.

Кэл посмотрел на свои ноги в белых медицинских туфлях на мягкой подошве, застегнутых на липучку. Носки туфель выступали далеко за край ограждения.

– Прыгай, – усмехнулся чернокожий.

Спиной Кэл почувствовал любопытные взгляды, но не счел нужным обернуться. Все тело дрожало, он еще не до конца владел им и не знал, устоит или упадет, если сделает шаг назад.

Тянуло прыгнуть вниз. Оборвать жизнь по собственной воле и больше никогда не быть ни пленником, ни заключенным. И вдруг Кэл вспомнил тот страх, который охватил его, когда по венам побежала жидкая смерть, и удивительное открытие… он не хочет умирать.

С другой стороны от него раздался голос Софии.

«Дьявол за одним плечом, ангел за другим», – подумал он.

– Ты здесь не пленник, Кэл.

Эти слова заставили его обернуться. Он подозрительно прищурился и сказал:

– А выглядит именно так.

– Я хочу защитить тебя, – спокойно продолжала София. – Если ты выслушаешь меня, ты все поймешь. А если сделаешь шаг вперед, ты так ничего и не узнаешь. Доверься мне.

Довериться? С какой стати? Господи, да ведь она его похитила, и, что бы теперь ни говорила, он здесь пленник. И после всего этого она предлагает ей довериться!

Но он… жив.

– Где я? – спросил Кэл, не двигаясь с места.

– Это реабилитационное отделение фонда «Абстерго» в Мадриде.

Кэл не сумел сдержать удивления. «Абстерго»? Конечно, он знает это название. Кто ж не слышал об «Абстерго индастриз»? Все – начиная с сиропа от кашля и заканчивая геркулесовой кашей – производит «Абстерго». Черт, они, наверное, и пентобарбитал производят, который используется для смертельных инъекций, и салфетки, которыми близкие казненного утирают слезы.

Кэл тихо рассмеялся, а София с прежней настойчивостью продолжала:

– Это частная организация, которая занимается улучшением человеческой природы.

Кэл засмеялся громче. Он и улучшение человеческой природы – что может быть более абсурдным? «Не на того парня ставку делаете», – подумал он.

Но ангел не сдавался.

– С твоей помощью, Кэл, мы сможем отыскать способ искоренить насилие.

«Искоренить насилие».

Веселье Кэла угасло. Насилие было неотъемлемой частью его жизни, как дыхание. Эффективный инструмент, который всегда под рукой.

Но если быть честным, в детстве насилие не было ему свойственно. Да, он рос сорвиголовой, в нем кипела неуемная энергия, но он никогда не был жестоким, вспыльчивым, никогда не был… агрессивным. Агрессия, как незваный гость, которого никак не выпроводить, вошла в его жизнь вместе со смертью матери.

Сумеет ли этот ангел что-то сделать? И сумеет ли он ей

помочь?

Разве может ребенок остаться спокойным и уравновешенным после того, как однажды найдет свою мать мертвой на кухне? Когда увидит на той же кухне отца со странным окровавленным клинком?

София Риккин поймала его взгляд. Ее неземное спокойствие обладало заразительной силой. Глядя ей в глаза, Кэл опустил вниз вначале одну ногу, затем другую и отошел от ограждения.

Ее лицо оставалось по-прежнему безмятежно-спокойным, но в глазах промелькнуло… удовлетворение, больше похожее на радость. Черт возьми, даже если действие лекарств закончилось, она продолжала казаться ему ангелом.

Раздался резкий свистящий звук. Маленький дротик вонзился Кэлу в шею, и он упал как подкошенный.

Глава 4

Ангел в душе Софии закипел от злости. Но, принимая во внимание большое количество свидетелей, она мгновенно взяла себя в руки. Повернувшись, увидела Макгоуэна, который холодно смотрел на нее с чувством исполненного долга.

Разумеется, это мог быть только Макгоуэн. Никто другой не осмелился бы нарушить ее приказ не трогать Кэла.

– Спасибо большое, – сказала она ледяным тоном.

– Ваш отец приказал доставить его на место, – как бы извиняясь, сообщил Макгоуэн.

«Ну конечно, отец приказывает – все бегут исполнять». Как она от этого устала! Сейчас дело обернулось уже не просто досадной неприятностью, а демонстрацией недоверия ее профессиональным способностям. Он стал слишком активно вмешиваться в ее работу, неудержимо стремясь к результатам, которые им обоим так нужны.

– Это мой пациент. И это моя программа.

София пристально посмотрела на начальника службы безопасности. Она не была настолько глупа, чтобы не понимать, что это обычные проблемы взаимоотношений в группе. Ее намеренно ограничивают ролью отличного исполнителя, но она не собиралась сдавать свои позиции. Принципиально важно показать Макгоуэну, что она здесь главная.

Тем более что Макгоуэн здесь не один. Опрометчиво с его стороны бросать ей вызов в присутствии пациентов. Большинству из них это совершенно безразлично, но было несколько человек, которые пристально за всем наблюдали… очень пристально.

Мусса, по своему обыкновению, пытался усугубить ситуацию, подстрекая Кэла прыгнуть вниз. И Лин тоже была здесь. Китаянка знала английский, но всегда предпочитала молчать, в то время

как Мусса слишком эмоционален и болтлив. Вспыльчивый как порох Натан и сдержанный Эмир молча наблюдали за их стычкой с Макгоуэном.

София отлично знала, что и отец из своего кабинета следит за ней. Когда он приезжает сюда, то не спускает с нее глаз. Она любила отца и считалась с его мнением. И хотела такой же любви и уважения с его стороны.

Кэл прошел через суровое испытание и едва успел восстановиться. Не только его мозг, но и тело еще не были готовы к той задаче, что ему предстояло выполнить. Из его организма еще не выведен полностью яд, который практически убил Кэла, что и позволило вывезти его из тюрьмы и переправить сюда.

София планировала дать новичку время адаптироваться, понять, какую важную исследовательскую работу она здесь ведет, важную не только для всего человечества, но и для него лично.

Отец срочно прилетел из Лондона и, не объяснив причину, начал форсировать события.

София планировала расположить Кэла к себе, чтобы он добровольно работал с ними, а не на них. Но Алан Риккин, исполнительный директор «Абстерго», ускоряя процесс, расстраивал ее планы.

Как всегда.

Макгоуэн смотрел на нее пустыми глазами. Он знал, что победил. И София это знала.

И она резко сказала:

– Готовьте «Анимус».

Кэл то терял сознание, то вновь приходил в себя, пока два крепких санитара тащили его по коридорам. Он попытался осмотреть огромный зал, где оказался, но голова невольно запрокинулась назад. Все в этом таинственном месте – нет, он теперь знал, как это таинственное место называется… Все в мадридском фонде «Абстерго» было фантастическим и непонятным. К этому моменту он уже научился различать реальность и галлюцинации, вызванные препаратами.

Вначале – невероятный по чистоте больничный бокс. Затем – странный лабиринт из средневековых и современных коридоров и комнат, по которым он, спотыкаясь, бежал. Сад на крыше с гуляющими там подобиями зомби, расположенный очень высоко, на уровне полета орла или – ангела.

Но это…

«Церковь», – первое, что пришло в голову, хотя он редко туда захаживал. Великолепный мозаичный пол, в центре широкая площадка, окруженная двумя уровнями арок. И довершал

невероятную картину ячеистый улей.

В полумраке он различил на стенах росписи – нечеткие, выцветшие от времени, а не расплывавшиеся у него перед глазами от введенного наркотика. Из окон высоко над головой лился солнечный свет и смешивался со слабой голубой подсветкой стеклянных шкафов, хранивших древнее оружие – мечи, луки, кинжалы.

Остальное пространство было заполнено ультрасовременной техникой. Взгляд Кэла скользнул по мониторам, мерцавшим непонятными графиками и схемами, и в голове возникла новая догадка: «Лаборатория».

Зачем он здесь?

Подбежал третий санитар и защелкнул на нем тяжелый полотняный пояс. Ему кажется или пряжка действительно похожа на букву «А»?

Инстинкт самосохранения включил в нем панический страх. Цепь есть цепь, состоит ли она из металлических звеньев или имеет вид полотняного пояса с пряжкой в виде блестящей буквы «А». Он лихорадочно искал глазами Софию. Она спокойно смотрела на него, и в ее холодных голубых глазах он не смог прочитать ничего.

– Клинки готовы? – спросила она.

Кэл не сразу понял, что она обращается не к нему, а к своему помощнику, стоявшему в нише у мониторов.

– Сейчас, – ответил молодой человек с бородкой. Он шагнул из двадцать первого века в век четырнадцатый, от мониторов к стеклянному шкафу, достал что-то и протянул санитарам – или каким-то ассистентам, черт их знает, кто все эти люди.

– Их принадлежность подтверждена? – задала очередной странный вопрос София.

– Они действительно принадлежали Агилару, их извлекли из его могилы.

Могилы? Они что, расхитители гробниц?

София предлагала довериться ей, и тогда он все поймет. И потому он отошел от края пропасти и за это, как дикое животное, выражаясь образно, получил укол дротиком, а потом его притащили в некое подобие церкви… где вообще ничего не имело даже малой толики смысла.

Два ассистента принесли не то латы, не то нарукавники, санитары еще крепче сжали руки, удерживая Кэла, пока их ему надевали.

Он затравленно посмотрел на Софию.

– Что это? – проворчал он, безуспешно пытаясь сопротивляться.

Нарукавники были кожаные, очень старые, но каким-то образом ему знакомые.

– Это реликвия, и твоя ДНК позволит нам связаться с твоим древним предком, – пояснила София.

– Что?

Кэл хорошо все расслышал, но ничего не понял. София, не отводя взгляда от Кэла, обратилась к своим ассистентам:

– Приготовиться. Точка регрессии – Андалусия, тысяча четыреста девяносто первый год. Все записываем.

Экраны ожили. Кэл не успевал следить за мелькавшими изображениями, цифрами, схемами. Все это было за пределами его понимания, как для кота аэроплан.

– Рука готова, – сообщил Софии один из ассистентов.

«Рука?»

Над головой раздался зловещий звук заработавшего гидравлического механизма. Дурман в мыслях мгновенно рассеялся, Кэл четко осознал, что прикреплен к какой-то массивной машине, тускло поблескивавшей в свете, падавшем из окон. Механизм, вращаясь и обманчиво нежно жужжа, опускался, волнообразно разворачиваясь, как железная змея, просыпающаяся от долгой дремоты, пока не раскрылась его V-образная пасть.

Она опустилась куда-то за спину Кэла и с изящным щелчком замерла в готовности. Так вот что они называют «рукой»! И эта двупалая рука плотно схватила Кэла сзади за пояс.

Животный страх охватил Кэла, он едва не обделался. Кое-как ему удалось побороть страх яростью.

– Что это?

София смотрела на него с безмятежностью ангела, но вдруг опустила глаза, не в состоянии выдержать его взгляд.

– Прости, Кэл, – сказала она, и в ее голосе он услышал искреннее сожаление. – Мне тоже это не нравится.

– Тогда не делай этого!

Некое шестое чувство подсказывало ему, что он никогда не будет прежним, если она сделает то, что задумала.

София посмотрела на него, и было в ее взгляде странное смешение сожаления и жесткой непреклонности.

– Дайте анестезию.

Десять металлических игл, похожих на лапки насекомого, впились ему сзади в шею. Он не успел увернуться, как что-то острое и длинное с невыносимой болью вошло в основание его черепа.

Он закричал.

С детства Кэл боролся за свою жизнь. Он совершил убийство. И сам несколько раз был на волосок от гибели. Он убегал от

полиции, в него стреляли, кололи ножом, избивали до полусмерти.

Но никогда он не испытывал такой адской боли.

«Это не больница. Не лаборатория. Это камера пыток».

Довольно скоро боль поутихла, так что он смог вдохнуть и заорал:

– Что вам от меня надо?

София спокойно и четко ответила:

– Твое прошлое.

– Мое прошлое?..

Странно, но он вдруг вспомнил песню Пэтси Клайн, которая звучала по радио в тот день тридцать лет назад.

«Я схожу с ума», – пронеслось в голове.

Кэл, не скрывая ужаса, посмотрел на Софию. Казалось, она почувствовала его состояние, и голос ее изменился.

– Послушай меня внимательно, Кэл. Сейчас ты войдешь в «Анимус».

Слово вызвало у него реакцию, которую она не ожидала. Будучи подростком, он слышал о существовании дорогого программного обеспечения, выпущенного компанией, впоследствии получившей известность как «Абстерго энтертейнмент». Ходили слухи, что они создавали игры, используя воспоминания предков конкретных людей, эти везунчики тщательно отбирались, возможно, среди тех, кто сидел в шикарных офисах и проводил время в легендарной машине под названием «Анимус», похожей на удобное супернавороченное кресло.

Пока Кэл менял колонии для несовершеннолетних и интернаты, он научился виртуозно воровать программные обеспечения прямо из-под носа у продавцов, потом за большие деньги продавал детям, которые реальным дракам с разбитыми руками и носами предпочитали виртуальные бои.

Вот, значит, каков он, этот «Анимус»? Эта чудовищная, обладающая железной хваткой рука, что тянется из мутных глубин пороков и кошмаров неизвестного человека, и есть источник для создания детских видеоигр?

София продолжала, снова завладев его вниманием:

– Все, что ты увидишь, услышишь, почувствуешь, – это информация, сохранившаяся в памяти человека, который умер более пятисот лет назад.

Вдруг Кэл заметил, что София говорит, а сама тем временем отступает от него. Накатила новая волна страха, и он потянулся к ней – единственной здесь, кто видел в нем человека, и той самой, что распорядилась затолкнуть его в руку «Анимуса».

– Подождите! – закричал он, но было поздно.

Будто какой-то великан поднял его вверх и закружил, как на карусели. Стиснутый невероятной силой, Кэл беспомощно болтался в воздухе.

– Запомни, ты не можешь изменить происходящего, – прокричала София сквозь жужжание «Анимуса». – Следуй за событиями, не пытаясь их изменить, и не вздумай убегать. Это опасно для тебя. Оставайся в потоке памяти.

С того ужасного дня, когда он зашел в дом и увидел еще не остывший труп матери, увидел отца с окровавленным кинжалом, который намеревался убить и его самого, Кэл никогда и никому не позволял подавлять или контролировать свою волю. Даже в тюрьме он сумел отстоять свое личное пространство, в каком-то смысле сумел остаться независимым.

Но здесь рука «Анимуса» и эта женщина с ангельским лицом в одно мгновение лишили его воли и превратили в тряпичную куклу. И он понимал, что это только начало.

Машина жужжала, крутила и вертела Кэла, а София продолжала давать распоряжения, смысла которых он не понимал, но полностью от них зависел.

– Включить сканер! – приказала София.

Объективы облепили его со всех сторон, их «глаза» последовательно включались и выключались, считывая… что? Откуда-то сверху спустились фантастического вида приборы и начали медленно двигаться вокруг него, зловеще пощелкивая.

Кэл перевел взгляд с окружившей его техники на людей внизу, застывших у экранов мониторов.

– Сканер считывает воспоминания, – крикнул один из них Софии. Она стояла прямо под ним на расстоянии не менее двадцати футов и, запрокинув голову, смотрела на него.

– Состояние? – спросила она, не сводя глаз с Кэла.

– Наблюдается ток крови и нейронная активности… ДНК полностью совпала.

София, освещенная голубоватым светом мониторов, улыбнулась Кэлу.

– Держись, Кэл! – крикнула она ободряюще.

Несмотря на то что именно София устроила ему эту пытку, Кэл чувствовал, что она на его стороне.

– Сканирование цепочки ДНК. Поиск нужной временно́й точки.

Сейчас рука обращалась с Кэлом на удивление деликатно: медленно поднимала и опускала, разворачивая лицом то к одному странного вида прибору, то к другому. Кэл успокоился и даже начал привыкать к производимым с ним манипуляциям,

хотя сердце продолжало колотиться.

– Есть первое совпадение воспоминаний, – сообщил ассистент.

– Целостность эго? – спросила София.

– Оптимальная, – ответил на этот раз женский голос.

– Синхронизация, – приказала София, не сводя с Кэла глаз, и он заметил тревогу на ее лице. За него? Нет, конечно, за свой проект.

– Связь с предком установлена. Мы нашли Агилара.

Неожиданно для самого себя Кэл сделал резкие движения руками – и выдвинулись клинки, спрятанные в наручах. Он недоуменно посмотрел на них.

– Эго полностью интегрировано.

Кэлу показалось, что слова ассистентки прилетели откуда-то издалека. Ему вдруг захотелось закрыть глаза, но что-то подсказывало, что этого делать нельзя. В следующее мгновение он уже плотно сжал веки.

И погрузился в странный покой.

– Синхронизация завершена, – раздался мужской голос.

Потом донесся ее голос – мелодичный, как дыхание благодатного летнего ветра:

– Хорошо.

Да, хорошо. Покой, неведомый доселе. Божественный. Как в раю.

Кэл медленно открыл глаза. Насколько он боялся прежде, настолько был спокоен сейчас.

– Начать регрессию, – приказал ангел.

– Регрессия запущена.

И Кэл полетел вниз, а пол летел ему навстречу. Его сильно затошнило.

И вдруг пол раздвинулся и его засосало в тоннель бурлящего ослепительного сияния. Он не успел закрыть глаза, как свет потускнел. И Кэл увидел величественный город, играющий красками золота, бронзы и терракоты.

Его взгляд медленно скользил, охватывая каждую деталь, и неожиданно он почувствовал себя орлом, тем самым, что летал у него над головой, когда Кэл, после неудавшейся попытки приземлиться на контейнер, переживал, как объяснить родителям, где он повредил велосипед и сам поранился.

В тот самый день его жизнь рухнула.

И вдруг Каллум Линч исчез, остался только раскинувшийся внизу город, на который он смотрел глазами парящего орла.

Глава 5

Осажденная Гранада, Испания
1491 г.

С высоты все события человеческого мира были ничтожны, растворялись в свистящем ветре на фоне могучего хребта Сьерра-Невада. Но если спуститься вниз, спикировать, как и сделал орел, можно увидеть небольшие строения, а среди них – подобную горному массиву мощную крепость, чья стена повторяла изгиб серебрящейся реки, а на мосту крепости, на ее валу и на улицах сражались, истекали кровью и умирали люди.

Ничтожная вещь – жизнь человека, но бесценная для тех, кому она принадлежит. Здесь сражались тысячи: звенели мечи, свистели стрелы, лязгали кинжалы и пики, полыхал огонь и вера жгла сердца. Дым поднимался мрачными клубами, и пробивавшиеся сквозь них лучи солнца сверкали на стальных шлемах.

Всадники лавиной грохотали по улицам, сверху лучники отчаянно пытались их остановить. Ветер трепал некогда белые знамена, ставшие сейчас грязными лохмотьями, но вышитые на них красные кресты еще можно было различить.

Под крыльями орла проплывал прекрасный дворец – Альгамбра. Мавры отчаянно сражались, защищая дворец, сверху султан угрюмо смотрел на кровавое безумие, затем он перевел взгляд на горы, где в маленькой, уже запылавшей деревушке было спрятано самое дорогое его сокровище, которое готовились спасти таинственные защитники.

«Наша задача – мальчик – так несколько часов назад сказал Наставник Бенедикто. – Нас предали. Если тамплиеры его найдут,

то обменяют на Яблоко Эдема. У султана Мухаммеда не будет выбора».

Сказано кратко, но емко. Все, отправившиеся выполнять задание, были опытными и хорошо знали ценность Яблока. Но Агилар де Нерха чувствовал, что эти слова в первую очередь адресованы ему.

За несколько месяцев, прошедших со дня посвящения в братство ассасинов, он хорошо показал себя: четко выполнял приказы Наставника, никогда не проявлял своеволия. Он закрепил за собой репутацию надежного воина с холодной головой, способного контролировать свои эмоции. И то, что ему доверили участвовать в этой миссии, свидетельствовало о том, как высоко его ценят.

Ассасины знали, что магистр тамплиеров Томас де Торквемада охотится за Яблоком Эдема. А если в дело вмешивался Великий инквизитор, неизменно случались две вещи. Во-первых, вспыхивали костры и под предлогом избавления от еретиков невинные люди принимали страшную смерть.

Во-вторых, в нужное время и в нужном месте появлялся Охеда – Черный Рыцарь ордена.

Разведчик, наблюдавший за передвижениями тамлиеров, сообщил о двух дюжинах всадников, сопровождающих две повозки: одна везла бочки, и что там внутри – сказать было трудно, а на другой – пустая клетка.

Очевидно, тамплиеры намерены привезти султану наследника в клетке, как дикое животное.

Отряд возглавлял хорошо всем известный маршал Рамирес.

Крепкий, мускулистый, с безупречной осанкой, с длинными седыми волосами и лицом, покрытым шрамами, беззаветно преданный ордену тамплиеров, он был отменным стратегом и мужественным воином. Торквемада высоко ценил его.

– И вместе с Рамиресом, – разведчик посмотрел на Бенедикто, – едет Охеда.

Бенедикто ничего не сказал и даже не глянул в сторону Агилара. Но тот понимал, что Охеда, схвативший его родителей и отдавший их на растерзание Торквемаде, беспокоит Наставника. Для Бенедикто важно быть уверенным, что у Агилара не возникнет соблазна превратить миссию спасения в личную месть.

Агилар понимал это. И он не поддастся соблазну.

Но при этом Агилар знал: если во время спасения принца Ахмеда судьба предоставит ему возможность собственными руками убить Охеду, он не раздумывая сделает это.

Они начали долгий спуск вниз, перепрыгивая с одного скального выступа на другой, находя опору там, где ее

практически не существовало. Они быстро двигались по направлению к деревне, где на окраине враг для устрашения уже жег дома. Спустившись, ассасины легко смешались с жителями, испуганно следящими за приближением тамплиеров. Один из постулатов Кредо гласил: «Будь незаметным, оставаясь на виду».

Как только показались всадники, ассасины разделились и просочились в толпу. В авангарде ехали воины с безжалостно холодными глазами, облаченные в латы, в красных плащах, вооруженные копьями, мечами или арбалетами.

Одни всадники остались в седле, с высокомерием оглядывая толпу. Другие спешились и окружили жителей, готовые при малейшем неповиновении уничтожить любого.

Маршал Рамирес выехал вперед. Легендарный воин был в изысканной бархатной тунике красного цвета, надетой поверх кольчуги. Фигура маршала притягивала взгляды, но Агилар смотрел вовсе не на него, сосредоточив все свое внимание на огромном, как гора, рыцаре, который с каменным лицом ждал, пока маршал спешится.

Агилар понял, почему Охеда получил прозвище Черный Рыцарь. Все – от заплетенных в косу волос до сапог – было черного цвета, чернее мрака ночи. «Как и его сердце», – с внезапным приливом ярости подумал Агилар. Воротник из тисненой кожи, защищавший толстую шею рыцаря, и наплечники на его могучих плечах покрывали царапины. Желтая песочная пыль толстым слоем лежала на плаще с вышитым крестом. Единственное, за что мог зацепиться луч солнечного света и рассыпаться блеклыми искрами, – потускневшая серебряная кольчуга под кожаным нагрудником. Наручи у него отличались от наручей Агилара, они были сделаны из великолепной тисненой кожи черного цвета.

И конь под пыльной черной попоной был под стать своему седоку – породистый и мощный вороной жеребец с густой гривой и таким же густым хвостом. Красивый андалусский жеребец, как и сам Охеда, был в доспехах из черной кожи, усеянных острыми металлическими шипами.

Спешившись, Рамирес в сопровождении небольшой группы воинов твердой походкой направился к небольшому каменному дому. Охеда со своими рыцарями остался снаружи. Он молча и неподвижно сидел в седле, но уже одним своим присутствием внушал жителям деревни панический ужас. Неудивительно, что Торквемада высоко ценил Черного Рыцаря. От дыма, смешанного с пылью, Агилару жгло глаза. Приученный терпеть боль, он снимал ее остроту частым морганием.

Несмотря на обретенную выдержку, сердце Агилара учащенно

забилось, когда он впервые увидел человека, погубившего его родителей. Но он сохранял спокойствие, помня о миссии, возложенной на него Наставником.

Только мальчик – его тамплиеры могли обменять на Яблоко Эдема – имел значение. Только мальчик – и ничто больше. И если по воле счастливого случая Рамирес со своими воинами не найдет в этой деревушке наследника султана, ассасины не тронут ни его, ни остальных. И Агилар будет молча и неподвижно наблюдать, как ненавистные тамплиеры живыми и невредимыми покинут деревню.

Это было бы идеальным исходом дела. И Ахмед остался бы в безопасности, и Яблоко Эдема было бы сохранено, и все ассасины вернулись бы сегодня в крепость живыми.

Но почему-то Агилар хотел, чтобы все вышло иначе.

И минуту спустя это совсем не благородное желание сбылось: в доме раздался крик, выбежал воин.

– Мы нашли его, – сообщил он застывшему в ожидании Охеде. Тот кивнул и, на удивление ловко для такого мощного воина, спешился.

«Кто же предал нас?» – гадал Агилар. Вероятно, это навсегда останется тайной. На руку тамплиерам сыграл чей-то страх или алчность. Но это не имеет значения. Миссия ассасинов – спасти юного принца Ахмеда.

И ее нужно выполнить.

Охеда двинулся к дому, распугивая жителей, как лев коз. Щелки глаз цепко хватали и отбрасывали каждого, кто попадал в поле зрения. Вдруг его взгляд остановился на женщине, Охеда схватил ее за головной платок и резко повернул руку, наматывая его; женщина не удержалась и упала на колени.

– Кто прятал мальчишку? – прогремел его бас.

Агилар видел страх и боль в глазах женщины, но она молчала. Охеда нахмурился, его огромная рука сделала еще один оборот, женщина захрипела.

– Я. Я один, – раздался голос, и из толпы вышел мужчина.

Это был Диего, давний друг братства. Бенедикто пришел к нему и попросил спрятать юного принца, и у Диего хватило смелости укрыть мальчика. Как и женщине, которую держал Охеда, ему сейчас было страшно – любому здравомыслящему человеку было бы страшно в подобной ситуации, но Диего не подавал виду.

Агилер знал: чтобы сохранить жизнь и даже разбогатеть, Диего достаточно показать на человека в капюшоне, растворившегося в толпе, и выкрикнуть одно слово: «ассасин». Но он этого не сделал.

Прокладывая путь сквозь толпу, Агилар заметил, что Диего и женщина быстро обменялись взглядами. И Охеда это заметил. Рыкнув, он приподнял женщину и швырнул на землю. Обернулся и посмотрел на вышедшего из толпы мужчину, над которым возвышался почти на фут.

– Никто не знал, что мальчик здесь, – сказал Диего.

Охеда смерил его взглядом и кивнул рыцарям.

– Меня восхищает твоя смелость, за это я сохраню тебе жизнь.

Диего облегченно выдохнул, словно не замечая, что рыцари уже крепко держали его за руки. Рот Охеды дернулся в подобии улыбки, он приказал:

– Всю его семью повесить у него на глазах. Первыми женщин. От них разит грехом и свиным навозом. Деревню сжечь.

«И после этого тамплиеры смеют утверждать, что преданно служат Господу», – подумал Агилар. Ярость закипела в крови. Он подавил ее и, вместо того чтобы броситься на ненавистного и жестокого врага, заставил себя непринужденно лавировать в толпе, выжидая.

И, даже услышав приговор, Диего не выдал ассасинов. Он понимал, что́ поставлено на кон, и знал, что у него и его семьи остается шанс спастись, пока ассасины живы. Тамплиеры потащили Диего и женщину – его жену – к месту казни.

Агилар держал голову опущенной, темно-коричневый капюшон скрывал его лицо. Внутри все кипело от соблазна подойти поближе к Охеде и убить его. Но богиня судьбы определила ему иную миссию, и, как напоминание, Наставник Бенедикто тенью маячил за спиной Черного Рыцаря.

Следуя своей цели, Агилар незаметно вышел из толпы и скользнул за дом, в котором был спрятан принц, быстро взобрался на крышу и притаился. Его никто не заметил. Жителей деревни ударами и пинками швыряли на землю, тем временем воины вытащили из дома мальчика. За ними с видом победителя вышел Рамирес. Он с удовлетворением наблюдал, как мальчика потащили к повозке, на которой помещалась клетка. Грубо распахнули дверцу клетки и затолкали Ахмеда внутрь.

– Смотрите на принца Гранады! – с презрением прокричал Рамирес. – И теперь его отец, султан, сдаст свой мятежный город – последнее пристанище неверных! Господь накажет их за ересь. Испания наконец перейдет во власть тамплиеров!

Ассасины дали ему пережить минуту славы. И атаковали – одновременно и точно, словно заранее спланировали каждое движение.

Агилар спрыгнул с крыши, клинки мгновенно вылетели из наручей. Рамирес увидел тень ассасина и повернулся, но

слишком поздно, чтобы обнажить меч. Он успел лишь глянуть в глаза Агилара, и лезвия крест-накрест полоснули ему по горлу.

Кэл посмотрел на свою правую руку и увидел тонкий стальной клинок под пальцами… но почему пальцев не пять – четыре? Ритуал…

– Оставайся в потоке памяти, Кэл!

Агилар закрыл глаза мертвому Рамиресу и выпрямился.

– Ассасины! – завопили вокруг.

И ад разверзся.

Глава 6

Прыжок Агилара стал сигналом к бою.

Он заметил, что Бенедикто встал прямо за спиной Охеды. Каким-то звериным чутьем Охеда распознал присутствие ассасина. И в тот момент, когда Бенедикто размахнулся топором, который наверняка должен был отсечь Черному Рыцарю голову, тот присел и с невероятной быстротой отскочил в сторону.

Огромный кулак пришелся Бенедикто прямо в лицо, мгновенно последовавший второй удар сбил его с ног. Агилар вдруг понял, насколько правы были братья, уверяя, что он не мог спасти своих родителей, даже если бы стоял среди зевак на площади во время их сожжения. Агилар не был новичком, не познавшим крови. Он вместе с братьями уже сражался с воинами, причем не менее опытными, чем Рамирес, которого он только что убил. Но Охеда более походил на неукротимую стихию, нежели на смертного человека.

Все это вспышкой молнии пронеслось в его голове.

Краем глаза он заметил, как один из братьев выхватил парные мечи и зажал шею тамплиера между острых как бритва лезвий. Голова покатилась по земле с широко открытыми от удивления глазами.

Другой сзади перерезал рыцарю горло, третий свернул противнику шею.

Еще один, повалив врага на землю, ногой раздавил ему трахею.

Но именно Мария первой вспомнила о наставлениях Бенедикто: «Наша задача – мальчик!» И пока братья, включая Агилара, на которого набросились два тамплиера, продолжали вести бой, она побежала к повозке, где в клетке сидел принц Ахмед.

Каждый ассасин владел особыми, скрытыми в наручах клинками. Агилар знал, что в наручах на одной руке Марии спрятан механизм, который выбрасывал нож, как стрелу, в других были два тонких парных лезвия.

Вот и сейчас она сделала резкое движение левым запястьем – и в живот тамплиера, стоявшего у повозки, вонзились два острых клинка. Тот согнулся, Мария выхватила у него копье и пронзила острием горло противника.

Тамплиер упал на землю. Мария легко запрыгнула на место кучера, хлестнула вожжами лошадей, и они понеслись.

Агилар все это заметил мельком и бросился наперерез двум воинам, которые пустились в погоню за Марией. Одного он ударом кулака опрокинул навзничь, из резкого разворота полоснул клинком по горлу второго, подбиравшегося сзади, сделал еще один разворот и, свернув шею пытавшемуся подняться врагу, швырнул его лицом в землю.

На мгновение он поднял голову, чтобы перевести дыхание, и увидел новую угрозу – Охеду. Это был не просто мощный и умелый воин, он был дьявольски умен. Именно поэтому Бенедикто выбрал его своей целью.

Но Наставнику не принесли успеха ни боевое мастерство, ни богатый опыт, ни безупречное умение выбрать нужный момент. И сейчас трое солдат навалились на Бенедикто, пытаясь сломить его отчаянное сопротивление.

Сердце Агилара дрогнуло, но бешеная ярость затмила сострадание.

«На его месте должен быть я. Я, не Бенедикто, вооружен непримиримой ненавистью. Это я должен был прикончить Охеду».

– Агилар! – только и успел крикнуть Бенедикто, задохнувшись от сильного удара в живот.

Стоило Агилару двинуться в сторону Охеды, тот завертел головой и увидел, что Мария увозит наследника.

С неожиданной для такого громилы скоростью он подлетел ко второй повозке, сбросил на землю своего же воина и занял его место.

– Агилар! – сквозь крики и лязг оружия донесся голос Бенедикто. – Мальчик! Мальчик!

Агилар заскрипел зубами. Всеми фибрами души он рвался в погоню за Охедой. Расклад сил был не в пользу ассасинов. Он понимал, что может погибнуть сегодня. И если этому суждено случиться, он хотел умереть в поединке с Черным Рыцарем, убившим его родителей и сейчас приказавшим стереть с лица земли деревню, жители которой осмелились встать на пути

тамплиеров.

Но Агилар подчинился Наставнику. В следующее мгновение он уже был рядом с всадником. Одной рукой схватил поводья испуганной лошади, второй скинул седока, а затем запрыгнул в седло.

Сильное, быстрое и послушное животное стрелой рванулось вперед. Остальные братья тоже услышали приказ Наставника. Один за другим они разделывались со своими противниками – кроме тех, кто пал в схватке, – и поспешили вдогонку за повозками.

Но и тамплиеры заметили бегство Марии с наследником и как бешенные пустились вдогонку. Охеда настигал ее, практически поравнялся с ней. Мария наградила его презрительным взглядом, гикнула и стегнула лошадей. Первым ее догнал верховой тамплиер, он прыгнул и ухватился за прутья решетки.

Агилар торопил коня, припадая к его шее. Мария вовремя заметила тамплиера, смотревшего на нее с вожделением хищника. Она мгновенно подпрыгнула, сделала кувырок в воздухе, оттолкнувшись ногами от стены узкого каменного ущелья, приземлилась в повозку прямо за спиной тамплиера.

Замешкавшись, он не сразу пустил в ход меч, и это ему дорого стоило. Мария ударила его ногой в живот, он выронил оружие, и она нанесла второй удар. Тамплиер вылетел из повозки на камни, а Мария успела подхватить выпавший из его рук меч.

На смену упавшему воину в повозку забрался второй. Мария замахнулась на него тамплиерским мечом.

Но этот оказался проворнее первого. Он ловко увернулся и бросился на Марию с длинным кинжалом. Она отпрыгнула, закружилась, как дервиш, и ударила его локтем в лицо. Еще один разворот, и она ногой раздробила ему кадык. Тамплиер зашатался, хватая ртом воздух, и выпал из повозки.

Третьего, догнавшего ее, она сразила в грудь стрелой из арбалета. Быстро запрыгнув на клетку, а оттуда на место кучера, схватила поводья и подстегнула лошадей.

Схватка заняла не более минуты.

За повозкой с принцем неслась кавалькада всадников из рыцарей и братьев, на узкой дороге стало тесно. Агилар направил своего коня вправо на горную тропинку, чтобы обогнать теснившихся на дороге. Охеда догонял повозку с Марией и юным пленником, а он догонял Охеду.

Он коленями ударил коня, заставляя поднажать, и вскочил ногами на седло. На мгновение задержался, балансируя и выбирая нужный момент, и прыгнул с несущегося галопом и

покрытого пеной скакуна прямо в повозку Охеды. Приземлился не самым удачным образом, сильно ударившись о деревянный борт повозки.

Агилар понимал, что его прыжок не останется незамеченным. Он не успел подняться, как Охеда уже бросился к нему.

Впервые в жизни Агилар де Нерха получил возможность посмотреть прямо в глаза убийце своих родителей. Он удивился, что у Охеды были странного цвета глаза: один карий, второй неестественного бледно-голубого цвета, пересеченный шрамом, идущим от брови вниз к подбородку. Но оба глаза смотрели на него с холодной звериной злобой. На мгновение в них искрой мелькнуло узнавание и тут же погасло. Мать часто говорила Агилару, что у него отцовские твердо очерченные скулы и ее глаза.

«Охеда, ты вспомнил их, глядя в мое лицо? Почувствовал холодные мурашки, словно встретил призрака из своего темного прошлого?»

Секунду они смотрели друг на друга, а затем Охеда с ревом бросился на Агилара. Небольшой острый топор взмыл вверх и обрушился на ассасина. Тот едва успел выбить его из рук Черного Рыцаря. Топор отлетел в сторону. Не медля ни секунды, Охеда снова яростно атаковал Агилара, не давая тому шанса нанести ответный удар или обнажить спрятанные в наручах клинки.

Марию окружали тамплиеры, и на какое-то мгновение он потерял ее из виду. Его охватил страх, невыносимо было думать о том, что ее выкинут из повозки, под копыта несущихся галопом лошадей. Но Агилар не позволил страху взять над собой верх, когда он сражается один на один с Охедой…

Неожиданно повозку сильно подбросило – колесо ударилось о большой камень. По горной дороге нельзя так гнать лошадей. Поединок не состоялся. Раздался страшный грохот и оглушительное ржание лошадей. Колесо слетело, и повозка рухнула осью на землю, угрожая перевернуться. Обоих противников бросило вперед. Агилар воспользовался ситуацией и прыгнул в повозку Марии…

…Огромная механическая рука резко приподняла Кэла, так что он повис, болтаясь в воздухе, но тут же бросила его вниз на каменный пол…

…и, едва не промахнувшись, ударился об угол железной клетки и, охнув, упал на дно повозки.

Агилар слышал, как за спиной с треском, ломалось дерево, повозка с Охедой раскололась в щепки. Он надеялся, что и Охеда

останется лежать на дороге, истекая кровью и умирая.

Приятная сердцу картина. И только великолепных лошадей было жалко.

Агилар посмотрел вперед и ужаснулся. Мария словно бы выпала из повозки и повисла между двумя задними лошадьми.

По тому, как яростно орал тамплиер, пытаясь достать ее мечом и не замечая ассасина, возникшего в повозке у него за спиной, Агилар догадался, что Мария жива.

У Агилара не было времени забираться на крышу клетки. Одним движением он выхватил из ножен на бедре кинжал и метнул его. Кинжал пролетел прямо над головой перепуганного принца, не задев прутьев решетки, и вошел в шею тамплиера. Безжизненное тело сползло с сиденья, представляя теперь не больше опасности, чем любой камень на дороге.

Агилар вскочил на ноги и поверх клетки посмотрел вперед. И снова его охватил ужас. Мария и пытавшийся убить ее тамплиер так были поглощены схваткой, что перестали управлять повозкой. Испуганные шумом и запахом крови, лошади неслись галопом прямо в пропасть.

Было поздно хвататься за поводья и разворачивать лошадей влево, возвращая на дорогу. Агилар посмотрел в испуганные глаза мальчика и попытался острием кинжала открыть защелку клетки. Сердце его дрогнуло, когда он услышал крик Марии:

– Агилар! Мальчик!

Любимый голос придал ему силы. Он рывком открыл дверцу и вытащил принца. В это мгновение лошади уже должны были лететь в пропасть. Но этого не произошло. Они каким-то образом свернули влево, но повозка продолжала мчаться к верной гибели.

Унося с собой Агилара и принца Ахмеда.

Колеса уже не касались земли, повозка перевернулась и полетела вниз.

И тут наконец принц закричал.

Но продолжал мертвой хваткой держаться за руку Агилара. Из наруча на этот раз вылетел не клинок, а крюк. Он надежно впился в землю, прикрепленная к нему веревка натянулась.

Рука Ахмеда соскользнула.

Быстрее, чем атакует змея, Агилар извернулся и схватил его за запястье. Они болтались в воздухе, их раскачивало и безжалостно било о стену пропасти.

Слышно было, как далеко внизу повозка с грохотом разбилась о камни.

А над ними на самом краю пропасти, зловеще ухмыляясь, стоял Охеда.

Глава 7

– Возвращайте его! – закричала София.

У нее была тщательно подобранная команда, которая умела молниеносно выполнять приказы. Но сегодня она была довольна их работой как никогда.

Рука «Анимуса» опустилась на пол. Кэл безвольно висел в ее железном захвате. Он был без сознания, но живой.

– Начать реабилитацию, – распорядилась София. – Проверьте работу всех его систем и зарегистрируйте состояние.

Она подошла к Кэлу и опустилась возле него на колени. Пристально посмотрела в широко открытые, ничего не видящие глаза и едва сдержала желание погладить его. Но София Риккин была ученым, и притом хорошим. А ученые не должны позволять себе какие-либо симпатии к лабораторным крысам.

«Но от него так много зависит…»

– Ты молодец, Кэл, – непроизвольно вырвалось у нее. И в голосе слышалась теплота.

Подошли санитары и подняли обмякшее тело Кэла.

– Поаккуратнее с ним, – велела София. – Никто не должен входить в его блок без моего разрешения, включая моего отца, – добавила она.

Санитары кивнули и потащили Кэла, пусть не бережно, но осторожно, как она и просила.

– Вы тоже молодцы, – сказала София, обращаясь к Алексу и Самиа, своим ассистентам. – Как его состояние?

– На удивление хорошее, – ответил Алекс. – Крепкий парень. Все показатели хорошие. Но вы же знаете, в любом случае надолго его не хватит.

– Да, это было слишком интенсивное имитационное моделирование, особенно для первого раза, – согласилась София.

Кэл сейчас эмоционально опустошен и будет спать несколько часов. В их распоряжении достаточно времени, чтобы обработать полученную информацию. И София была готова приступить к работе немедленно.

– Можете пойти пообедать, – предложила она своим ассистентам. – Вернетесь, и мы продолжим работу.

Алекс и Самиа переглянусь. Они, как никто другой, знали своего босса и понимали, что София хочет сама кое в чем разобраться.

В конце концов, эту технологию, как теперь стало ясно, разработала именно София Риккин. И застывшую в центре зала огромную руку, и ее ранние версии, что находились в других центрах «Абстерго», разбросанных по всему миру.

Ассистенты кивнули и пообещали вернуться через час. Когда разошлись и остальные члены ее команды, София осталась наедине со своим любимым творением.

София родилась в тысяча девятьсот восьмидесятом году, когда Уоррен Видик, создатель первого «Анимуса», только начал серьезную работу над этим проектом. Софии нравилось думать, что она росла вместе с «Анимусом». Ранние модели представляли собой кресло или стол, где испытуемый лежал со специальным шлемом на голове, который считывал активность мозга и через его ДНК обеспечивал доступ к памяти предка. Записи имитационного моделирования выводились на экран компьютера.

Но София, чьими няньками в детстве были компьютеры, мечтала добиться большего. По ее мнению, необходимо было трехмерное моделирование, соответствующее реальным размерам и объемам, то есть наблюдатель должен был видеть события такими же, какими их видел подопытный. Требовалось создать виртуальную реальность, но на более высоком уровне, чем было доступно на тот момент.

Более того, ей хотелось вовлечь в процесс и тело испытуемого, чтобы он мог прожить события прошлого в активной, а не пассивной форме. София считала, что большинство ученых недооценивают преимущества кинестетической памяти. Она твердо верила: это создаст цепь положительной обратной связи. Если испытуемый будет совершать те же движения, что и его предок, например движение руки, позволяющее выдвинуть скрытый клинок, то они глубоко отпечатаются в его памяти.

«Это так очевидно», – сказала она своему отцу, когда они ужинали в одном из ресторанов Парижа. И хотя он скрыл свои эмоции под маской вежливой бесстрастности, она поняла: для него это совершенно не очевидно.

В прежних моделях использовали лишь часть предлагаемых Софией решительных перемен. И только эта, последняя, была воплощением всех ее идей.

София включила запись, чтобы повторно просмотреть ее. Она видела то, что видел Кэл, но не могла чувствовать то, что переживал он. И была этому рада. София никогда не испытывала желания оказаться в «Анимусе», хотя слышала, что новый директор Центра исторических исследований в Лондоне сделал это под нажимом тамплиеров высокого ранга.

Она просматривала эпизод, когда Кэл наклонился над Рамиресом и на мгновение застыл в ужасе и полном недоумении. Здесь она могла его потерять – в момент первого убийства. Но Кэл услышал, как она его окликнула, и остался в потоке памяти. И, ах, какой получился материал – ясный, четкий. А ведь для него это был первый эксперимент.

София остановила запись в другом интересном месте и обошла вокруг могучей фигуры Охеды. Она внимательно рассматривала его облачение – великолепные доспехи, искусная работа, и все для того, чтобы мечи, стрелы, копья оставили на них свои безобразные метки, чтобы их, как сейчас, покрывала пыль, грязь и кровь. Замечательно. Она могла протянуть руку и практически прикоснуться к Черному Рыцарю.

У Кэла была такая возможность. Все воспоминания он пропустил через свою сенсорную систему. Когда он убил Рамиреса, для него это было столь же реально, как если бы он пронзил живого человека в этом зале.

У Софии Риккин был секрет. Она никогда и никому о нем не говорила, даже отцу. Большинство своих научных открытий она делала не только в результате напряженной работы ума, ведомая жаждой знаний. Сначала они родились в ее воображении – воображении маленькой одинокой девочки, настолько важной для великого Алана Риккина, великого магистра ордена тамплиеров, что ее оберегали от игр и общения с обычными детьми, но не настолько важной, чтобы отец мог понять, что именно об этих играх она страстно мечтала все свое детство.

И София Риккин научилась создавать свои собственные игры… создавать «воображаемых друзей». Она любила историю, и поэтому ее «друзья» были из разных эпох. Она любила науку, и поэтому ее «друзья» приходили к ней через машину времени.

Она не создала машину для путешествий в прошлое в буквальном смысле, но «Анимус» позволял максимально к этому приблизиться. Могучая фигура тамплиера, застывшая в центре зала, была материализацией идеи, которая осенила ее в пять или шесть лет. Она дала телесную оболочку и голос человеку,

который существует только в памяти другого человека, умершего много веков назад.

София оглянулась на застывшую голограмму Каллума Линча. У них было много общего, больше, чем он мог предположить.

И в какой-то мере София завидовала ему.

Алан Риккин, исполнительный директор «Абстерго индастриз», великий магистр ордена тамплиеров, член закрытого совета ордена, куда входили только избранные, был гражданином мира. Но прежде всего он был англичанином и потому предпочитал всем другим офис в Лондоне. Еще вчера вечером он был там и в Мадрид прилетел позже намеченного – задержали неотложные и малоприятные дела. Но час назад ему сообщили, что сегодня вечером желательно его присутствие в Лондоне. Алану Риккину определенно не дадут порасти мхом.

Его радовало, что дело, похоже, стало быстро продвигаться вперед благодаря научным исследованиям Софии. Но недавно ему ясно дали понять, что не все старейшины и иерархи ордена согласны с выбранным направлением и это нужно пресечь на корню, чем скорее, тем лучше.

Риккин должен был признать, что мадридский офис фонда «Абстерго» мало чем уступал офису «Абстерго индастриз» в Лондоне.

Здесь София реализовывала свои научные идеи, и он ей в этом потворствовал. Но офис принадлежал ему и отражал – как и все остальные его резиденции – его представления о красоте и истинных ценностях.

Кабинет украшали живописные полотна, запечатлевшие великие моменты в истории тамплиеров. Всю стену за его спиной занимала карта мира, где зелеными точками были обозначены офисы «Абстерго», а белыми – зоны особого интереса тамплиеров. В отдельных городах, например в Лондоне, белые точки сливались в большое пятно. Над картой тянулся ряд часов, показывавших точное время в основных крупных городах мира.

Действительно уникальный артефакт – белый флаг с красным крестом, который в эпоху Крестовых походов развевался над головой Робера де Сабле, великого магистра ордена тамплиеров, – стоял в отдельном стеклянном шкафу.

Под стеклом лежали старинные книги в кожаных переплетах. Также здесь хранилась коллекция антикварного оружия, часть которой, как, например, щиты и мечи с крестами тамплиеров, досталась Алану Риккину от его предков.

Прочее – моргенштерн, арбалеты, первые пистолеты с колесцовым замком, пищали, искусно сделанные дымовые бомбы,

больше похожие на флаконы для ароматических масел, – некогда принадлежало ассасинам.

Один из любимых луков Алана Риккина по всей длине был украшен резьбой: стилизованные фигурки «героев» в капюшонах скрытыми клинками расправляются со своими врагами в рыцарских плащах с крестами тамплиеров. И вот теперь этот лук поверженного «героя» в коллекции великого магистра ордена.

Но скоро не только оружие ассасинов, но и те немногие из них, кто еще остался на земле, окажутся в его власти. И это поставит на место ту жалкую кучку тамплиеров, что выражают сейчас недовольство. Не по этой ли причине его так срочно вызывают в Лондон? В разговоре они были скупы на объяснения.

Сегодня вечером, когда в голове крутилось столько мыслей, он успокаивал себя, играя на рояле Шопена, а потом смотрел свое последнее выступление на ассамблее «Большой семерки».

«Оглядываясь назад, – говорила с огромного плазменного экрана его серьезная и важная копия, – мы видим, что вся мировая история – это история насилия. В прошлому году асоциальное поведение стоило экономике девять триллионов долларов. Современный человек подвержен такому высокому уровню агрессии, с которым он не в состоянии справиться».

К его голосу и едва слышным звукам музыки добавился легкий шелест, но Алан Риккин продолжил смотреть запись со своим выступлением.

«А теперь представьте, – говорила его копия, – что эти огромные средства можно было бы направить, например, на образование и здравоохранение, на развитие новых технологий…»

– Не кажется ли тебе, что я выгляжу старым? – спросил настоящий Алан Риккин у подошедшей к нему дочери. Она сменила свой белый докторский халат на простое черное платье.

– Да, отец, – ответила София жестоко, но честно. – Ты и в самом деле старый.

Риккин улыбнулся с легким укором:

– Молодец! Думаю, в моем возрасте тщеславие неуместно. В шестьдесят пять не стоит жаловаться даже самому себе.

София ласково улыбнулась:

– Ты выглядишь великолепно.

– Ну что, – он поднялся и подошел к окну, посмотрел на раскинувшийся внизу Мадрид, – регрессия прошла успешно?

– Линч – то, что нам нужно, – сказала София. Риккин вздернул бровь. София, как и подобает ученому, проявляла осторожность в высказываниях, но было очевидно, что она уверена в своей оценке. – Прямой предок Агилара. Все очень

точно воспроизвел. С первой попытки. Мы провели много регрессий, но эта… действительно впечатляет.

Она смотрела не столько на живого отца, сколько на того, что был на экране, увлеченная его речью.

«С вашей помощью, – говорил отец с экрана, и его покрытое морщинами, но все еще красивое лицо лучилось искренностью, – „Абстерго“ из компании, занимающей ведущее положение на рынке, станет первопроходцем на пути к нашей всеобщей мечте – миру без насилия».

Аудитория «Большой семерки» разразилась громом аплодисментов. София улыбнулась.

– Ты снова украл мои слова, – съязвила она.

– Я краду лишь у лучших, – парировал Риккин. У любого другого это бы прозвучало как шутка, но отец был чрезвычайно серьезным человеком. – А что с Яблоком?

– Практически у нас в руках, – уверенно ответила София, и тень победоносной улыбки мелькнула на ее лице.

– Что там произошло? – спросил Риккин, сняв маску непринужденности. – Если он так хорош, зачем ты его вывела?

– Мне пришлось, – ответила София. – Он нам нужен здоровым. Он еще не восстановился от действия тетродотоксина, когда Макгоуэн ввел ему сильный транквилизатор, и после этого мы сразу поместили его в «Анимус». Вряд ли так можно заслужить его доверие. Но я считаю, что смогу это сделать. И как только мне это удастся, он приведет нас к Яблоку.

Риккин застегивал запонки, готовясь к предстоящему вечеру в Лондоне, и пропустил ее слова мимо ушей.

– Поторопи его, – приказал он.

София снисходительно улыбнулась:

– «Анимус» так не работает.

Риккин знал, что люди его боятся, и пользовался этим. Большинство тамплиеров с готовностью ему подчинялись. Но София лишь улыбалась. Она его никогда не боялась. Ни разу он не заметил на ее лице и тени испуга. Это и радовало, и раздражало. Сейчас он почувствовал именно раздражение.

Риккин мысленно вернулся к разговору о старости, его пораженные артритом пальцы никак не хотели застегивать запонки. София справедливо заметила – он в самом деле старый. Риккин раздраженно вздохнул.

София подошла к нему, как безмолвная тень в своем черном платье, ее ловкие пальцы быстро застегнули запонки и нежно разгладили манжеты рубашки.

– Вот и все.

Несмотря на увлеченность наукой, София сохранила мягкость

и доброту – качества, которые он давно утратил, если вообще когда-либо имел.

– Спасибо, – искренне поблагодарил он.

Их взгляды встретились. У Софии были большие голубые глаза, как у ее матери. А от него она унаследовала упорство и целеустремленность.

И эти ее качества вместе с недюжинным интеллектом привели их к величайшему достижению. Один шаг – и они войдут в вечность.

– В тысяча девятьсот девятнадцатом году Резерфорд расщепил атом, – тихо произнес он.

Она внимательно смотрела в его глаза, желая понять, что он хочет этим сказать.

– В тысяча девятьсот пятьдесят третьем году Уотсон и Крик открыли двойную спираль ДНК. В две тысячи шестнадцатом… – исполненный гордости он сделал паузу, позволяя себе насладиться этим чувством, – моя дочь излечит мир от насилия.

София опустила глаза, ее смутило сравнение с великими учеными мужами прошлого. Она себя среди них не видела. Тамплиеры не должны гордиться своими талантами, способностями, интеллектом… и достижениями в материальном мире.

Нежно Алан Риккин приподнял ее подбородок, чтобы снова посмотреть ей в глаза.

– Мы с мамой выбрали для тебя очень хорошее имя. – (София в переводе с греческого значит «мудрость».) – Ты всегда была умнее меня.

Он искренне, что бывало с ним крайне редко, улыбнулся ей, но что-то похожее на сожаление застыло в уголках его губ.

Алан Риккин опустил руку, вздохнул и выпрямился, готовясь к неприятной встрече.

– Мне пора, опаздываю. Вечером нужно быть в Лондоне. Думаю, долго там не задержусь.

– В Лондоне? – удивилась София. – Зачем?

Риккин вздохнул:

– Я обязан доложить старейшинам.

Глава 8

Алан Риккин не привык к тому, чтобы его вызывали на ковер. Но и ему приходилось перед кем-то отчитываться, и этими кем-то были старейшины. И когда они его звали – особенно когда звала глава совета, – он прибегал, как послушная собака.

Он стоял один в зале заседаний, заложив руки за спину и пристально рассматривая висевшую на стене картину.

Зал был величественно прекрасен, здесь, как и во всех резиденциях ордена, прошлое тесно переплеталось с настоящим: в интерьере отлично сочетались удобные современные стулья и изысканной работы большие средневековые подсвечники. На стене слева от него размещалась потрясающая коллекция из полусотни средневековых мечей, замкнутых в поблескивавший серебром круг.

В центре круга висел щит с красным крестом на белом фоне. Копья и боевые топоры завершали экспозицию.

Но именно картина приковала к себе взгляд Алана Риккина. За несколько веков ее краски не потускнели, а внимание художника к деталям просто поражало, учитывая то, сколько людей удалось ему уместить на полотне.

«Аутодафе» – так называлась картина. В переводе с португальского – «дело веры». И заключалось это дело в сожжении еретиков заживо.

Великий художник запечатлел зрителей всех сословий – от королевской семьи до простых смертных. Все они наблюдали – возможно, с большим удовольствием или же в религиозном экстазе – за еретиками, которые в клубах дыма отправлялись к Всевышнему по приказу Великого инквизитора, чья маленькая фигурка восседала между такими же миниатюрными королем и королевой.

Риккин услышал цоканье высоких каблуков по мраморному полу и спокойный, четкий голос:

– Работа Франсиско Риси. Картина называется «Аутодафе на Пласа-Майор в Мадриде». Это событие произошло в тысяча шестьсот восьмидесятом году.

Он обернулся.

Эллен Кэй, председатель совета директоров и глава совета старейшин. Стройная, почти одного с ним роста и возраста, она была одета в темно-синий деловой костюм, элегантный и вместе с тем консервативный, и шелковую блузку кремового цвета.

– Мне кажется, королева Изабелла изображена здесь слишком молодой[6], – колко заметил Алан Риккин.

– Тысяча четыреста девяносто первый год был более важным для нас, – сказала Эллен, оставив без внимания его попытку пошутить. – Это год войн, религиозных гонений… и момент, когда отец Торквемада был близок к Яблоку Эдема, как никто из ордена.

Риккин подошел ближе, и она едва заметно улыбнулась.

– Как ваши дела, мой друг? – с теплотой в голосе спросила Эллен.

Он склонился и поцеловал ей руку.

– Отлично, ваше превосходительство, – с улыбкой ответил Риккин. – Но думаю, вы вызвали меня из Мадрида не для того, чтобы поговорить о живописи, пусть и прекрасной.

Разумеется, он был прав в своих предположениях. Эллен Кэй не любила ходить вокруг да около и поэтому сразу перешла к делу, заговорив резким, но вместе с тем как бы слегка извиняющимся тоном:

– На следующей неделе состоится совет старейшин, и ваш проект будет упразднен.

Улыбка сошла с лица Риккина, в груди у него похолодело. «Абстерго» работал над этим проектом не один год – десятилетия. С рождения Софии. Но только в последние несколько лет они смогли совершить прорыв в технологиях и начали продвигаться вперед семимильными шагами, сметая на пути к заветной цели все барьеры.

– Тридцать лет достаточно для бесплодных мечтаний, – неумолимо продолжала Эллен. – Мы считаем, что три миллиарда, выделяемые для проекта ежегодно, можно использовать более рационально.

Она ничего не поняла.

Риккин заговорил в ответ, и голос его звенел металлом:

– Три миллиарда ничто по сравнению…

– Мы уже победили.

Риккин недоуменно посмотрел на нее:

– Простите?

– Сегодня людям не нужны гражданские свободы, – пояснила Эллен. – Сейчас их интересует исключительно уровень жизни. Свобода потеряла для них свою ценность. Они удовлетворены тем, что есть.

Риккин заговорил вкрадчиво и предостерегающе:

– Я даже боюсь предполагать, сколько наших предков совершали такую же ошибку, самодовольно восседая на тронах, пока первый же голос протеста не свергал их.

Пришла очередь Эллен растеряться. Она не привыкла к возражениям. Риккин тем временем продолжал:

– Угроза остается, пока существует свобода воли. В течение многих столетий мы пытаемся с помощью религии, политики, а сейчас – культа потребления искоренить инакомыслие.

Его тонкие губы скривились в холодной улыбке, и он чуть ли не беспечно проговорил:

– Не пришло ли время пустить в ход науку? Моя дочь как никогда близка к цели.

– Как поживает ваша прекрасная дочь? – спросила Эллен Кэй.

«Можно подумать, тебя это интересует. Моя дочь не просто прекрасна, она гениальна. И у нас с тобой не светский разговор за чаем».

– Она идет по следу тех, кто хранит Яблоко Эдема, – ответил Алан Риккин и с удовлетворением отметил, что в глазах Эллен Кэй мелькнуло удивление.

Вся ее напускная любезность вмиг исчезла. По ее голосу он почувствовал, что пробудил в главе совета охотничий азарт.

– И где они?

– В Андалусии, – ответил Риккин и многозначительно добавил: – В тысяча четыреста девяносто первом году.

Он сделал паузу, наслаждаясь произведенным эффектом.

– Потомки?

Теперь она была в его руках.

– Все линии оборвались, – ответил Риккин, а затем с нескрываемым удовлетворением уточнил: – Кроме одной. Мы нашли этого человека и через него вернулись на пятьсот лет назад, в братство ассасинов.

Риккин победно улыбнулся.

София в сотый раз внимательно рассматривала страницы старинного фолианта: рисунки Яблока Эдема и описание, как им пользоваться. Оно сияло и, казалось, парило в воздухе, окруженное первобытными людьми, в одежде из травы и перьев, в

восхищении протягивающими руки к Яблоку.

Художник давно минувшей эпохи старательно изобразил его структуру, но, несмотря на все его усилия, чертеж оставлял больше вопросов, нежели давал ответы.

Но сейчас, когда до Яблока оставался последний шаг, все сведения о нем стали крайне актуальны.

Движение на экране отвлекло Софию от книги, она подняла голову и увидела, что Кэл сел на кровати, раскачиваясь и удивленно озираясь.

Целые сутки он пребывал в бессознательном состоянии. И София обрадовалась, что он самостоятельно пришел в себя. После приказа отца «поторопить его» она опасалась, что придется вводить дополнительно порцию медикаментов, чтобы заставить Кэла проснуться.

Кэл продолжал озираться, будто в его блоке находился еще кто-то. София отложила ручку и сосредоточила все внимание на его поведении.

Кэл свесил ноги с кровати и почесал затылок, нащупал пальцами след от эпидуральной анестезии, которую ему ввели непосредственно в центральный канал спинного мозга. Он отдернул руку, рассматривая пальцы, будто ожидал увидеть на них кровь. Заметив трех охранников, наблюдавших за ним из-за толстой стеклянной двери, способной выдержать любой удар, он долго смотрел на них, потом резко отвел взгляд, встал и нерешительно подошел к двери.

Разумеется, она была закрыта. После нескольких бесплодных попыток открыть он отошел и принялся изучать свой блок, где ничего не было, кроме спартанской больничной кровати, узкой мягкой скамейки и столика рядом с ней, который также служил и светильником.

София не удивилась, когда Кэл практически сразу нашел глазок камеры. И сейчас смотрел прямо на нее.

«Тюремная обстановка ему хорошо знакома», – подумала София. Однако это знакомство не сделало его более покладистым.

Внезапная волна недовольства отцом поднялась в ней: «Каких еще неприятностей мне теперь ждать?..»

Кэл изучающе смотрел в камеру, пытаясь понять, кто сейчас за ним наблюдает. Еще один охранник? Ангел пустых обещаний и боли? Это не имело значения. Он снова развернулся к двери и стоявшим за ней охранникам. Без тени страха и значительно дольше, чем в первый раз, он смотрел на них.

По стеклу пробежала какая-то тень. Охранник вошел в

палату? Нет, они стоят неподвижно за дверью. Он повернулся и широко раскрыл глаза от удивления.

Неизвестный в низко надвинутом капюшоне поднял голову, и Кэл увидел лицо – очень знакомое и страшно чужое, – свое собственное лицо.

Голубые глаза незнакомца прищурились, и он шагнул к Кэлу, резким движением обнажая клинки.

Лезвие коснулось горла Кэла, затем Агилар отдернул клинок, оставив глубокий, обжигающий болью разрез. Захлебываясь кровью, Кэл схватился за перерезанное…

«Не поврежденное?»

…горло.

Никакой раны, ни капли крови. Просто игра воображения.

Дрожа, он опустил руку, пот струился между лопаток.

Раздалось тихое «би-ип», и дверь открылась. В первое мгновение Кэлу показалось, что это продолжение галлюцинации. Его матери нравились фильмы тридцатых-сороковых годов, и сейчас, казалось, один из героев этих фильмов вошел в палату.

На Софии Риккин была белоснежная хлопковая блуза, черные брюки с острейшими стрелками и черные туфли. Почти мужской стиль, но любой признал бы ее бесспорно привлекательной женщиной.

Или ангелом.

– Эти галлюцинации мы называем «эффектом просачивания», – сказала она, закрывая за собой дверь. – Картины насилия, свидетелем которых ты был вчера, отпечатались в твоей памяти, и образы из прошлого накладываются на то, что ты видишь сейчас.

– Только то, чему я был свидетелем вчера? – переспросил Кэл.

София спокойно смотрела на него.

– Это агрессивные воспоминания. Часть из них ты получил вчера. Но не все.

Кэл отвернулся к двери и уперся лбом в стекло. Охранники наблюдали за ним с ничего не выражающими лицами, но он их не замечал. Слова Софии вызвали в нем бурю эмоций. Он еще до конца не разобрался, но это были сильные, неприятные эмоции, и, пожалуй, одну из них можно было определить как стыд.

София подошла и встала рядом, пытаясь поймать его взгляд.

– Если позволишь, я научу тебя их контролировать, – тихо сказала она.

На этот раз слова вызвали конкретную эмоцию – ярость. Кэл криво усмехнулся, и рука сама схватила ее за горло – теплое, хрупкое. Одним движением он мог сломать ей трахею. И в какой-

то момент хотел. Но не сделал этого.

Он просто держал ее. И сейчас она была его пленницей, а он был в плену у нее.

– Не вмешивайтесь! – крикнула София. А Кэл гадал, хватит ли охранникам «Абстерго» ума понять, что он ничего ей не повредил, если она смогла вздохнуть и крикнуть. – У меня все под контролем.

Голос Софии был как никогда спокойным, хотя он чувствовал, как быстро и трепетно бьется под рукой ее пульс, словно пойманная птичка. Кэл понимал, что он сейчас контролирует ситуацию, и решил этим воспользоваться.

Он прижал Софию к стене, не упуская из виду охранников, но в большей степени его интересовала ее реакция. Невозмутимости ей было не занимать…

Агилар схватил его и полоснул по горлу холодной сталью…

Кэл застыл и зажмурился от боли. Но это была лишь секундная головная боль. Не более того. Всего лишь неприятная, пугающая, дезориентирующая галлюцинация.

Но он не разжал руку и не выпустил Софию. Боль разрушала его, как цунами незащищенную береговую линию. Усилием воли Кэл заставил себя открыть глаза и сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться.

– Что это было? Там, внутри машины?

– Генетическая память, – спокойно, подбирая слова, ответила София. – С помощью «Анимуса» мы можем проживать жизни наших предков.

– То, что я там видел… было реально.

София посмотрела на него и осторожно поправила:

– Реально в определенном смысле.

И снова его охватила неконтролируемая ярость. Свободной рукой Кэл со всей силы ударил по стеклу. Стекло завибрировало, издавая жалобный звук, эхом прокатившийся по комнате.

– Не лги мне, – прорычал он. – Я чувствую… разницу.

Сейчас она должна была сломаться. Должна была показать страх. Но глаза Софии по-прежнему излучали покой. Невероятно, но даже пульс выровнялся. Ее губы дрогнули, готовые улыбнуться, словно она знала то, что ему было неведомо.

– Зачем столько агрессии? – спросила она.

– Я агрессивный человек.

– Вероятно, уместнее спросить, чья это агрессия?

Кэл не хотел принимать ее игру. Не сейчас. Он еще слишком явственно ощущал нож, скользящий по его горлу.

– Что это за тюрьма? – резко спросил он.

– Это не тюрьма, Кэл. То, что происходит внутри «Анимуса», – сложный процесс. И ты бы многое узнал, если бы согласился сотрудничать.

Голос Софии звучал непринужденно, почти доверительно.

– Тогда отпусти меня.

Кэл не просил и не требовал. Это было разумное предложение, свидетельствующее о том, что он, Каллум Линч, – разумное существо.

Разумное. Или безумное.

Они стояли друг против друга, и напряжение между ними росло, их лица были так близко, как у целующихся. Кэл хотел показать ей, что он мужчина. Он может сломать ей шею в любую секунду, прямо здесь и сейчас – и конец ее самоуверенной рассудительности, конец навсегда.

Но в глубине души он не хотел этого делать. Она держалась самоуверенно, потому что возбудила в нем не только приступ агрессии, но прежде всего желание понять, что с ним произошло там. Что с ним сделали.

Он тяжело и громко дышал, рот растянулся в подобие злой улыбки. Взгляд замер на руке, и, словно выпуская маленькую птичку, он разжал пальцы.

Кэл ожидал, что она схватится рукой за горло, ожидал, что она отскочит от него подальше. Но ничего подобного София не сделала.

София улыбнулась.

– Пойдем со мной, – сказала она.

Глава 9

За последние тридцать лет жизни Кэл не был ни в одном музее, он даже среднюю школу не окончил. Комнаты, по которым вела его София, заставили его вспомнить и музей, и школу.

Мужчины и женщины в белой одежде – ассистенты Софии, догадался Кэл, – сновали туда-сюда с выражением сосредоточенности на лицах, такие лица он видел в библиотеке, где бывал несколько раз в детстве. Освещение было ярким, но Кэл мог бы поклясться, что это какой-то особенный свет. Он создавал ощущение уединенности, словно в монастыре, и это ощущение усиливалось тем, что свет лился из каменных арок, под которыми они проходили.

Повсюду было оружие, но только антикварное, а также глиняные черепки, чернильные приборы с гусиными перьями, скульптурные работы – все на своих местах, в строгом порядке. В одном из залов шла кропотливая реставрация старинной картины. Под стеклом выставочных стендов хранились древние фолианты. На стенах – стеклянных или из декоративного пластика – размещались листы манускриптов. Но, подойдя ближе, Кэл убедился, что это были вовсе не манускрипты, а какие-то современные отчеты. Некоторые до боли знакомые.

Сердце заколотилось, когда среди них Кэл увидел свою фотографию.

На ней он был запечатлен в том возрасте, когда сбежал из дома. Его взгляд скользил по фотографиям, он словно листал альбом, отражавший его безалаберную и тяжелую жизнь. Старый, пожелтевший от времени поляроидный снимок, где он совсем маленький. А вот настороженный подросток, уже познавший всю отвратительную изнанку интернатов для детей, ждущих усыновления. Подборка фотографий, сделанных в полицейских

участках.

Здесь были газетные вырезки, кричащими заголовками живописующие все его злоключения: «Беспокойство растет: поиски Каллума Линча ничего не дали», «Бандитское нападение», «Драка в ночном клубе: один погибший», «Линч должен умереть: суд признал его виновным в убийстве сутенера».

В пластиковых контейнерах хранились какие-то стеклянные пузырьки с цветной маркировкой на крышечках. Угольные наброски, которые он лихорадочно рисовал в ожидании казни, тоже были здесь. Поддельный паспорт, отпечатки пальцев, его имя, выгравированное на стекле, и… генеалогическое древо, корнями уходящее в глубокую древность.

Об этом древе ему ничего не было известно.

У Кэла неприятно засосало под ложечкой. Как будто его вывернули наизнанку и выставили на всеобщее обозрение.

– Что это? – мрачно спросил он. – Ты что, следила за мной?

– Я знаю о тебе все, Кэл, – с пугающей невозмутимостью ответила София. – Твои медицинские данные, твой психологический профиль, уровень серотонина и наличие мутаций в гене моноаминоксидазы. Я знаю, в каких интернатах и арестных домах для несовершеннолетних правонарушителей ты содержался. Какой вред ты причинял людям и… – Она помолчала и мягко добавила: – И самому себе. Ты живое доказательство того, что склонность к насилию передается по наследству.

Кэл был ошеломлен и раздавлен и вместе с тем испытывал острый интерес. Он внимательно рассмотрел генеалогическое древо, спустился от газетных вырезок и фотографий к пожелтевшим от старости дагеротипам и непонятным каракулям.

Мятые рисунки людей в капюшонах и наручах со спрятанными в них клинками.

– Как вы нашли меня?

– Мы нашли Агилара, – ответила София.

Странное слово.

Или имя?

Одновременно бессмысленное и полное загадочной силы.

– Когда тебя арестовали, – продолжала София, – мы сравнили твою ДНК с ДНК Агилара, и они совпали.

– Кто такой Агилар? – спросил Кэл, хотя ему казалось, что он знает ответ.

– Твой предок.

София развернулась и направилась к новой коллекции. Она держала руки в карманах идеально отглаженных брюк, и не чувствовалось никакого напряжения в ее походке и движениях, как и в тот день в саду на крыше. Она кивнула на рисунок на

старом пожелтевшем пергаменте.

Кэл сжал кулаки, стараясь не поддаться галлюцинациям. Он дышал размеренно через нос, неумолимо погружаясь в них. Белые птичьи перья – орлиные, хотя Кэл и сам не знал, откуда ему это известно, – пришиты к лицевой стороне длинной одежды, похожей на восточный халат. Узкий кусок ткани несколько раз обернут вокруг талии, поверх кожаный пояс, при близком рассмотрении – плетка. По бокам кинжалы, скрытые клинки во внутренней стороне наручей.

Лицо спрятано в тени, но Кэл слишком хорошо знал это лицо.

В первую секунду ему показалось, что это психологическая манипуляция, что здесь устраивают какие-то замысловатые фокусы. Но для чего? С какой целью?

Кэл не играл в видеоигры, разве что короткое время в далеком детстве. Но сейчас он был абсолютно уверен: если бы тогда некий умелец мог заставить его почувствовать то, что он чувствовал в цепком захвате руки, то этот кто-то держал бы свои умения в строжайшем секрете или здорово нажился бы на них.

– Родители Агилара были ассасинами, – рассказывала тем временем София. – Их сожгли у позорного столба тамплиеры Торквемада и Охеда. Тот Черный Рыцарь, которого ты видел. Агилар де Нерха также выбрал путь ассасина.

«Торквемада». Забавно устроена человеческая голова – никогда не знаешь, что там может застрять. В начальной школе что-то рассказывали об испанской инквизиции, и это имя ему запомнилось.

Кэл продолжал рассматривать свое генеалогическое древо. И это были уже исключительно миниатюры, художественные иллюстрации и страницы на латыни из давно утраченных старинных книг.

Его взгляд спускался все ниже, пока не остановился на мониторе, стоявшем на столе под цветными рисунками. На экране только черный фон и белые линии, сплетенные в рисунок. И этот рисунок был за пределами его понимания – замысловатая паутина линий образовывала некое подобие машины.

Но одну часть этой машины он точно узнал – рука с двумя жесткими, как тиски, пальцами.

– Что эта за машина?

– Мы называем ее «Анимус».

– Я слышал об «Анимусе». Но я думал, это кресло.

– Было когда-то. Откуда ты узнал об «Анимусе»?

– Никогда не играл в игры, но воровал их, чтобы разжиться наличными.

– Правда? – София немного удивилась. – Тогда ты должен

знать, что «Анимус» позволяет нам наблюдать, а тебе – через проекцию твоей генетической памяти проживать жизнь своего предка.

Кэл скосил глаза на другой монитор.

– Много вытащили из моей памяти? – язвительно спросил он.

– Больше, чем ты сам мог вспомнить.

Она говорила легко, почти дружески, беззлобно подшучивая. Как странно обсуждать все это с Софией Риккин – его ангелом и его тюремщиком.

Она продолжала в том же духе:

– Ты когда-нибудь думал, как птицы находят путь к местам своих зимовок?

– Всю жизнь только об этом и думал.

Она улыбнулась, но тут же ее лицо приняло серьезное выражение. Хотя веселая нотка удивления проскользнула в ее голосе.

– Им помогает генетическая память. Воспоминания позволяют извлечь информацию. И если ты позволишь мне тебя направлять, даже представить сложно, что ты можешь увидеть и узнать.

Кэл почувствовал внутреннее сопротивление, вспомнив появление Агилара в своем блоке.

– Я уже достаточно увидел. И мне не нравится идея воровать мои воспоминания, чтобы сделать из них игру.

София внимательно посмотрела на него, легкость и дружелюбие как ветром сдуло.

– Я не ворую. Я их использую. Эти воспоминания не твои. Они принадлежат твоим предкам. И поверь мне, это не игра.

Кэл завернул за угол, посмотрел на стену и испытал новый шок. Стена была густо улеплена цветными листами бумаги с напечатанным текстом, к каждому прикреплена небольшая фотография… эти лица он уже видел здесь. «Фотофиксация заключенных», – предположил Кэл.

Он принялся изучать контингент. Чернокожий, подстрекавший его прыгнуть с крыши, – Мусса. Лин – азиатка, он смутно помнил ее. Вспыльчивый белый парень – Натан. Эмир – мужчина его возраста.

– Это тоже ваши лабораторные крысы? – холодно спросил Кэл.

– Все они – ассасины. Убийцы, как и их предки. – София помолчала и добавила: – Как и ты, Кэл. У вас врожденная предрасположенность к насилию. Твоя ДНК, как и ДНК остальных, позволяет нам проникать в глубины твоего подсознания, до самых основ твоего существа. К тем скрытым

импульсам, которые на протяжении всей твоей жизни управляют тобой.

Как все просто: скрытые импульсы приводили к отвратительным поступкам. Кэл сделал несколько шагов назад, стараясь держать себя в руках и не взорваться. Повернулся к Софии лицом и сказал:

– Убийца. Так вот кем ты меня считаешь.

– Ты убил человека, – без какой-либо эмоциональной оценки спокойно констатировала София. Для нее это был просто факт.

– Сутенера, – уточнил Кэл.

Картина всплыла у него перед глазами: ухмыляющаяся рожа торговца женским телом; синяки на лицах проституток, плохо скрываемые толстым слоем косметики; их натужный смех; запах страха, смешанный с большим количеством дешевого парфюма и пота.

Сутенер хватает за горло девчонку, на вид не более шестнадцати, и бьет ее лицом о стойку бара. И в тот момент, который не вернуть, как вспышка молнии, Кэла пронзила мысль: «Эта скотина больше никогда и пальцем не тронет запуганную девчонку».

И если бы София знала всю его жизнь, а не только то, что собрала вот здесь на стенах, она смогла бы понять тот импульс. Но он лишь сказал:

– Мне не понравилось, как он обращался с женщинами.

София подошла ближе.

– А ты бы убил снова? – спросила она с вызовом и любопытством.

Кэл не ответил. Его взгляд упал на фотографию, которая, в отличие от остальных, была аккуратно вставлена в рамку. Он взял ее в руки и принялся внимательно рассматривать.

Не очень старая, как некоторые из его фотографий, немного выцветшая, но с хорошо сохранившимся изображением. Красивая женщина с темными волосами до плеч, в белоснежной блузке и джинсовом комбинезоне. Женщина смеется, заботливо приобняв малышку с большими голубыми глазами, сидящую на старомодных веревочных качелях. Девочка смотрит не в объектив, а на кого-то, кто стоит рядом с фотографом.

– Хорошая фотография, – сказал Кэл и насмешливо добавил: – Счастливая семья. У тебя глаза матери. Она должна гордиться тобой.

Печаль тенью легла на лицо Софии, хотя уголки губ улыбались.

– У меня не было возможности спросить. Ее убил ассасин, как и твою мать.

София сделала паузу, позволяя Кэлу осознать ее слова.

– Прости, – сказал Кэл. И к своему удивлению, почувствовал сострадание.

Он тоже выдержал длинную паузу.

– Мою мать убил мой отец.

Разумеется, Софии это было известно.

– И как ты чувствуешь себя после этого?

Печаль девочки, рано лишившейся матери, сменилась любопытством ученого.

– Хочу убить его, – резко ответил Кэл, развернулся и продолжил осматривать комнату.

София последовала за ним.

– Подобное событие либо определяет всю нашу последующую жизнь, либо мы вырабатываем к нему правильное отношение. Ты выбрал насилие, я посвятила себя научным исследованиям.

Внимание Кэла привлекла коллекция металлических шаров, размещенных на простом пластиковом стенде. Все они были одного размера, что-то среднее между бейсбольным мячом и теннисным, но нанесенные на них рисунки не повторялись. Он неторопливо взял один в руку – тяжелый.

– Тамплиеры называют его Артефактом, ассасины – Яблоком, – пояснила София. Кэл крутил в руке шар, поглядывая на пергаменты с изображенными на них рисунками и комментариями. София продолжала: – В Библии сказано, что в нем семя первого преслушания.

Шар – Кэл не мог понять почему – действовал на него завораживающе. Продолжая вертеть шар в руке, он рассеянно придвинул к себе стул и сел, словно был здесь хозяином, а не пленником. София присела на край стола напротив, огляделась, нашла мышку и кликнула несколько раз.

На экране появились многочисленные варианты изображения Яблока. Как и рисунок «Анимуса», они представляли собой хитросплетение линий. «Вероятно, создавали по одной технологии», – подумал Кэл.

– Но мы считаем Яблоко объектом для серьезного научного исследования. В нем – создал ли его сам Господь или некая древняя цивилизация – сокрыта информация, позволяющая понять причину человеческой агрессии.

На мгновение их взгляды встретились, но почти сразу голубые глаза Софии обратились к настенному досье Кэла.

– Агилар – последний, кто держал его в руках. – (И тут Кэл все понял.) – Ты нам нужен, чтобы найти, куда он его спрятал.

София посмотрела ему прямо в глаза.

Кэл почувствовал странное разочарование, хотя понимал, что

причины для разочарования у него быть не может. У каждого своя корысть. Даже у ангелов.

– Я думал, меня сюда доставили, чтобы вылечить, – как можно непринужденнее сказал он.

– Агрессия – такая же болезнь, как рак. Мы научились лечить рак, когда-нибудь научимся лечить и агрессию. Мы заняты поиском первопричины этого заболевания и способов, позволяющих его контролировать. Мы работаем над методикой улучшения людей… – София на мгновение замолчала. – То, что случилось с твоей матерью и моей… не должно повториться.

– Агрессия помогала мне выжить, – тихо возразил Кэл.

София резко повернула голову и пристально посмотрела на него. Прядь черных волос упала ей на лоб. Ему захотелось протянуть руку и убрать их.

– По документам ты для всех… мертв, – напомнила она.

В этом она была права. Мозги ему покалечили, но тело сумело восстановиться.

Он бросил шар Софии, и она ловко поймала.

– Есть хочу, – сказал Кэл.

Глава 10

– А мне что с этого? – спросил Кэл.

Они шли по коридору мимо санитаров в белом, мимо серых каменных арок, мимо трех деревьев – живых? искусственных? – не понять. Кэл понемногу начал привыкать к тому, что здесь странным образом сочетался строгий корпоративный порядок с творческой свободой, предметы из далекого прошлого со стерильностью настоящего.

И вместе с тем палитра холодно-голубого, серого и белого начинала ему надоедать. Он жаждал ослепительного солнца, волнующей острой желтизны и привкуса пыли на губах. Кэл не знал, влечет ли его Нижняя Калифорния, где оборвалось его детство, или выжженная солнцем Испания, просочившаяся в его сознание из воспоминаний Агилара.

Когда они повернули за угол, Кэл успел бросить взгляд на большой экран. Шли новости, и говоривший показался ему знакомым – аккуратно уложенные седые волосы, доброжелательное выражение лица и пронизывающий взгляд карих глаз. В бегущей строке он выхватил имя: «Алан Риккин, исполнительный директор „Абстерго индастриз“».

«Ах вот как, – подумал он, – похоже, у вас неограниченный бюджет, доктор София Риккин».

– Безусловно, возможны юридические последствия, – говорила тем временем София. – Но как только мои исследования завершатся, у нас не будет причин задерживать тебя здесь.

Кэл замедлил шаг, а потом остановился. София обернулась.

– И я смогу жить как прежде? – спросил он, желая убедиться, что правильно ее понял.

София улыбнулась и заложила за спину руки, ее глаза засветились, словно она собиралась вручить ему рождественский

подарок.

– Сможешь начать новую жизнь. Так будет точнее.

С учетом того, что он здесь видел, Кэл готов был согласиться, что такое под силу «Абстерго». Новая жизнь. С чистого листа. Без ослепляющих приступов агрессии.

София указала на дверь, у которой они остановились.

– Ты хотел есть, – сказала она, всем своим видом показывая, что сама за ним не последует. Кэл пристально посмотрел ей в глаза, открыл дверь и вошел.

Помещение, где Кэл оказался, было обычным, похожим на все остальные, в которых он успел побывать. Санитары в белом и пациенты в белых майках, серых брюках и такого же цвета туниках с V-образным вырезом. Трудно было поверить, что все эти пациенты – убийцы, ассасины, как и их предки.

Стены большой комнаты были синевато-серого цвета, и в глаза Кэлу сразу бросилось зеркало, за которым, как он догадывался, находятся охранники и наблюдают за всем происходящим здесь. И в самой комнате тоже стояли двое, в разных углах. Они старались быть незаметными, но это им плохо удавалось. Помещение мало чем отличалась от тюремного помещения, каких Кэл повидал немало.

Но обстановка была все же лучше. Здесь располагались тренажеры, двое мужчин по очереди забрасывали мяч в кольцо. Раздавались характерные звуки: ка-пок, ка-пок – это играли в пинг-понг.

И еще он слышал… щебет птиц. И богатство зелени – кустарники и деревья, обычные и фруктовые.

При мысли о еде в животе заурчало. Несмотря на сильный голод, Кэл никак не мог успокоиться, даже в этой приятной обстановке, продолжая стоять у зеркальной стены и всматриваться в нее.

Кто-то подошел к нему сзади. Это был чернокожий с аккуратно подстриженной белой бородкой, с которым Кэл «познакомился» в первый день. Это он подстрекал Кэла прыгнуть вниз.

Сейчас он улыбался и стоял подчеркнуто прямо, держа одну руку за спиной, как метрдотель. Он сделал два шага назад и широким жестом обвел несколько столов, придвинутых друг к другу.

– Ну и как вам у нас, сэр? – спросил он. Кэл посмотрел на мужчину, который похлопал по пустому месту на скамейке. – У нас здесь меню со свободным выбором блюд, но я рекомендую цыпленка.

Посмотрев ему прямо в глаза, Кэл направился на свободное место. Напротив сидел старик азиатской внешности с седыми волосами, заплетенными в длинную тугую косу. Он не обратил на Кэла никакого внимания.

Подошла молодая санитарка с приятным голосом и такими же приятными манерами, ее волосы были собраны в аккуратный пучок.

– Что будете заказывать, мистер Линч? У нас меню со свободным выбором блюд, но мы рекомендуем цыпленка.

В глазах у Кэла заплясали чертики, но лицо оставалось совершенно серьезным.

– Я буду стейк, – сказал он, не отрывая взгляда от чернокожего.

– Стейк для новичка! – выкрикнул чернокожий, словно санитарка не знала, в чем заключаются ее обязанности. – И как, сэр, вам его приготовить?

Кэл повернулся к санитарке:

– С кровью.

Санитарка ушла. Чернокожий без приглашения тут же уселся рядом с Кэлом. Словно из воздуха, он извлек три стаканчика и ровно выставил их в ряд донышком вверх.

– Как тебя зовут?

Кэл видел его фотографию в лаборатории Софии, но забыл имя.

Чернокожий ловкими пальцами подхватил средний стаканчик.

– Для них я Мусса, – ответил он и ткнул стаканчиком в сторону зеркала. Затем заговорщицки нагнулся к Кэлу. – Но на самом деле меня зовут Батист.

На его темном лице появилось странно-серьезное выражение.

– Я уже двести лет как умер, – сказал он и шепотом добавил: – Я вуду-отравитель.

Он посмотрел на Кэла долгим взглядом. Кэл напрягся и приготовился защищаться. Но лицо Муссы вдруг расплылось в ехидной улыбке.

– Я безвредный, – засмеялся он и подмигнул.

«Не такой уж ты и безвредный, – подумал Кэл. – Ты убийца, как и я. И ты советовал мне прыгнуть».

Кэл почувствовал, что на него кто-то смотрит. Покрутил головой и столкнулся взглядом с нескладным высоким парнем с взъерошенными каштановыми волосами. Парень не смутился, а продолжал смотреть на него тяжелым взглядом. «Натан», – вспомнил Кэл. Он тоже был в саду, куда Кэл попал в первый день, все еще находясь под действием яда и медикаментов.

– Ага, за тобой наблюдают, – хитро произнес Мусса, глядя мимо Кэла.

Кэл повернул голову и увидел, что интересует не только Натана. Лин – ее имя он тоже помнил – азиатка с длинными гладкими волосами, собранными в тугой хвост. Долгим подозрительным взглядом она изучала Кэла.

– Ты уже с ним познакомился?

Вопрос Муссы заставил Кэла повернуться к нему, но он ему не ответил. Мусса повторил вопрос, произнося каждое слово с расстановкой, выражение лица сделалось жестким.

– Ты уже с ним познакомился?

От «безвредного» плута не осталось и следа. Кэл продолжал молчать. Мусса, не говоря ни слова, поднялся, смахнув стаканчики, Кэл догадался, что они были предназначены, чтобы сыграть в старую хитрую игру «найди спрятанный шарик».

– Мы последние, мой друг, кто призван хранить Яблоко, – предостерегающе сообщил он, отходя в сторону. – А остальные… неуклонно идут своим путем в… беспредельную пустоту.

Он помахал руками и ухмыльнулся.

Подошел еще один мужчина – коренастый бородач. Кэл узнал его – Эмир. Он заложил руки за спину и вид имел вполне доброжелательный. Улыбаясь, он произнес:

– «Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных»[7]. Это тебе.

Он протянул Кэлу яблоко – небольшое, зеленое с красным боком. Очевидно, не из овощного магазина, а из того сада на крыше. От запаха яблока рот Кэла наполнился слюной, и в памяти вспыхнула картина: он лежит, прижавшись к маме, а она обнимает его и читает стихотворение Роберта Фроста.

И тут же добавился другой женский голос, такой же тихий и нежный: «Тамплиеры называют его Артефактом, ассасины – Яблоком».

А затем эти странные слова Муссы: «Мы последние, кто призван хранить Яблоко».

Кэл взял яблоко. Черные глаза Эмира смотрели прямо в его глаза, словно что-то искали там. Наконец Эмир кивнул и отошел в сторону.

Кэл смотрел ему вслед, совершенно сбитый с толку. «Сначала это была лаборатория, потом – камера пыток, а сейчас – сумасшедший дом».

Кэл почувствовал, что сбоку к нему кто-то приближается. Пальцы инстинктивно сжали яблоко. Не отводя взгляда от Эмира, он резким движением поймал вора за руку и осторожно повернулся – Натан. Парень дрожал от плохо скрываемой ярости.

– Ты что, собираешься отдать им Яблоко?

Это прозвучало как оскорбление.

– Нет, – преувеличенно спокойно ответил Кэл, – я собираюсь его съесть.

Соблазнительный аромат оповестил о прибытии стейка. С озабоченным лицом санитарка поставила тарелку на стол перед Кэлом, но вмешиваться в конфликт не стала. Натан выпустил яблоко и отошел, злобно оглянувшись.

Санитарка тоже удалилась. Кэл тряхнул головой и, хмыкнув, пробормотал:

– Что здесь, черт возьми, происходит?

Всеобщее безумие ему явно не нравилось.

Пожав плечами, он принялся за мясо. По крайней мере, в этом дурдоме отлично знают, как приготовить хороший стейк – непрожаренный и холодный внутри, с восхитительным ароматом. Красный сок растекся по тарелке. Рот Кэла наполнился слюной, когда он принялся жевать первый кусочек. Умопомрачительный сок, с легким привкусом железа —

крови…

…человек в капюшоне медленно повернулся к нему, с выражением горя и сожаления на лице, а с лезвия капала…

Боль пронзила висок, Кэл выронил вилку, закрыл глаз ладонью, сильно прижимая, словно хотел раздавить боль. Он дрожал и задыхался, но не хотел, чтобы кто-то это заметил.

Мусса и Натан ясно дали понять, что он им враг. Кэл достаточно времени провел в тюрьме, чтобы понимать дальнейший ход событий. Нельзя показывать слабость. Только не сейчас, не этой стае злобных хищников – растерзают.

Кэл заставил себя дышать размеренно и снизил невыносимую боль до терпимой. Уже лучше.

Медленно опустил руку и огляделся.

Человек в одежде из кожи и плотной ткани стоял у зеркала. Одежда казалась серой, но Кэл знал: она темно-красного цвета. На голове капюшон, руки опущены, в каждой по клинку. Он медленно повернулся и впился взглядом в Кэла.

«Нет, это не галлюцинация – то, что София назвала эффектом просачивания».

Кэл заскрежетал зубами, ему очень хотелось, чтобы фигура исчезла.

…и вдруг он оказался в своей комнате – крошечном блоке с серыми стенами, и все они были там. Кэл знал их имена:

Агилар.

Бенедикто.

Мария, с глазами, обведенными сурьмой.

«Наши жизни – ничто», – прошептала Мария, скользя мимо него так близко, что всего в нескольких дюймах от себя он увидел красивые, голубого цвета татуировки на ее лице.

«Мы спасаем человечество от тирании тамплиеров», – сказал Агилар знакомым и в то же время чужим голосом.

Его загорелое, обросшее щетиной лицо смотрело на мир голубыми глазами Кэла.

«Клянешься?» – требовательно спросил Наставник Бенедикто.

Их клинки были обнажены, они окружили его, шепотом произнося непонятные ему слова, и наблюдали за его страхом…

Кэл усиленно заморгал.

Он действительно находился в своем блоке, не понимая, как он здесь оказался. Но ассасинов вокруг не было.

Он остался в одиночестве, если не считать безмолвных наблюдателей за стеклом.

Глава 11

«Новичку – санитарка назвала его мистер Линч – не сладко», – подумал Мусса, наблюдая, как волокут бьющееся в конвульсиях тело. Он даже сочувствовал этому парню, на собственной шкуре испытав этот пресловутый эффект просачивания.

Мусса не запомнил его имени, но кто-то должен знать. Каждый из них был частью целого: один одно услышит, другой – другое. Это и есть братство.

Он ухмыльнулся, завидев приближавшегося охранника, и постарался принять максимально беспечный вид. Охранник наблюдал за стычкой заключенных – хотя они считали себя пациентами, да ну их к черту, мало ли кто что считает, – и сейчас он собирался разнюхать из-за чего сыр-бор разгорелся.

– Сыграем, начальник? – добродушно спросил Мусса, выставляя на стол стаканчики.

– Тебе нечем будет расплатиться, если я выиграю, – резонно заметил охранник.

Мусса хохотнул.

– Ты прав! – сказал он, помолчал и с глубокомысленным видом добавил: – Или не совсем? У меня есть пара острых глаз и ушки на макушке. – Он кивнул на дверь, в которую утащили попавшего в водоворот галлюцинаций Линча. – Они могут сослужить хорошую службу.

Охранник внимательно посмотрел на него и осторожно присел на край стола. Мусса поднял стаканчик справа, показывая маленький шарик.

– Все подними, – потребовал охранник.

Мусса с усмешкой подчинился.

– А теперь дно покажи.

– Не дурака вырастила твоя добрая мамочка, – сказал Мусса, хотя это еще предстояло выяснить. Затея вызвала интерес у публики, им нравились шоу, которые устраивал Мусса.

Но так было не всегда. Он впервые попал сюда пьяным в стельку. Был простым уличным воришкой в Атланте: то бумажник вытащит, то сумочку из рук вырвет, то в какую-нибудь пустяковую драку в баре ввяжется – ничего серьезного.

За исключением того случая – или двух, – когда ему пришлось драться за свою добычу.

Полицейские нашли трупы, но его поймать так и не смогли. Он был слишком хитрый.

Но за пять лет, что он провел здесь… Неужели пять лет прошло? Трудно вести отсчет времени в закрытом пространстве с искусственным голубоватым освещением, да еще эта проклятая машина все мозги наизнанку вывернула… За эти пять лет все изменилось. Природная ловкость Муссы увеличилась тысячекратно, и если раньше он легко соглашался играть по чужим правилам и позволял собой манипулировать, то сейчас верховодил на арене этого цирка.

– Мы о нем ничего не знаем, кто он и откуда, – сказал Эмир, когда Линч только вошел, двигаясь с настороженностью, хорошо понятной Муссе.

– Все мы когда-то были новичками, о которых никто ничего не знал, – напомнил ему Мусса и добавил: – А кого-то из нас приняли здесь как врага.

Эмир нахмурился. Мусса был прав, но Эмир обладал острым природным чутьем, и что-то в новичке его сильно беспокоило.

– Мусса, ты посмотри, как он двигается, как он ведет себя. Он ближе к своему предку, чем мы после стольких лет пребывания здесь. Но мы не знаем, кто его предок. И это делает его опасным.

Но Мусса помнил, что в первый раз они все, включая его самого, вели себя здесь так же, как и Линч.

– Дай ему немного времени, Эмир, – попросил он друга. – Может оказаться, что у парня благородная кровь.

Мусса назвал новичку свое второе имя – Батист. Здесь у всех было второе имя. Или это первое? Батист, как Мусса сообщил Линчу, был вуду-отравителем, умершим двести лет назад.

Но фонд «Абстерго» нашел Муссу, а потом в его прошлом откопали Батиста. За то время, что Мусса провел в «Анимусе», проживая жизнь своего предка, умный и утонченный убийца-отравитель поселился в нем и стал его неотъемлемой частью.

Батист не был добрым малым. Его приняли в братство ассасинов, тренировали, и в течение тридцати лет он был убийцей. Но когда его Наставник погиб, он покинул братство.

Выдал себя за Наставника, организовал собственный культ веры и развлекался тем, что посылал своих приверженцев убивать тех, кто был ему лично неугоден. Впоследствии он решил вступить в орден тамплиеров.

И совершенно справедливо, как он напомнил Эмиру, первое время его здесь принимали за врага, никто из заключенных-пациентов не доверял Муссе. И у них были на то основания, потому что вначале он выполнял все требования тамплиеров, точно так же как и его предок. Пока в один прекрасный день не пришло четкое осознание, что современные тамплиеры еще хуже держат слово, чем их средневековые предки, и используют добытые им знания исключительно для своей выгоды.

Эти неблагодарные сволочи, когда он их об этом попросил, даже торт не подарили ему на день рождения… Когда же это было? Он не помнил даты. Жаль, что нельзя их отравить. Все травы, которые тамплиеры разрешают заключенным-пациентам выращивать в саду, совершенно безвредные.

Мусса быстро, едва касаясь пальцами, крутил и переставлял стаканчики. Охранник неотрывно следил за его движениями, он весь напрягся и сконцентрировался, губы вытянулись в тонкую ниточку. После нескольких маневров Мусса остановился и выжидающе посмотрел на охранника.

Тот пальцем постучал по стаканчику в центре. С притворным сожалением Мусса поднял стаканчик, показывая, что под ним ничего нет, затем поднял тот, что справа. Там лежал шарик.

– Ай-ай-ай, не повезло. Еще одна попытка, – предложил Мусса.

Охранник бросил на него сердитый взгляд и кивнул.

И снова стаканчики забегали с невероятной быстротой.

Мусса вернулся мыслями к ассасинам. Потребовалось время, чтобы доказать им свою преданность. И сейчас уже они сплотились вокруг него. У каждого из ассасинов был свой набор навыков, знаний и особых способностей. Мусса, ловкач и плут, часто прикидывался простаком или сумасшедшим, чтобы выудить информацию, но именно за ним оставалось последнее слово. Его мнению доверяли, к нему прислушивались. Именно Мусса проводил проверку новичков. И Линч чем-то зацепил его.

Возможно, он именно тот, кого они так долго ждали… или тот, кого они боялись и менее всего хотели видеть.

Их хранитель… или их злой рок.

Мусса решил проявить милосердие и замедлил движения рук, чтобы охранник мог проследить и выбрать стаканчик с шариком.

– Ну надо же, какой у тебя острый глаз, шарик здесь! – воскликнул Мусса. – Бьюсь об заклад, от тебя ничего не

ускользнет.

– Я выиграл. Чем расплачиваться будешь?

– Ты не из тех, кто играет ради забавы. – Мусса огляделся по сторонам, словно хотел удостовериться, что их никто не подслушивает, и наклонился к самому уху охранника. – Я кое-что знаю о новеньком.

– И что же?

– Он любит стейк с кровью, – сказал Мусса и отстранился, сохраняя очень серьезный вид.

Лицо охранника сделалось пунцовым, но доктор Риккин запретила применять силу к своим «пациентам» за исключением крайних случаев. Однако Мусса знал: просто так это ему с рук не сойдет, охранник найдет повод с ним рассчитаться. Но ему было на это наплевать.

Батист у него внутри умирал со смеху.

Внутри у Софии все сжалось при виде того, как Кэл, тяжело дыша, молотил руками воздух и выкрикивал вызов невидимому противнику. Ей уже приходилось наблюдать такое, и не раз. Поначалу смотреть на это было мучительно, но постепенно она привыкла, хотя по-прежнему не испытывала от подобных сцен удовольствия. Однако это была необходимая часть ее научных исследований, и она всегда помнила о конечной цели.

София понимала, что эффект просачивания внушает ужас пациентам и причиняет физические страдания, но также знала, что постепенно это пройдет. Медицинские данные Кэла свидетельствовали, что он парень крепкий и быстро с этим справится без тяжелых для него последствий.

Однако страдания Кэла она почему-то воспринимала иначе. София убеждала себя, что все дело в его особой ценности для тамплиеров.

– Эффект просачивания усугубляется, – сказала она стоявшему рядом с ней Алексу. – Он переносит это тяжелее других. Дайте ему четыреста миллиграммов сероквеля, чтобы снять галлюцинации.

Алекс посмотрел на нее, немного удивленный такой заботливостью, но он молча кивнул и удалился, бесшумно ступая в своих ботинках на каучуковой подошве.

София продолжала наблюдать, покусывая ногти. Сероквель должен его успокоить. Если нет… придется придумать что-то другое.

София вернулась к работе, которая всегда приносила ей покой, удовлетворение и чувство гордости. И если быть до конца честной – внимание и одобрение отца.

Неудивительно, что она в конечном итоге занялась научными исследованиями и техническими разработками. После ужасного убийства матери отец усилил охрану в своих домах в Англии и во Франции, где они чаще всего находились. Ее воспитывали гувернантки, потом – приглашенные учителя, но они не могли научить ее общаться со сверстниками, и компьютеры были не только основными инструментами обучения, но и ее единственным развлечением.

Кэл тоже потерял мать, но у него было преимущество – семь лет он мог чувствовать ее любовь и заботу.

София лишилась матери в возрасте четырех лет.

Она плохо помнила лицо матери, ее смех и стихи из книги, которую она часто читала вслух. Ласковое имя Софи. Запах сирени и мягкость ее щеки. Поцелуи, легкие, как прикосновение крыла бабочки. София даже помнила – и это были счастливые воспоминания, – каким был отец в то время. Он был добрым и часто смеялся. Он сажал ее на плечи, и она из маленькой девочки превращалась в великана. Она помнила, как они вместе укладывали ее спать.

Со смертью матери в ее жизни будто выключили свет – все изменилось. София стала часто просыпаться по ночам с криками, она боялась, что «сасины» придут к ее отцу и тогда она останется совершенно одна в большом и страшном мире. Она звала отца, чтобы он пришел, обнял ее и защитил.

Но он никогда не приходил.

Софи стала Софией и все свое время проводила с компьютерами. Ее отец был занят делами огромной трансконтинентальной корпорации, и у него были дополнительные обязанности. Что значит быть великим магистром ордена тамплиеров, она начала понимать лишь в подростковом возрасте. Чем старше София становилась, тем глубже втягивалась в работу по усовершенствованию «Анимуса», и отец с каждым разом ставил перед ней все более сложные задачи, и ее карьера быстро шла в гору.

Офис в Мадриде принадлежал ей. Чисто условно, как и все остальное. Фраза «Воздадим славу не себе, но будущему» часто звучала в среде тамплиеров. Прекрасная идея, но в большинстве случаев слава доставалась старейшинам и Алану Риккину.

София услышала звук шагов и уловила аромат одеколона, которым пользовался отец. Она усмехнулась про себя и подумала: «Помяни черта…»

– Отправь его в «Анимус», – без какого-либо предисловия потребовал Алан Риккин.

София подняла голову.

– Прямо сейчас.

София смотрела на него скептически.

– Разве ты не видишь, что с ним происходит? – спросила София. – Он тяжело переносит эффект просачивания. Нужно время, чтобы подготовить его…

– У нас нет времени, – холодно оборвал ее Алан Риккин, давая понять, что решение принято и не обсуждается.

София похолодела.

– Что случилось? – спросила она.

Какие новости отец скрывает от нее?

Алан Риккин не ответил. Так он поступал не впервые. София понимала, что на него возложены обязательства, хотя и не знала подробностей. Разумеется, какие-то вопросы он не имел права с ней обсуждать. Но чем старше София становилась, тем сильней сомневалась, действительно ли у отца настолько связаны руки, или ему просто нравится все держать в тайне?

Однако на этот раз он держал язык за зубами явно не ради забавы. Что-то случилось. Учитывая, что вчера отец летал в Лондон на встречу со старейшинами, можно было сделать вывод, что ему сказали нечто такое, что заставило его так спешить.

В воздухе повисла неловкая пауза. Глаза Алана Риккина застыли на экране монитора.

Неприятное зрелище. Несмотря на прописанный ему нейролептик, Каллум Линч продолжал тугим комком кататься по полу. Алан Риккин привык, чтобы его приказы выполняли немедленно, без лишних вопросов. Отец и дочь и раньше сталкивались лбами. Он не был ученым, он был бизнесменом. И его прежде всего интересовал результат, а не… все остальное.

– Отправь его в «Анимус», София. Не через пару дней или несколько часов, а сейчас.

София понимала, что она не может рисковать делом, проявляя заботу о подопытных. Но вместе с тем она была их защитником, и она принимала решения.

– Ты не хуже меня знаешь, что Каллум Линч умрет в «Анимусе», если не будет как следует подготовлен.

– Сделай так, чтобы он был готов.

– Я не буду рисковать его жизнью, – дерзко ответила София.

Алан Риккин внимательно посмотрел на нее, его лицо сделалось… печальным. Неохотно, но твердо он сказал то, отчего у его дочери все внутри похолодело:

– Тогда я найду того, кто это сделает.

София смотрела ему вслед, пока он удалялся, даже не оглянувшись. Она опустилась, чуть ли не рухнула на стул, вцепилась в него пальцами так, что костяшки побелели, и

заставила себя дышать глубоко и ровно.

Когда ей было восемь лет, она подобрала бездомного пса – беспородного, блохастого, нескладного и непослушного. София сразу полюбила его. Но отец сказал, что Оскар – так она, неизвестно почему, назвала пса – ни при каких обстоятельствах не останется у них в доме.

София не была плаксивой девочкой, но после слов отца она прижала к себе пса и рыдала как безумная. Щекой она ощущала его свалявшуюся шерсть, тепло тела и учащенное биение сердца. Впервые после смерти матери София чувствовала рядом с собой живое существо, которое нуждалось в ней, о котором она могла заботиться, как о ней заботилась мать.

Разумеется, в восемь лет София не могла выразить словами охватившие ее эмоции. Ей оставалось только плакать и умолять отца, вцепившись в Оскара.

Она обещала, что сама будет все делать: кормить его, мыть и дрессировать. Он будет хорошей собакой – самой лучшей. Оскар будет ей благодарен за спасение, будет любить ее.

И если он позволит оставить Оскара, она, София Риккин, будет хорошей девочкой – самой лучшей. Будет хорошо учиться, выполнять все, что требуют учителя. Наконец отец смягчился – при условии, что она выполнит все свои обещания.

И София сдержала слово. Она купала Оскара, кормила и усердно дрессировала, даже научила его выполнять команды «сидеть» и «ждать». Однажды во время прогулки он сорвался с поводка и погнался за белкой. Он не откликался на зов, ей пришлось загнать его в угол и схватить за ошейник.

Он был крайне возбужден и испуган и, что вполне естественно для бездомного пса, укусил ее. Не очень сильно укусил, лишь прорвал кожу, так что выступила кровь. София пристегнула поводок к ошейнику и пошла домой, а кровь тонкой струйкой текла по руке.

Отец пришел в бешенство.

Он затолкал Софию в машину и отвез к доктору, где ей наложили десять маленьких швов. У нее остался шрам, и сейчас большим пальцем она потирала едва заметную полоску на запястье, наблюдая, как Каллум Линч плакал, трясся и отчаянно сражался с врагом, который существовал только в его воображении.

Ей наложили швы.

Оскара пристрелили.

Когда она об этом узнала и выразила отцу все свое негодование, он лишь ответил:

– Я не хочу, чтобы тебе причиняли боль.

Вспоминая эту историю, повзрослевшая София пыталась найти оправдание поступку отца. Вероятно, он действительно был расстроен тем, что его единственную дочь покусала собака, пусть и не очень сильно. Вероятно, после смерти жены отец не мог допустить и мысли о том, чтобы с его дочерью случилось что-то плохое.

Но сейчас она поняла: Алан Риккин не был заботливым отцом, который страстно хотел защитить любимое дитя. Он просто воспользовался своим правом контролировать ее жизнь.

Отец показал, что может в любой момент и под любым предлогом уничтожить все – и всех, – кто ей дорог, если ему это будет нужно.

Каллум Линч – не первая жертва, которую Алан Риккин принес ради того, чтобы держать дочь под жестким контролем.

Не первая – но самая последняя.

Глава 12

Кэл пришел в себя и успел поесть – ему принесли стейк, уже разрезанный на кусочки, чтобы ему не понадобился нож. Еда немного взбодрила, и он даже решил, что покончил с галлюцинациями.

Но ошибся. Он посмотрел в соседнюю комнату, откуда охранники вели за ним непрерывное наблюдение. На этот раз там не было никого из тех, кто прежде присматривал за ним.

На этот раз там был Агилар.

Кэл напрягся, пот заструился по телу тонкими ручейками, но ассасин не нападал на него. Он просто стоял и смотрел на Кэла, а затем вошел к нему в комнату.

Сквозь стекло.

Несколько секунд Кэл смотрел в свое собственное лицо, только более суровое, покрытое шрамами и небольшими татуировками. «Это галлюцинация. В реальности этого не существует. То, что происходило в „Анимусе“, происходило не в реальности. Не со мной. Это просто эффект просачивания».

Кэл удивился тому, что призрак ассасина вел себя очень спокойно. Вероятно, его собственный разум перестроился таким образом, что располагал призрак к разговору. Но нет, ассасин, как и прежние разы, бросился в атаку.

Кэл был готов к этому. Левой рукой он успел блокировать удар ребром ладони по горлу, а правой жестко встретил вторую попытку. Агилар сделал ложный выпад и с разворота нанес удар ногой в живот, но не достал.

Кэл не был новичком в драках. Ему несчетное количество раз приходилось пускать в ход кулаки, начиная… с того самого дня. Но сейчас, впервые с того момента, как эффект просачивания исковеркал реальность и взял его в тиски, он мог контролировать

свои действия. Вначале призраки ассасинов просто терроризировали его: шептали свои обвинения, наносили удары, перерезали горло. И его охватывал беспричинный непреодолимый страх. Но в этот раз все было совершенно по-другому.

Кэл помнил, как действовал Агилар, когда всерьез пытался его убить. Он всегда добивался успеха. Но сейчас это была не настоящая схватка, – по крайней мере, она не походила на предыдущие. Кэл начал смутно догадываться, что это… спарринг. Тренировка.

Увернуться от ноги. Блокировать кулак. Нанести собственный удар. Кэл вошел в ритм, он двигался быстро, не испытывая напряжения и неловкости. Он был знаком с такими схватками. И он должен выстоять.

Резко из разворота он нанес удар… в пустоту. Кэл замер, едва переводя дыхание, и оглядел комнату. Агилар исчез? Он почувствовал неприятное покалывание в затылке и оглянулся.

Он был не один. В комнату входили другие враги – не охваченные яростью ассасины в капюшонах, а люди в белоснежных халатах. И это уже была не галлюцинация. За ним пришли, чтобы снова засунуть в «Анимус». Но просто так он не сдастся.

К нему приближались два санитара. Кэл почувствовал выброс адреналина. Он больше не полезет в эту адскую машину. Галлюцинации лучше, чем железный захват руки, бросающей его в поток памяти давно умершего человека. Кэл рванулся вперед, схватил санитара и швырнул его лицом в стену, развернулся, боднул головой второго, блокировал удар первого, схватил его за руку, рывком перекинул через себя, и тот упал навзничь.

В комнату ворвались трое охранников с дубинками. Первым Кэл уложил того, что нападал слева, и сразу же нанес удар в челюсть охраннику-женщине, напавшей справа.

Четвертый охранник прибежал на помощь уцелевшему, и вдвоем они изловчились схватить его за руки. Кэл, опираясь на них, подтянул к себе ноги и, выпрямляя, изо всей силы ударил в живот еще одного вбежавшего охранника.

Сбитая им с ног охранник-женщина поднялась и с наслаждением ударила его дубинкой по лицу. Он едва не потерял сознание. И хотя дух готов был сражаться, тело обмякло, в глазах потемнело, его подхватили под мышки и потащили из комнаты.

У двери они на секунду остановились. Голова Кэла безвольно болталась, он пересилил боль, заставляя себя открыть глаза и поднять голову. Перед ним стоял огромного роста охранник с тяжелыми веками и ничего не выражающими глазами.

– Ну что, боксер, приготовься, – буркнул он.

Нет. Кэл не станет этого делать. Внезапно его охватил животный страх, Кэл пустил его в ход, как последнее оружие.

– Я схожу с ума, – сказал он и почувствовал вкус крови на разбитых губах.

Но его не слушали и продолжали тащить по коридору. При мысли вновь оказаться в теле Агилара де Нерха, в памяти мелькнула картина из далекого прошлого: тишина в доме – и в этой тишине из старого радиоприемника льется песня Пэтси Клайн «Я схожу с ума».

И Кэл запел, нет, заорал эту песню.

Он орал во всю глотку, жутко фальшивя и отчаянно пытаясь отодвинуть неизбежное.

Это была простая игра в покер. Но только для постороннего глаза.

Была очередь Натана сдавать, и он делал это с показным спокойствием. Обычно охранники не мозолили глаза, прячась за зеркальной стеной. Когда Линч впервые появился, их стало немного меньше. Но сейчас собралась целая толпа.

Эмир поднял голову и тут же опустил.

– Они опять отправили его в «Анимус», – сказал он. Остальные промолчали. Они уже знали об этом.

Мусса, не глядя, взял карты, он не спускал глаз с санитаров.

– Они слишком торопятся. Он не готов туда возвращаться, мы видели его состояние. Новичок даже не успел съесть свой стейк. Парень еще не знает ни кто он, ни на чьей он стороне.

– Тогда мы, – Натан разложил карты веером, – должны остановить его, пока он нас всех не предал.

Остальные сохраняли большую выдержку. Натан всегда рвался в бой, он готов был наброситься на любого, кто косо посмотрел на него. И хотя он работал над собой, полностью контролировать себя ему пока не удавалось. Мусса упрекнул его за нападки на Линча, но Натан не чувствовал раскаяния. Он упорно продолжал видеть угрозу в Линче, которого Мусса с удовольствием называл «новичком», и считал, что лучше быть неправым, но живым, чем правым, но мертвым.

Каждую ночь Натан просыпался в поту, охваченный ужасом. Умом он понимал, что происходит. Доктор Риккин называла это эффектом просачивания и предположила, что Натан, самый молодой из пациентов, переносит его тяжелее, чем все остальные.

«Если человеку пятьдесят и он прожил вдвое больше твоего, – сказала она своим спокойным, мягким голосом, – у него накоплен больший объем собственной памяти. И этот багаж помогает ему сохранить свою личность, когда границы реальности

размываются».

И она улыбнулась ему. Эта нежная улыбка каждый раз заставляла Натана сомневаться в том, что она предана делу тамплиеров и полностью на их стороне. А если даже и так, то, возможно, они не так уж и плохи.

Конечно, так думал не он, а Дункан Уолпол, вероломный предатель, сующий нос не в свое дело.

Троюродный брат Роберта Уолпола, первого премьер-министра Великобритании, Дункан Уолпол родился в 1679 году и умер в 1715-м. Натану делалось противно от одной только мысли, что этот подонок частично продолжает жить в нем. Дункан Уолпол, как и Баптист, изменил ордену ассасинов и перешел на сторону тамплиеров. Но у Батиста хотя бы было призрачное оправдание – страх. Он родился рабом и в какой-то момент почувствовал себя преданным братством.

В противоположность вуду-отравителю, Дункан Уолпол рос в уюте и благополучии. Он должен был пойти по стезе морского офицера, однако этот заносчивый, самодовольный мерзавец не желал подчиняться приказам. Утратив интерес к морской службе, он увлекся учением ассасинов, которое пришлось ему по душе. Но даже в братстве, где исповедовалось «все позволено», его недовольство жизнью возрастало день ото дня. Он пытался противопоставить себя старшим братьям-ассасинам, получил отпор и затаил на них обиду – не имея на то практически никаких причин, кроме воображаемых.

Отправившись по приказу Наставника в Вест-Индию, Дункан собрал сведения о местных ассасинах и связался с тамплиерами, которые поняли, как его ублажить… и сколько ему заплатить.

Сам Натан в детстве устал менять школы, его постоянно выгоняли за драки. Типичный уроженец Ист-Энда, связавшись с бандой, он начал свой жизненный путь мелким торговцем наркотиками. Выглядел он этаким пай-мальчиком, и предводитель банды отправил его толкать дозы у местных школ. Но пай-мальчиком он оставался до тех пор, пока не потерял терпение и не избил сотоварища до полусмерти.

– Что такое предательство, тебе хорошо известно, не так ли, Натан? – сказал Эмир.

Когда-то Натан счел бы это оскорблением. Счел бы вызовом. Но сейчас он понимал, что это лишь напоминание о том, с чем – вернее, с кем – Натан вынужден жить каждый божий день.

И каждую ночь.

Натан не позволил себе даже вздрогнуть.

Он не хотел быть таким, как его предок Дункан. Он хотел стать лучше. Похожим на Муссу, или, когда он чувствовал себя

особенно безнадежно, ему хотелось быть похожим на Лин или Эмира. Эти двое, насколько ему было известно, не имели скелетов в шкафу.

Зная, каким подлецом был его предок, Натан подозревал всех новичков. «Виновен, пока не доказано обратное, – любил повторять он. – И если смотреть правде в лицо, мы здесь все виновны».

Натан доверял оценкам Муссы, которому лучше, чем всем остальным, включая даже уравновешенного и рассудительного Эмира, удалось найти золотую середину между двумя наборами воспоминаний. Он только прикидывался шутом и идиотом перед охранниками, в действительности был самым здравомыслящим человеком.

– Да, мне это хорошо известно, – насколько мог спокойно согласился Натан.

Он стрельнул взглядом в сторону охранников. «Наблюдают за нами, как ястребы за добычей».

– Мусса прав, – продолжил он. – Новичка рано отправлять в «Анимус». Но они форсируют события, потому что он знает что-то очень важное. И он может принять неверное решение, встать не на ту сторону.

Они не могли дозволить новичку такую роскошь, как сомнения. Только не сейчас, когда он, как подозревал Мусса, мог оказаться тем, кто выведет их всех отсюда на свободу, или тем, кто их всех погубит.

Мусса встретился взглядом с Натаном: два ассасина, которые перешли на сторону тамплиеров, очень хорошо понимали друг друга. Мусса посмотрел на свои карты и хмыкнул.

– Ну вы только посмотрите на это, – сказал он, выкладывая четыре карты: два черных туза и две черные восьмерки. – «Рука мертвеца»[8].

Четыре карты. Четыре хранителя Яблока.

– А пятая какая? – спросил Натан.

– А пятой была пуля в висок, – ответил Мусса.

Все молча согласились.

Вначале София услышала надрывное пение Кэла и только потом увидела, как его тащат. Она подавила чувство жалости. Поздно – слишком поздно – возвращать его назад.

Она слышала ужас и отчаяние в голосах других подопытных. Часто истинная природа человека для Софии быстро исчезала, после того как она слышала эти крики ужаса и отчаяния… и такой человек никогда не возвращался.

Проклятье!

– Установите дату на шестое число, – приказала София Алексу.

Кэл отчаянно, до неприятного звона в ушах, продолжал горланить свою песню.

София сжала кулаки.

– Если его состояние ухудшится… – София набрала в грудь воздуха, – вытаскивайте его.

Алекс, нахмурившись, повернулся к ней:

– Но ваш отец…

София резко оборвала его:

– Мне безразлично, что сказал мой отец.

Она отлично знала, что человек, о котором идет речь, наблюдает за происходящим из окна своего офиса. София подошла ближе к центру зала и остановилась, следя за тем, как рука, плотно схватив Кэла, поднимает его над головой.

Он уже не пел, а рыдал, гадая вслед за Пэтси Клайн, что же он такого сделал.

Вид у Кэла был ужасный: кровь на лице от «усмирения», глаза дикие, пот струится, грудь ходит ходуном. Сердце Софии кольнула жалость. Черт бы побрал ее отца: этого нельзя было делать.

Однажды в детстве она несколько часов просидела на пригорке с ладошкой, полной семечек, ожидая, когда белка или бурундук пожелают полакомиться ее дарами. Ее тело онемело от долгого неподвижного сидения, одну ногу она совершенно не чувствовала. Но это ее не беспокоило.

Страдание стоило того, когда маленькое существо с глазками-бусинками высунуло носик из норки под деревом. Бурундук, передвигаясь рывками, готовый в любой момент юркнуть обратно, приблизился к ее ладошке. Он поставил лапки с маленькими коготками ей на большой палец, посмотрел на нее большими глазенками, его сердечко так сильно колотилось в белой грудке, что она сумела это разглядеть, и в этот момент появился отец и закричал, прогоняя бурундука. Зверек мгновенно исчез. Несколько дней подряд, вопреки всем запретам отца, она приходила на то место и ждала.

Но бурундук так больше и не появился.

Кэл больше походил на волка, нежели на бурундука, но тоже был очень осторожным. И София надеялась, что он тоже начал доверять ей. Но вместо того чтобы просто испугать, Кэла по приказу отца избили, заставляя подчиниться, силком приволокли сюда и запихнули в непонятную, приводящую его в ужас машину.

Это жестоко. Неправильно. И по злой иронии, как она отчетливо понимала, это отбросит их назад, возможно

безвозвратно, как раз тогда, когда отцу необходимо получить немедленный результат.

Прямо здесь и сейчас у нее есть единственный шанс защитить Кэла от непоправимых травм, и она должна им воспользоваться.

– Кэл, – громко и повелительно окликнула его София. – Послушай меня.

Но он только продолжал петь… орать… еще громче, стараясь заглушить ее голос, стараясь поставить хоть какой-то барьер, способный защитить его сущность от того испытания, которое он вынужден пройти. По иронии судьбы опасность заключалась в том, что уберечь свой разум он мог, только полностью воспринимая то, что произойдет. Не отталкивая все это от себя и не заглушая воспоминания своими воплями.

– Послушай меня! – закричала София. – Ты должен сконцентрироваться! Сосредоточиться на воспоминаниях.

Слышал ли он ее? Этого София не знала. Но продолжала:

– Ты должен оставаться с Агиларом.

Имя привлекло внимание Кэла, он посмотрел вниз, заморгал, стараясь сфокусироваться, но своего безумного пения не прервал. Только это было не безумие, а отчаянная попытка сохранить здравый ум.

София внимательно изучала этого человека. Она честно призналась ему, что знает о нем все. Висевший у нее над головой и яростно сопротивлявшийся мужчина до боли напоминал ей мальчика на старом поляроидном снимке.

«Как там у Шекспира? – в смятении подумала София. – „Из жалости я должен быть жесток“».

Она должна достучаться до него. Он должен ее услышать и делать все так, как она скажет, иначе он станет одним из тех многих, кто был здесь до него, – живым трупом с расстроенным мозгом, навечно застрявшим между прошлым и настоящим.

Она не должна этого допустить.

Только не с Кэлом.

София повторила громко и настойчиво:

– Кэл… ты должен оставаться с Агиларом.

Менее всего на свете он хотел слышать эти слова. Но София могла поклясться, что он ее услышал.

И затем ушел… в «Анимус».

Глава 13

В подземелье было жарко и душно. В воздухе висела пыль, смешанная с запахом пота, крови, мочи и фекалий. Кроме Агилара, Марии и Бенедикто, здесь находились еще с десяток узников. Несколько часов назад их было больше. Пришли охранники, вывели несколько человек и закрыли железную дверь. Разумеется, никто из них назад не вернулся.

Агилар знал, в чем вина ассасинов. Но его не интересовало, чем остальные бедолаги заслужили такую же судьбу, что ждала их. Кто-то тихо плакал, кто-то душераздирающе рыдал, моля о пощаде. Лица других оставались безучастными, словно они пребывали в неведении о своем скором будущем.

Все были измучены, сидели, привалившись спиной к холодной каменной стене, прикованные к ней цепями. От кандалов на руках цепи тянулись к кольцам, прикрепленным на высоте в несколько футов над головой. Движения были ограниченны, возможны лишь в небольших пределах, но особых страданий это крайне неудобное положение не причиняло.

Ассасинов последними бросили в это подземелье несколько дней назад. Из братства их осталось только трое, все прочие были убиты при попытке освободить принца Ахмеда.

Мария и Агилар сидели рядом, но эта близость не радовала их. Агилар был зол на себя. Они с Марией почти спасли мальчика. Но Охеда вытащил Агилара с принцем из пропасти с помощью его же собственной веревки. И ему осталось только наблюдать, как наследник вновь попал в руки врагов.

Но хуже всего было то, что и Марии не удалось ускользнуть от тамплиеров. Он давно принял свою судьбу. В тот самый день, когда от рук жестокого Охеды погибли его родители; и он вступил в братство, чтобы отомстить за их смерть.

Если бы только Мария могла спастись.

Они молчали уже несколько часов. Мария смотрела куда-то в пустоту прямо перед собой. И вдруг она заговорила:

– Скоро они начнут наступление на Гранаду.

– Султан Мухаммед слаб, – ответил Агилар.

Во рту у него пересохло, как высыхает и трескается от жары земля без дождей, и потому голос прозвучал резко и скрипуче. Тамплиеры, проповедующие сострадание, справедливо рассудили, что узников все равно ожидает скорая смерть, – зачем мертвому вода?

– Он предаст Кредо и обменяет Яблоко на жизнь наследника. Он любит сына.

Мария повернулась к нему лицом, цепи тихо звякнули. Она смотрела на него с горячностью, которая была ее отличительной чертой.

– Любовь делает нас слабыми, – сказала она чуть дрогнувшим голосом.

Агилар не мог оторвать от нее глаз. Так было всегда, с той самой минуты, когда он впервые увидел ее. Агилар, насколько позволяли цепи, придвинулся к ней, не обращая внимания на боль в своем избитом теле. Ему столько хотелось сказать ей. Но по большому счету эти слова были не нужны. Она все понимала, и он тоже.

Совсем иное сорвалось с его губ. Только это было важно сейчас. И Мария знала об этом. Тамплиеры лишили их всего. Осталось только одно, что нельзя было отнять, что б ни сделали с их телами.

Она тут же подхватила, в полном единстве с ним, как всегда было и будет до самого конца. В унисон они повторяли слова клятвы, которую давали братству при посвящении – хотя порознь и в разное время.

«Я с радостью пожертвую собой и теми, кто мне дорог, ради того, чтобы Кредо жило вечно».

Глаза Марии были широко раскрыты, он видел, несмотря на тусклый свет, попадавший в подземелье сквозь отверстия наверху, как пульсирует жилка у нее на шее. Сердце Агилара учащенно забилось, откликаясь на страсть в ее глазах, с этой страстью Мария проживала каждую минуту своей жизни, и сейчас она была сильна как никогда.

Агилар потянулся к ней в последний раз. И Мария потянулась к нему. Но похоже, и здесь тамплиеры проявили свое извечное немилосердие. Цепи оказались слишком короткими и лишили Марию и Агилара последнего поцелуя перед костром инквизиции.

Они услышали, как открылась железная дверь, раздался

топот. Люди в красных одеждах сняли замки с цепей. Скоро всему конец.

Цепи опутывали их шею, запястья, щиколотки. Их заставили подняться. Агилар стиснул зубы, все тело сильно болело от долгого неподвижного сидения. Агилар и Мария стояли бок о бок и смотрели на дверь.

– Я умру сегодня, – сказала она голосом напряженным, но твердым, – но ты не плачь обо мне.

Он не будет плакать. Простые слезы не та награда, которую заслуживает эта потрясающая женщина. Собственной кровью он готов оплакивать ее.

Они шли наверх по наклонному коридору к солнечному свету, туда, где было жарко и пыльно. Шли на карнавал безумия.

Под безжалостными лучами солнца с них сняли капюшоны, лишая покрова таинственности и обезличенности. Стали видны тугие косы, оплетавшие голову Марии. Черные капюшоны были только на головах двух палачей, крепких и плечистых, которые шли по обеим сторонам от них.

Кэл заморгал. Он видел одновременно толпу вокруг и ассистентов в лаборатории. И лицо ангела – бледный овал, – одновременно отчужденное и обеспокоенное. И на это раздвоенное ви́дение короткой и яркой вспышкой наложилось воспоминание: он сидит на полу тюремной камеры и как одержимый рисует, рисует углем портрет – широкоплечего человека в черном капюшоне…

– Оставайся с Агиларом, Кэл, – донесся голос ангела, и Кэл провалился туда, где были боль и жара.

Впереди заключенных шла группа священников, одетых в белые ризы, на головах митры, в руках посохи. Взмахами рук они посылали благословения в толпу, та отвечала им радостными криками, которые постепенно нарастали, пока не превратились в оглушительный рев. Этот рев поддерживал грохот барабанов. Какофония обрушилась на головы ассасинов, сбивая с толку.

Моргая и щурясь на ослепительно-ярком солнце, Агилар рассматривал экстравагантные одежды, людей с разрисованными лицами и ряды зрителей, которые с ненавистью осыпали их проклятиями. Он не понимал, зачем это представление. Возможно, те, что были в костюмах демонов, должны разыгрывать «Мистерию страстей Господних», либо они призваны отгонять злых духов, слетевшихся по случаю смерти такого большого числа грешников. Или запугивать самих грешников, живописуя картину ожидающего их ада.

Получалось, что люди в красном выполняли непривычную

для себя роль защитников ассасинов, не подпуская толпу, готовую разорвать их в клочья.

Агилар испытывал жалость к бесновавшейся толпе. «Если бы вы только знали, – подумал он, – что жаждете смерти тех, кто вас защищает». Они тоже были пленниками тамплиеров, тоже были опутаны невидимыми цепями, но не осознавали того.

Бенедикто, шедший впереди Марии и Агилара, обернулся и посмотрел на них. Его лицо было спокойным, безмятежным.

– Сегодня мы умрем, – заверил он их, – но Кредо будет жить.

Агилар позавидовал хладнокровию Наставника – и его уверенности.

Они поднялись на помост, где их ожидала мучительная смерть. У двух столбов были сложены огромные охапки хвороста. Рядом с большими бочками с маслом стоял наготове один из ряженых палачей.

Арена была сооружена для единственной цели – казнить еретиков, своими размерами она поразила Агилара. Сотни, а возможно, и тысячи зрителей переполнили три яруса сидений по четырем сторонам от помоста.

И хотя в подземелье сидели и другие «еретики», только трех ассасинов вывели на казнь. Очевидно, их смерть должна была стать важным событием.

С высокого помоста на них глазели инквизиторы, у каждого на груди висел крест. Чувство вины кольнуло Агилара, когда у края помоста он заметил юного принца Ахмеда, на спасение которого они положили столько сил и жизней.

В центре в креслах, лишь отдаленно напоминающих троны, восседали три величественные фигуры со строгим, осуждающим выражением лиц. Агилар узнал их: король Фердинанд и его супруга Изабелла, бывшая королева Кастилии, между ними сидел Томас де Торквемада… Великий инквизитор. Он обладал огромной властью и внушал ужас, но роста был маленького и казался карликом на фоне королевской четы.

Когда Охеда захватил в плен родителей Агилара и они оказались на таком же помосте, именно Торквемада приговорил их к смерти и руководил аутодафе. При виде сидевшего на троне Великого инквизитора Агилара охватила жгучая ненависть.

Агилар посчитал своим долгом узнать как можно больше об этом монахе-доминиканце. Торквемада еще в юные годы начал быстро продвигаться наверх и получил должность приора в монастыре Санта-Крус в Сеговии. Там он встретился с женщиной, которая сейчас сидела на троне и с нескрываемой ненавистью смотрела, как ассасины поднимаются на помост. Торквемада был советником юной королевы Изабеллы, а вскоре стал ее

духовником. Он способствовал заключению брака с Фердинандом Арагонским ради укрепления королевской власти, которую Торквемада – и тамплиеры – использовал в своих целях.

Боготворивший Торквемаду хронист Себастьян де Ольмедо называл его «молотом еретиков, светом Испании, спасителем страны и честью ордена». Агилар не был уверен в том, какой именно орден имелся в виду – доминиканцев или тамплиеров.

Великий инквизитор поднялся, тонзура блеснула на солнце, крошечные глазки и высокомерно поджатые губы излучали ненависть. Как и королева, он смотрел на ассасинов с презрением, не видя в них людей, только врагов. Но не врагов Господа, как пытались убедить простой народ тамплиеры, а врагов тамплиеров с их неукротимым стремлением подчинить своей абсолютной власти весь род человеческий.

Торквемада выступил вперед – для своих семидесяти лет он держался удивительно прямо – и вскинул руки, требуя тишины. Казалось, с возрастом его голос не утратил силы и звучал твердо и уверенно.

– «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч»[9], – процитировал Торквемада Библию. – «Упою стрелы Мои кровию, и меч Мой насытится плотию»[10]. «Тяжкими смертями умрут они и не будут ни оплаканы, ни похоронены»[11].

Пока Великий инквизитор говорил, ассасинов привязали к столбам. Бенедикто, как Наставник, получил отдельный столб. Марию и Агилара подвели к одному столбу, цепи, которыми были связаны их руки, закрепили петлей на крюке у них над головами, шею каждого из них по-прежнему стягивал железный обруч.

Ряженый в костюм демона зачерпнул большим ковшом масло и с плотоядной ухмылкой вылил его на ноги Агилару и Марии.

– «Мечом и голодом будут истреблены, и трупы их будут пищею птицам небесным и зверям земным»[12], – продолжал Торквемада с нескрываемым удовольствием.

Еще один ряженый, похожий на огромную красную птицу, когтистыми руками вылил ведро масла на столб, к которому был прикован Бенедикто.

Торквемада опустил руки:

– Десятилетия вы живете на земле, раздираемой религиозными распрями, раздираемой еретиками, которые свободу убеждений ставят выше мира и порядка. Но скоро благодаря Господу и святой инквизиции мы вырвем с корнем эту заразу. И Господь вновь улыбнется вам. Только в послушании будет обретен мир и покой!

Толпа одобрительно взревела. «Как легко думать, что это

самый простой способ положить конец всем противоречиям и раздорам», – подумал Агилар.

Он обвел взглядом одураченную толпу, принявшего картинную позу Торквемаду и остановился на Охеде. Тот смотрел на Агилара холодными бесстрастными глазами.

«Узнал меня, сучий сын? – безмолвно вопрошал Агилар. – Помнишь, что ты сделал? Теперь ты рад, что завершил свое злое дело?»

Безобразное лицо Охеды исказилось злостью. Он спрыгнул с коня и следом за обнаженным по пояс палачом в черном капюшоне поднялся на помост, где стояли Мария и Агилар.

Торквемада милостиво улыбнулся, разделяя энтузиазм толпы.

– Грешники, которые стоят перед вами, пытались спасти наследника окаянных еретиков Гранады – последнего оплота неверных в нашей священной войне. И сегодня перед лицом нашего короля и королевы, Фердинанда и Изабеллы, – Торквемада повернулся и низко поклонился им, почтительно, но без раболепства, – я, Торквемада, клянусь, что этот благодатный огонь очистит нас!

Палач приблизился к погребальному костру Агилара и Марии, наклонился, чтобы вбить в нижнее звено цепи железный костыль, намертво прикрепляя их к помосту. Но нет. Даже если Наставник и его непреклонная Мария готовы смириться с неизбежностью смерти, он будет сопротивляться до последнего. Агилар изо всех сил ударил палача ногой.

Тот отлетел, но быстро пришел в себя. Озверев, он выхватил кинжал, намереваясь им пригвоздить ногу ассасина к помосту. Быстроты и ловкости Агилару было не занимать, он успел отдернуть ногу, и кинжал вошел глубоко в деревянную подножку для ног, и палачу было его не вытащить.

Охеда не стал проявлять чудеса изобретательности, он подошел и почти небрежно своим огромным кулаком ударил под дых. Агилар задохнулся и не упал только благодаря державшим его руки цепям. В эту минуту он был благодарен тамплиерам за то, что они им даже воды не давали. Он лишил толпу удовольствия увидеть, как его стошнит.

– Вы будете смотреть, как жарится ваш Наставник, – пообещал Охеда, переводя взгляд с Агилара на Марию. – А затем вы умрете, только очень медленно. – Он зверски ухмыльнулся и добавил: – Как твои родители.

Агилар напрягся. Черный Рыцарь все-таки узнал его.

– Они мучились и кричали, – продолжал Охеда. – Я видел, как они превратились в пепел. Сегодня увижу, как ты станешь

пеплом. И род ваш прервется.

Охеда взял факел, подошел к Бенедикто, остановился, ожидая, когда вылитое на столб масло хорошо впитается. А Торквемада тем временем кричал:

– Узрите волю Господа! «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой»[13].

Не в силах скрыть самодовольной улыбки и не отрывая взгляда от Бенедикто, Торквемада махнул крестом, подавая знак.

София стояла, затаив дыхание, и разглядывала голографические фигуры Охеды, Марии, Торквемады – участников событий, происходивших пятьсот лет назад. Невероятно, как ассасины выдерживали такие муки. Достойно восхищения то, с какой скоростью они оценивали ситуацию и находили выход…

Не сводя глаз с Охеды и Бенедикто, Агилар изо всех сил ударил ногой по рукоятке кинжала, застрявшего в деревянной подножке. Рукоятка, зажатая между стопой одной ноги и браслетом кандалов на другой, поддалась и отлетела в сторону, но лезвие с металлическим стержнем, на котором она держалась, еще оставалось в подножке.

Они с Марией стояли привязанными к столбу спина к спине, но она шумно вдохнула, и Агилар убедился, что она все видит. И понимает, что он задумал. Сколько раз они действовали согласованно, как одно целое, читая мысли друг друга. И сейчас он почувствовал ее напряжение, ее готовность. Какое счастье, что Мария рядом. Они всегда были отличной парой. Во всем.

Агилар не останавливаясь бил кандалами по тонкому стержню кинжала. С каждым ударом штифт, скрепляющий браслет, немного поднимался вверх.

«Ну давай же! Давай!»

Зрители бесновались, доведенные до исступления воплями Торквемады и действиями Охеды. Ряженые пустились в пляс посреди оглушительно ревущей толпы.

Охеда посмотрел на Бенедикто. Наставник с вызовом вскинул голову. Ассасин и тамплиер обменялись ненавидящими взглядами.

– Воздадим славу не себе, но будущему, – сказал Охеда.

Бенедикто плотно смежил веки, приготовившись к неизбежному.

Охеда поднес факел, и пламя, охватив Наставника, взмыло ввысь.

Глава 14

Агилар освободил ноги и развернулся, но застыл в оцепенении, не в силах оторвать взгляд от ужасного зрелища. Он видел сейчас не только Наставника Бенедикто, но и своих родителей, стоявших у такого же столба с «благословения» карлика, который служил не Богу, а исключительно своим интересам.

«Padre… Madre…»[14]

Бенедикто кричал в предсмертной агонии, сжираемый жадным оранжево-желтым пламенем; и запах горелой плоти…

Кэл сдержал рвотный позыв, вызванный несуществующим запахом, мысленно уносясь к тем рисункам на стене своей камеры: очертания незнакомой мужской фигуры, охваченной огнем; застывший взгляд матери; капли крови, падающие на линолеум.

Кэл закрыл глаза, желая вырваться из всего этого ужаса, нуждаясь в передышке…

– Кэл! Нет. Оставайся с Агиларом!

Голос ангела – нежный, жестокий, властный. Он – Кэл, и он – Агилар. И тот, кого он любит, умирает самой ужасной, мучительной смертью.

Но та, которую он тоже любит, еще жива…

– Мария! – закричал Кэл.

И его швырнуло назад в прошлое.

Агилар тряхнул головой, сбрасывая с себя ужас и оцепенение, в котором прошлое и настоящее сошлись в пламени костра. Его родители и Бенедикто хотели бы, чтобы он и Мария остались живы и выполнили свою миссию. И Наставник упокоился бы с миром, зная, что отдал свою жизнь не напрасно.

Агилар надеялся, что Бенедикто каким-то образом осознал это.

Сейчас он ничем не мог помочь Наставнику. Как рыба выпрыгивает из воды, так и он всем телом рванулся вперед, одновременно разворачиваясь лицом к столбу, уперся в него ногами и сделал сальто назад, высвобождаясь из оков на запястьях. Но он все еще оставался связанным с Марией цепями на шее. И его маневр притянул ее к столбу, едва не задушив.

Агилар выхватил меч у ближайшего охранника и полоснул им по горлу бывшего владельца. Продолжая размахивать мечом направо и налево, он одним ударом разрубил цепи на ногах Марии.

И хотя цепь все еще стягивала ее шею, теперь они могли драться вдвоем, согласованно. Он – мечом, а она, хотя руки все еще были привязаны к столбу, – ногами, обутыми в тяжелые сапоги.

София наблюдала за Кэлом с широко раскрытыми глазами. Сейчас уже не «Анимус» заставлял его двигаться, он сам *наносил удары, разносившие голографические фантомы тамплиеров в клубы черной пыли, действуя свободно и легко. Естественно! Он был активным участником регрессии, а не беспомощной марионеткой, управляемой «Анимусом».*

Сначала она не на шутку встревожилась, когда Кэл дважды приближался к опасной грани выхода из программы имитационного моделирования. Это означало бы конец всем ее попыткам найти Яблоко – и гибель самого Кэла Линча. София не знала, что вызывало у него такое сильное эмоциональное потрясение. Она видела только действия и их результат, но не знала, что творится у него в голове. Только сам Кэл понимал, что там происходит.

Казалось, он переступил какой-то порог, который навсегда будет скрыт от нее, но она была ему за это безмерно благодарна.

«Он синхронизируется», – прошептала София, и губы ее дрогнули в улыбке.

Неплохое начало…

Один из стражников быстро сориентировался, схватил факел и бросил Марии под ноги. И заплатил за это жизнью – Агилар метнул меч, и тот вошел охраннику прямо в грудь.

Масло недостаточно пропитало деревянный столб, и пламя не взметнулось в небо, но хворост все же загорелся. Мария заскользила вокруг столба, пытаясь уберечься от обжигающих всполохов.

Толпа, еще минуту назад заходившаяся в кровожадном восторге, теперь испуганно завопила. Торквемада, чья торжественная мистерия превращалась в хаос, выкрикивал приказы своим приспешникам. Пламя неумолимо подбиралось к Марии. Яростно зарычав, Агилар бросился к ней и со всего разбега ударился плечом в столб. Дерево застонало, столб треснул и упал. Марию потащило за ним, и она рухнула на помост.

Агилар протянул руку, чтобы помочь ей подняться. Но Мария дикими глазами посмотрела ему за спину и рывком опрокинула его самого. Он перекатился на спину, увидел опускающийся топор палача и понял, что Мария спасла ему жизнь. Он тут же дернул ее за ногу к себе. Палач уже не мог остановить удар, и топор, вместо того чтобы отсечь Марии голову, лишь разрубил цепь на ее шее.

Освободившись, Мария рывком вскочила на ноги.

Агилар бросился к палачу – сильному, но медлительному. Как всегда, Мария предугадывала его мысли. Вместе они обмотали цепь, сковывавшую им шеи, вокруг толстой шеи палача. Быстрый рывок, и все кончено: палач обмяк и тяжело упал на доски помоста.

Агилар выхватил у него топор и швырнул в бочку с маслом. Вместе с Марией он побежал к ступенькам, которые вели к трибунам со зрителями. Масло начало вытекать из пробитой бочки и, словно живое существо, потянулось к охватившему Бенедикто пламени.

С оглушительным ревом на месте помоста разверзся огненный ад.

Двое ассасинов бежали вверх по ступенькам. Тамплиеры горели, их крики тонули в рокоте пламени. Очевидно, Великому инквизитору так не терпелось увидеть огненное представление, что работники даже не успели убрать строительные леса. Именно к ним и подбежал Агилар, а вслед за ним и Мария.

Быстро взобравшись на самый верх, Агилар с Марией на мгновение остановились, перевести дух и оценить обстановку. Сверху лицо Торквемады походило на белое пятно, искаженное злобой, он показывал на них и что-то кричал. Главный враг Агилара тоже каким-то чудом уцелел. Охеда в развевающемся черном плаще вскочил на коня и пустился в погоню.

Агилар с Марией молча набросили на головы капюшоны, возвращая себе этим жестом статус ассасинов, и побежали по крышам Севильи, глотая пыльный, с привкусом дыма воздух.

Уйти без помех не удалось. Торквемада – или король Фердинанд – предусмотрел возможность побега и расставил на

крыше лучников. Сейчас они отложили луки в сторону и, выхватив мечи, бросились за ассасинами. Возможно, солдаты отлично владели своим оружием, но им не хватало ловкости и быстроты ассасинов, для которых сражаться и бегать по крышам было так же легко и привычно, как дышать.

Припомнив, как удачно все вышло в прошлый раз, Агилар захлестнул цепью меч переднего противника, развернулся и толкнул его. Один за другим солдаты потеряли равновесие и полетели вниз, в толпу, метавшуюся в поисках спасения от огня.

Их место тут же заняли другие, и Агилар сразу понял: это не простые солдаты. Торквемада послал вдогонку за ними тамплиеров – слишком много, чтобы от них могли отбиться два ассасина, все еще связанные цепями на шее. Агилар и Мария поспешили к краю крыши и перепрыгнули на соседнюю, покатую и выложенную глиняной черепицей.

Они съехали вниз по крыше, спрыгнули на узкий выступ стены и побежали дальше, перепрыгивая с карниза на парапет, с парапета на крышу, каждый раз проверяя, не оказались ли они слишком далеко друг от друга, и отчаянно стремясь оторваться от гнавшихся по пятам тамплиеров.

Агилар услышал за спиной крик, один из тамплиеров, в тщетной попытке не отстать от ассасинов, оступился и полетел вниз. Агилар заметил, что он упал не в перепуганную толпу горожан, а на головы своих собратьев-тамплиеров. Они мчались по улице, задрав головы, кто-то бегом, а кто-то и верхом. Мимо Агилара в пугающей близости просвистел арбалетный болт.

Мария и Агилар добежали до последней крыши и одновременно спрыгнули на узкую балюстраду. Агилар приземлился первым, Мария чуть отстала, и ее нога соскользнула, она сорвалась, уцепившись за цепь, соединявшую их. Агилар мгновенно ухватился за цепь и втянул Марию на балюстраду. Старый камень крошился у них под ногами, и им снова пришлось прыгать, не теряя ни секунды.

Они приземлились среди покрытых пылью каменотесов, которые оторопело смотрели на них, открыв рты. Никто даже не шелохнулся и не выразил возмущения, когда Мария схватила зубило и присела на корточки так, что цепь, натянувшись, легла на крышу. Она выжидающе посмотрела на Агилара.

Он уже выхватил молот из рук ближайшего к нему каменотеса. Цепь лопнула от первого же удара. И они побежали дальше, оставив каменотесов в оцепенении. Агилар усмехнулся про себя, на мгновение представив, как кто-то из этих мужчин будет рассказывать о происшествии своим домочадцам.

Агилар потерял направление, но пока они оставались на

крыше, у них было преимущество. Тренированные ассасины чувствовали себя здесь увереннее, чем тамплиеры.

Зато у тамплиеров было численное преимущество. Казалось, они мельтешат повсюду, словно пчелиный рой, преследующий своих врагов.

Агилар и Мария перепрыгнули через зубцы на стене и приземлились на плоскую крышу. «Церковь», – промелькнуло в голове у Агилара. И в это самое мгновение на крыше появился один из тамплиеров. Он бросился к Марии, но Агилар столкнул их обоих вниз, во внутренний двор.

Мария молниеносно вскочила на ноги, равно как и ее преследователь. Она легко увернулась от меча противника, метнулась к нему, схватила за вытянутую руку, развернула вместе с мечом, и тот вонзился в еще одного тамплиера, оказавшегося у нее за спиной. Как только он упал, Мария быстро разделалась с первым.

Уровнем выше Агилар ловко, по-кошачьи, запрыгнул на парапет крыши, с полдюжины тамплиеров последовали за ним, но он их уже ждал.

Всего несколько минут назад его должны были сжечь на костре. Воспоминания о родителях внезапно нахлынули на него, но Агилар не позволил страху взять верх над собой. Смерть Бенедикто была ужасна, но именно она подарила Агилару драгоценное время, чтобы спастись самому и спасти Марию.

Он был измучен голодом и жаждой, успел почувствовать отвратительный вкус отчаяния. Но сейчас силы вернулись к нему, и кучка тамплиеров не казалась больше серьезным препятствием на пути к свободе.

Кровь его кипела, и он снова чувствовал себя живым, настолько живым, что, когда тамплиеры набросились на него, Агилар играючи с разворота ударил одного ногой, выхватил у него копье и с дьявольской усмешкой кинулся на оставшихся пятерых. Он был достойным сыном своих родителей. И сейчас они гордились бы им.

Мария подбежала к нему, когда последний тамплиер уже испустил дух. Их глаза встретились, и она кивнула головой в сторону соседней крыши. Едва они успели прыгнуть, как Агилар заметил движение у себя над головой.

На выступе стены выстроились в ряд тамплиеры.

Глава 15

Пришло время спускаться вниз. С края крыши Мария прыгнула на покатую каменную арку окна галереи, а оттуда забралась внутрь.

Агилар последовал за ней. С треском вломившись в обшитую деревом дверь, они оказались в небольшом вытянутом помещении. Прихожане с криками разбежались и попрятались кто куда. Ни на секунду не задерживаясь, Агилар и Мария выпрыгнули в другое окно и вцепились, как репейник, в выступ крыши шириной всего шесть дюймов. Увлекшийся погоней тамплиер опрометчиво попытался повторить их маневр, но не удержался и с отчаянным криком полетел вниз.

С узкого выступа одной стены здания – на расположенный выше, на расстоянии шести футов от них, выступ другого. Продолжая подниматься зигзагом, Агилар и Мария оказались над фасадом большого собора. Им открылся великолепный вид на город и другая, куда менее приятная картина – десятки тамплиеров, забравшихся на крыши соседних домов, а также спешивших по улице на помощь тем, кто шел по их следу.

Среди них Агилар увидел Охеду. Их глаза встретились, Черный Рыцарь что-то неразборчиво крикнул, хлестнул своего огромного коня и понесся к собору.

Агилар услышал за спиной шаги. Твердо встав на узкий выступ стены высоко над землей, он повернулся всем телом навстречу нападавшему тамплиеру, крепко схватил противника и, используя его же собственный напор, сбросил на каменную мостовую. Затем подтянул к себе Марию, они повернулись и побежали по плоскому открытому участку крыши собора.

Тамплиеры карабкались по стенам. Мария на бегу резко заехала носком сапога одному из преследователей в челюсть,

отбросив его на скат крыши.

Любым способом им нужно было оторваться от погони. На мгновение остановившись, чтобы перевести дыхание, Агилар посмотрел вниз и увидел ряд веревок, протянутых к соседнему зданию. На них собирались развешивать разноцветные флажки, но натянули достаточно туго.

Это был единственный путь к спасению.

Агилар примерился и запрыгнул правой ногой на одну веревку, а левой на другую. Мария последовала за ним, они побежали по веревкам с легкостью акробатов, словно переходили вброд реку, перескакивая с одного камня на другой.

Со всех сторон им вослед полетели разъяренные вопли. Каким-то образом Охеда ухитрился заехать на плоскую крышу собора верхом.

В следующее мгновение нога Агилара попала в пустоту. Тамплиер обрубил веревку. Агилар успел ухватился за ее конец. Мария, падая, вцепилась в его ногу. Их ударило о закрытые ставни окна, разбившиеся вдребезги, и они влетели внутрь.

Вскочив на ноги, Агилар и Мария помчались по коридору. Им навстречу уже кто-то бежал. Они резко повернули и нырнули в коридор слева, оттуда в кладовую, где хранилось оружие. От двери в дальнем конце комнаты к ним бросились два стражника. Мария не раздумывая ударила первого кулаком в челюсть, тот отпрянул и затряс головой.

Таким же способом Агилар устранил с пути второго. Оба ассасина вооружились луками и стрелами. Прижавшись спиной к спине, как они уже делали сотни раз, Агилар и Мария выстрелили одновременно – и каждый пронзил своей стрелой грудь тамплиера. Мария рванулась к двери, лицом к которой стоял Агилар, а он успел обернуться и всадить стрелу в еще одного преследователя.

За дверью открывался выход на галерею, тянувшуюся вдоль стены здания. Воин в красном плаще замахнулся на Марию мечом, но она с привычной ловкостью пригнулась, перехватила его руку, прижала к перилам балюстрады и пригвоздила, безжалостно и надежно, к ним стрелой.

Выскочивший в галерею Агилар одним выстрелом уложил тамплиера, бросившегося на помощь товарищу. Но враги все прибывали и прибывали, словно вылезая из всех щелей.

Агилар едва успевал пускать стрелы, быстро поворачиваясь то в одну сторону, то в другую, Мария убирала с дороги тех, кто оказывался слишком близко для выстрела.

На мгновение она обернулась, и глаза ее – красные от дыма и усталости – возбужденно сверкали, как бывало в каждом бою,

когда они сражались бок о бок. Агилар знал, что и его глаза горят точно так же. Они обменялись взглядами, и уже в следующее мгновение он резко повернулся, локтем сбивая с ног врага в красном плаще и практически одновременно выпуская стрелу, попавшую точно в цель.

Они бежали по галерее, перепрыгивая через тела, юркнули в дверь справа. В этой комнате были люди, но, к счастью, не тамплиеры – какая-то знатная особа со своим семейством мирно обедали, когда их потревожил шум на галерее.

«Не позволяй клинку поразить невиновного» – так гласит первая заповедь Кредо.

Ни Агилар, ни Мария не хотели причинять этим людям вред. Бросив взгляд на испуганную мать, крепко прижимавшую к груди ребенка, Агилар мог только надеяться, что и тамплиеры тоже не тронут это семейство.

Они уже выбегали из комнаты, когда закрытые ставни с треском разлетелись и из дождя щепок в центре комнаты возникла мощная фигура – Охеда. Он бросился к Агилару и отшвырнул ассасина к столу.

Мария схватила со стола разделочный нож и метнула его в другого тамплиера, бросившегося с мечом на Агилара. Нож попал точно в горло. Охеда обернулся, но ее уже не было в комнате, и Агилар кинулся к двери вслед за ней.

Через мгновение они встретились и побежали что было мочи по длинной галерее, ныряя под веревки с бельем и сушившимися травами и прочими мелочами, что составляли повседневную жизнь человека на земле.

Ассасины понимали, что могут только спасаться бегством от Охеды. Слишком много сил потрачено сначала на неудавшуюся попытку спасти принца Ахмеда, затем на то, чтобы уцелеть в подземелье без пищи и воды, и, наконец, на отчаянный рывок к свободе. Все это время Охеда вдосталь ел и пил. Он был огромный, но на удивление быстрый и ловкий. Он может просто загонять их до полусмерти. Подумав об этом, Агилар рискнул оглянуться – Охеду от Марии отделяло всего несколько шагов.

Они приближались к башне, которая, по всей видимости, была частью кафедрального собора Севильи. Ее окружали леса, и оба ассасина понимали, что это их единственный шанс. Не сбавляя скорости, они прыгнули и приземлились на небольшой настил из сырых неструганых досок. Охеда устремился за ними, но доски не выдержали его тяжести, и он провалился на настил уровнем ниже.

Мария мельком глянула на провалившегося рыцаря и поспешила за Агиларом, взбиравшимся по лесам. Иного пути к

спасению у них не было – только наверх. Охеда быстро вскочил на ноги и продолжил погоню. Ассасины карабкались вверх, вытягивая шеи, чтобы разглядеть, за что ухватиться и куда поставить ногу.

Сердце Агилара бешено колотилось, мышцы горели от напряжения, но он и думать не хотел, что их может свести судорогой. Он родился в семье ассасинов, он кровью и личным выбором навечно связан с братством. Его тело – крепкое и тренированное, приученное подчиняться его воле – не подведет.

Тамплиеры их заметили и устремились к башне, кто-то уже карабкался вверх по лесам. Постороннему наблюдателю могло бы показаться, что тамплиеры на охоте загоняют зверя.

Раскинувшийся внизу город походил на груду детских игрушек. Но даже когда они достигли вершины башни, арбалетный болт пропел всего в двух дюймах от лица Агилара.

Мария, не медля ни секунды, встала у края помоста и бросилась навстречу ветру, широко раскинув руки. Агилар бросил взгляд через плечо на Охеду.

Кэл нахмурился, напряженные мускулы едва заметно ослабли. София затаила дыхание, заметив, что его глаза приняли осмысленное выражение. На смену Агилару снова появлялся Каллум Линч.

«Нет… пожалуйста, не сейчас, Кэл…»

– Прыгай! – крикнула София. – Прыгай!

Агилар проделывал такое много раз. Это было основой всех тренировок. Он уверенно разбежался, насколько позволял настил, словно в танце, грациозно раскинул руки и растворился в свободном падении – в ощущении абсолютного покоя. Внизу был рынок. Как всегда, он приземлится невредимым. Белые квадраты навесов торговцев быстро приближались, когда…

Кэл размахивал руками, тело его дергалось в попытках избежать столкновения с быстро приближавшимся каменным полом – с неизбежной смертью. Рука «Анимуса» остановилась, и Кэл безвольно повис в воздухе.

– Полная рассинхронизация! – рявкнул один из ассистентов.

И сердце Софии сковал ужас.

– Опускайте его! – воскликнула София и побежала к Кэлу, умоляя все силы небесные…

«Нет, нет, этого не должно случиться…»

Бесчувственное тело вдруг резко дернулось, и начались настоящие конвульсии; Кэл неистово бился об пол, на который

опустила его рука. София упала рядом на колени, пытаясь своими слабыми руками остановить агонию.

– Врача! Быстрее! Помогите! – кричала она.

Подбежали трое медиков. Двое навалились на ноги Кэла, третий пытался удержать голову. Тело Кэла сопротивлялось отчаянно – извивалось и дергалось. Глаза закатились, так что были видны только белки.

Обычно София, как ученый и руководитель проекта, в таких случаях отходила в сторону и не мешала медикам заниматься пациентом. Но сейчас она сидела рядом с ним на коленях, одной рукой сжимала руку Кэла, второй гладила его по голове и плечу.

Простой человеческий контакт. Чудодейственный. Живительный.

– Все будет хорошо, – шептала София, смаргивая так неожиданно навернувшиеся на глазах слезы. Лицо Кэла угрожающе побагровело, изо рта поползла пена. – Все будет хорошо, Кэл, только не уходи…

Она – София Риккин, хладнокровная и безупречно сдержанная, – подняла голову и закричала четвертому бегущему к ним медику:

– Быстрее!

Она не могла потерять Кэла. Не могла. Она прижимала его голову к своей груди, пока подоспевший медик подносил ко рту и носу дыхательную маску. Кэл открыл глаза – дикие от ужаса, зубы под маской оскалились в рычании.

София сжала его руку, стараясь внушить покой, который сама растеряла.

– Посмотри на меня, – просила она, и дико вращающиеся голубые глаза замерли на ее лице. На его белой рубашке образовалось маленькое влажное пятнышко. Она даже не заметила, что плачет.

– Все будет хорошо, – шептала София. И когда его конвульсии стали затихать, она улыбнулась, дрожа от пережитого напряжения.

Глава 16

Алан Риккин в задумчивости сидел в кабинете и потягивал «Хеннесси паради империал». Вошла София и нарушила его уединение. Он ожидал ее прихода раньше, но Макгоуэн доложил, что София велела Алексу оповестить начальника службы безопасности и отца, что она «занята и сама сообщит, когда освободится».

Риккин принял это к сведению, но без особой радости. Логично, что Софии потребовалось время, чтобы разобраться, почему эксперимент провалился ко всем чертям, и убедиться, что с Линчем все в порядке. Но теперь она здесь, и он желает получить ответ.

София умела скрывать раздражение, но Алан Риккин научился его угадывать. Сейчас это легко читалась по ее взгляду, походке, по поджатым губам и по тому, как она сложила на груди руки, остановившись перед ним.

Но и он тоже был зол. Он видел, как она держала Линча за руку и нянчилась с ним, как с ребенком. Или это что-то иное? Раньше он не замечал, чтобы его дочь так себя вела. И она не должна так себя вести, когда так много – всё – поставлено на карту.

– Что случилось? – сурово спросил Алан Риккин.

– Рассинхронизация, – сухо ответила София.

– Это я знаю. Но почему? – не скрывая раздражения, повысил голос Алан Риккин.

– Он был не готов.

София не добавила: «Я ведь тебя предупреждала». Она знала, что этого говорить не следует. Алан Риккин молча ждал продолжения.

– Мы потеряли его. Потеряли контроль над тем, что

происходит в «Анимусе». Мы не знаем, куда он шел, что он делал… ничего не знаем.

София оперлась ладонями о стол и наклонилась вперед, в глазах вспыхнуло темно-синее пламя.

– Что, если мы его снова потеряем?

Риккин не ответил. Если они его снова потеряют… они потеряют всё.

Кэла распяли и утопили одновременно. Он находился в клетке, в камере, заполненной водой, ноги были связаны вместе, руки – растянуты в стороны. Ужас охватил его. Легкие раздирало от нехватки кислорода. Над ним тускло поблескивала в слабых вспышках света серая рябь в водной синеве. Серый цвет, белый цвет… и чье-то лицо.

Агилар.

Кэл закричал, выдыхая остатки воздуха и захлебываясь водой…

Он заморгал, расправляя грудь. Он был уже не в воде, а плавал на поверхности. Санитар терпеливо ждал, когда выровняется его дыхание, и, как только Кэл сделал глубокий вдох, его снова погрузили в воду.

Он вспомнил – по крайней мере, какими-то фрагментами, – что с ним произошло. Ужас от вида – и запаха – заживо сжигаемого человека. Остроту и ясность восприятия, быстроту, с которой Агилар принимал решения. Его праведную ненависть к тамплиерам, творящим такие зверства. Глубокую любовь и доверие, связывающие Агилара и Марию.

И город далеко внизу, заполненный тамплиерами и…

Кэл пришел в себя – с кислородной маской на лице, он лежал в соленой, нагретой до температуры тела воде. Вокруг что-то говорили об электричестве, стимуляции гальваническим током и еще о чем-то подобном. Достаточно, чтобы понять, что это лечение, а не пытка. Чтобы иметь минимальный контроль над ситуацией, он потребовал снять маску, без которой они не смогут долго держать его под водой.

Сверху лился тусклый голубоватый свет, ряд лампочек подсвечивал снизу черные металлические стены комнаты. Над водой поднимался легкий пар. Если бы он не был связан в этой чертовой клетке, а попал сюда по собственной воле, то процедура могла бы быть даже приятной.

Он не имел представления, как долго все это продолжалось, но понял, что к нему вернулась способность здраво рассуждать… и галлюцинации прекратились. По крайней мере, хотя бы в этом санитары его не обманули.

Они не спрашивали его о самочувствии, а ему не хотелось об этом рассказывать.

Когда его в пятидесятый, а может быть, и в тысячный раз вытащили из воды, он увидел… нет, не Агилара. Софию. И понял, что он в реальности. Но не знал, хорошо это или плохо.

София, входя в реанимационную, не успела погасить свое раздражение. Она ценила те средства, что орден тамплиеров выделял на ее исследования: без них она бы не достигла таких успехов в науке, но всегда старалась держаться в стороне от политических интересов ордена и «Абстерго индастриз». И до сего момента ей это удавалось, и это было успехом, почти таким же значительным, как и те, которых она надеялась достичь с помощью Кэла.

Она проверила данные о его состоянии, прежде чем направиться в реанимационную, и осталась довольна тем, как быстро он восстанавливается. Но София до сих пор не понимала, как отнестись к своему поведению в момент его рассинхронизации. Такая лавина эмоций была ей непривычна.

– Я не чувствую ног, – сообщил Кэл, когда София подошла к краю бассейна и внимательно посмотрела на него.

Спокойствие, с каким он констатировал факт, восхитило ее.

С таким же спокойствием она ответила:

– Паралич временный.

Казалась, он принял это с полным смирением.

– А как насчет плохих новостей? – спросил он.

– У тебя произошла рассинхронизация. Это вызвало неврологическое расщепление, но ты справился. – Она помолчала и добавила: – На этот раз.

Кэл посмотрел на нее, отблески света, отраженного от поверхности воды, замысловатым рисунком скользили по его телу. Его глаза были одного цвета с водой в бассейне, в них страх смешивался с болью.

– Я там умру?

София ответила не сразу. Она присела рядом с ним, закинув ногу на ногу и наклонившись вперед.

– Нет, – сказала она, – если будешь входить в «Анимус» добровольно.

Она мягко улыбнулась. Кэл отвернулся, и отблески света забегали по его лицу.

– Кэл, мы положим конец страданиям, – продолжала София совершенно искренне. – Навсегда.

– Я не могу этого сделать, – ответил Кэл.

И это не был крик протеста или отчаяния. Все было сказано

просто и однозначно и потому еще сильнее огорчило Софию.

– Ты сможешь, – сказала она.

Кэл повернул к ней голову, ему хотелось верить ей, но осторожность и подозрительность не позволяли это сделать. Неожиданно – и это тоже ее ранило – София вспомнила свое детское горе: бездомную собаку, попытки ее приручить и конец всех надежд…

София вздохнула, обдумывая следующий шаг. Отцу не понравится ее идея. Это может дать результат, обратный желаемому. Но что-то внутри подсказывало ей, что она правильно поступает.

Если Кэл должен доверять ей, то и она обязана доверять ему. Доверять настолько, чтобы объяснить, чего от него добиваются.

– Я хочу тебе кое-что показать.

За двадцать минут санитары извлекли Кэла из реанимационного бассейна, одели и усадили в инвалидное кресло. София ждала у дверей бокса, досада и неприятие своей беспомощности волнами исходили от Кэла. София хотела взяться за ручки кресла, но он не позволил, крепко вцепился в колеса и с вызовом посмотрел на нее.

– Куда? – спросил Кэл.

– В зал «Анимуса». – Лицо Кэла напряглось, и София поспешила добавить: – В «Анимус» ты не пойдешь.

– Тут ты права, не пойду, – саркастически заметил Кэл.

София пошла впереди по уже хорошо известным Кэлу коридорам, так что сообщать ему о поворотах было необязательно.

София отпустила помощников, и они остались в зале одни. Через стеклянный купол лился дневной свет, но его было недостаточно, и потому углы зала тонули в холодном дежурном освещении.

Кэл позволил Софии подкатить его кресло к стеклянному шкафу, она извлекла из кармана связку ключей, открыла шкаф и достала одну-единственную вещь. Рассматривала ее некоторое время, стоя к Кэлу спиной. Еще не поздно было передумать. Но как только она покажет эту вещь Кэлу, уже ничего нельзя будет остановить.

София глубоко вздохнула и повернулась к Кэлу, протягивая ему подвеску, которая медленно раскачивалась на серебряной цепочке.

Поначалу Кэл наблюдал за ней без особого интереса, но потом взглянул на подвеску и узнал ее. Кровь прихлынула к его лицу.

Восьмиконечная звезда с камнем в виде бриллианта в центре. На камне черным выгравирован символ, похожий на букву «А», составленную из двух слегка изогнутых клинков.

Кэл видел эту подвеску каждый день, все первые семь лет своей жизни. В последний раз по серебряной цепочке, медленно раскачивавшейся в мертвой руке, стекала кровь.

В памяти вспыхнуло пугающе четкое видение: капли крови набухают на кончиках пальцев матери, чуть поблескивая в солнечном свете, и с мягким шлепком падают на линолеум. И резкий, дребезжащий голос Пэтси Клайн – безумный аккомпанемент к ужасной картине.

Уютная кухня в теплых, светлых тонах, землянично-золотистые волосы матери.

Пустота в застывших мертвых глазах.

Злоба и печаль – гремучая смесь, опаснее и разрушительнее ярости, – наполнили каждую клетку его тела. Но это была его злоба и его печаль, и Кэл не хотел делиться этим с женщиной, которая стояла перед ним.

Медленно Кэл протянул руку и взял подвеску.

– Откуда это у тебя? – спросил он хриплым шепотом.

– Мой отец подобрал ее на месте убийства твоей матери и сохранил.

Глаз Кэла нервно дернулся. Он вспомнил вереницу черных внедорожников, подъехавших к его дому. Мужчину с бледным сухощавым лицом, в темных очках и черном костюме на пассажирском сиденье одной из машин. Значит… это был Алан Риккин, тот самый, кого маленький Кэл видел на экране телевизора.

Отец этой женщины с ангельским лицом, которая – подумать только! – сейчас смотрит на него с состраданием.

– Сохранил? – скептически произнес Кэл. – Украл.

– Это подвеска твоей матери, – сказала София. – Она должна быть у тебя.

Она искренне считала, что сделала доброе дело, и не понимала, почему Кэл так отреагировал. В его памяти на мгновение возникла фотография другой улыбающейся – а потом убитой – женщины и маленькой девочки, которая выросла и сейчас стоит перед ним и вручает ему подвеску его убитой матери.

Кэл сосредоточился на словах Софии. Ее отец был там и подобрал подвеску.

– Что он там делал?

– Приехал спасти ее.

Лицо Софии по-прежнему выражало искреннее сочувствие, но отвечала она прямо и четко. Это помогало и ему оставаться спокойным. Кэл понимал, что София это понимает. И тем не менее он чувствовал, что его маска трещит по швам, а взгляд туманится от навернувшихся слез.

– От кого спасти?

– От ее же собратьев.

– Какое ты к этому имеешь отношение?

Искорки вспыхнули в глубине ее голубых глаз.

– На протяжении многих веков ассасины и тамплиеры ведут войну. Я намерена изменить положение вещей.

Это было почти забавно.

– Правильно, – с преувеличенной серьезностью сказал Кэл. – Я совсем забыл. Мы все здесь боремся с агрессией.

Они смотрели друг другу в глаза, и черный юмор Кэла перерос в настоящую злость. Однако он сумел сохранить самообладание.

– Не уверен, что мне нравятся твои методы. И не уверен, что мне нравятся тамплиеры.

Его слова каким-то образом уязвили Софию.

– Я ученый, – напомнила София.

– Меня здесь лечат от склонности к насилию. – Кэл покачал головой и печально добавил: – А кто вылечит тебя?

– Я пытаюсь создать общество без преступности. Мы можем удалить агрессию из генома человека, но для этого нам нужно Яблоко. Нам только кажется, что мы сами делаем тот или иной выбор, но на самом деле он обусловлен нашим прошлым.

– Ты видишь то, что хочешь видеть. Тюрьмы переполнены такими, как я, а такие, как ты, загоняют нас туда.

София непонимающе посмотрела на него.

Кэл был тем, кем он был. А она этого не видела. Доктор София Риккин, ученый, пыталась быть с ним открытой и честной, как любой на ее месте. Но, как и большинство умных людей, она была склонна к самообману или по меньшей мере старалась оставаться в счастливом неведении. София свято верила в то, что делала, и ее взгляд умолял Кэла тоже поверить в это.

Кэл больше не злился. Ему было ее просто жалко.

Он взялся за колеса своего кресла, развернулся и, уже направляясь обратно в свой бокс, сказал ей на прощание:

– Думаю, ты упускаешь что-то важное.

Глава 17

София не обманула Кэла. Паралич был кратковременным. Через два часа он снова был на ногах, а инвалидное кресло без дела стояло у кровати. Оставались лишь смутные покалывания в ногах, но санитары заверили, что и это быстро пройдет. На самом деле Кэл был даже рад этим покалываниям, после того как долгое время вообще не чувствовал своих ног.

Он провел пальцем по подвеске, поднял голову и привычно посмотрел на стеклянную стену своей спартанской комнаты. За стеной произошли глобальные перемены – там не было охранников, прежде не сводивших с него глаз. Только его собственное отражение в стекле смотрело на него. Но когда Кэл присмотрелся к нему, взгляд отражения стал наряженным и на голове проявились смутные очертания капюшона.

Агилар де Нерха смотрел на него, и Каллум Линч улыбнулся.

И теперь ассасин стоял рядом с ним, он не нападал неожиданно сзади, не обнажал одним ловким движением острые клинки, спрятанные в наручах. Он резко выкрикнул и принял стойку, начал совершать движения, словно отражая удары невидимого противника. Кэл повторял вслед за ним его движения. Учился.

Тренировался.

Алану Риккину не нравилось, как его дочь вела это дело. София действовала слишком откровенно, пытаясь убедить Линча довериться тамплиерам и добровольно войти в «Анимус», чтобы помочь им найти Артефакт.

Это, конечно, полнейшая глупость. София, несомненно, была блестящим ученым и во всем, что касалось «Анимуса» и его воздействия на мозг человека, разбиралась лучше его. Но он,

Алан Риккин, хорошо знал людей и особенно ассасинов. Следует признать, среди ассасинов были и такие, кто менял окраску и заключал союз с орденом тамплиеров. Но в целом эти гнусные отродья слишком упрямы или «честны», чтобы проявить колебания. Во время регрессии он видел то же, что и София, и понял, что Агилар де Нерха – в отличие от Батиста и Дункана Уолпола – никогда не изменит братству, в его случае гены сработают на все сто процентов.

Каллум Линч может увлечься красотой и мягким обращением дочери. Ему даже может показаться, что он хочет излечиться от склонности к насилию.

Но Алан Риккин заранее знал, чем это кончится.

Сейчас он стоял в кабинете и смотрел на монитор вместе с Макгоуэном, который только что попросил его включить камеры слежения в боксе Линча. Они молча наблюдали, как Каллум Линч, потомок ассасина, упражняется в боевых искусствах, необходимых ему для единственной цели – убивать тамплиеров.

– Мы кормим зверя, – тихо произнес Макгоуэн. – И сами делаем его сильнее.

Это было невыносимо. И момент, когда Алан Риккин мог это предотвратить, уже упущен.

Кэл слышал, как за спиной открылась дверь. Он не обратил на это внимания – решил, что вошел санитар. Он не торопился возвращаться в «Анимус».

– Я доктор Риккин, – раздался за спиной холодный голос с явным английским акцентом. – Алан Риккин.

Слегка удивившись, Кэл обернулся. Перед ним стоял немолодой мужчина, высокий и статный, в черной водолазке, сером шерстяном пуловере и свободных брюках. Породистое лицо с орлиным носом, седеющие волосы, постриженные хоть и не модно, но весьма тщательно. Каждая его черта говорила о богатстве и власти. И хотя одет он был по-домашнему, но держался при этом так, словно вел в деловом костюме заседание совета директоров.

Перед Кэлом действительно стоял тот самый человек, которого он видел много лет назад. В груди Кэла зашевелились самые разнообразные эмоции.

– Я руковожу «Абстерго», – продолжал доктор Риккин.

– Маленький семейный бизнес?

Риккин улыбнулся. Это была отработанная приветливая улыбка, но совершенно фальшивая. Кэл готов был биться об заклад, что она многих одурачила.

– Да, – признался отец Софии с легким смешком. – Прошу

прощения, если мы доставили вам неудобства. Могу ли я что-то для вас сделать?

– Свежие полотенца были бы очень кстати.

И снова теплая улыбка, напрочь лишенная искренности.

– Уверен, что это нетрудно сделать.

– Раз уж зашел разговор, почему бы вам не отпустить меня?

Улыбка сделалась менее приятной, и Алан Риккин неторопливо подошел к длинной скамейке без спинки, на которой сидел Кэл, и развел руками.

– Это не в моих силах, – сказал он с деланым сожалением. Его фальшивая улыбка стала ироничной и хитрой – и более естественной. Алан Риккин перешел к делу.

«Вот и хорошо. Хватит нести всякий вздор».

– Я хочу заключить с вами сделку, – продолжал Алан Риккин. – Нам нужно Яблоко Эдема, и вы должны его раздобыть.

За свою жизнь Кэл достаточно повидал хищников всех мастей, но такого опасного, как Алан Риккин, он встречал впервые. Кэл не доверял ему, но…

– Я слушаю, – настороженно ответил он.

Карие глаза смотрели прямо в глаза Кэла, искорки в них вспыхивали и гасли. Взвесив и просчитав все, Риккин принял решение. Он поднялся и сделал жест в сторону остававшейся открытой двери.

– А не размять ли нам ноги? – предложил он. – Заодно избавитесь от покалывания.

– Галлюцинации больше не беспокоят? – спросила доктор София Риккин Муссу, пристально изучая его глаза в офтальмоскоп.

– Только то, что меня здесь окружает, – усмехнулся Мусса. Она улыбнулась в ответ, закрыла прибор, затем взяла планшет и начала записывать результаты осмотра.

– Анализ крови прекрасный, все показатели в норме, и глаза в идеальном состоянии.

– Отправите меня назад в машину? – спросил Мусса.

Он говорил непринужденным тоном, не меняя расслабленной позы, но все равно подозревал, что доктор Риккин его раскусила.

Желания возвращаться в машину ни у кого не было.

София провела тщательное обследование Муссы. Он был здоров и пребывал в отличной физической форме. Она сообщила ему, что и санитары тоже отзываются о нем положительно: он хорошо ест, со всеми ладит и усердно занимается физкультурой. Он пустил в ход все обаяние Батиста, но знал, что доктор Риккин не доверяет ни одному из своих пациентов.

Мусса стрельнул глазами в сторону стены, на которой висели фотографии – старые поляроидные снимки, вырезки из газет, вся история человека. «А может быть, все же одному доверяет», – поправил его зашевелившийся внутри Батист.

– Нет, тебе не нужно возвращаться в «Анимус», – ответила доктор Риккин, не отрываясь от своих записей. – Все, что нам нужно, ты уже показал.

Мусса не имел ни малейшего желания возвращаться в «Анимус». Но он вдруг осознал, что представления не имеет, что станет с ним – или с ними всеми, когда они больше будут не нужны. И у него появились страшные подозрения.

– Значит, нас можно отпустить? – спросил он совершенно искренне, без всяких хитрых подвохов из арсенала Батиста.

Очевидно, доктор Риккин не ожидала этого вопроса. Она подняла голову и посмотрела на Муссу, старательно скрывая свои эмоции под маской спокойствия. Конечно, она не была такой жестокой, как Макгоуэн, и уж точно немного симпатичнее его, но все равно оставалась одной из них. Она управляла «Анимусом» и вершила судьбами пациентов. Она не ответила, и Мусса решил, что это и был ответ на его вопрос.

«Дело дрянь», – подумал он, и в груди неприятно екнуло.

София отвела глаза в сторону, между черных бровей обозначилась напряженная складка. Затем она подошла к столу, оперлась о него руками и уставилась в монитор.

Мусса проследил за ней взглядом и увидел, что еще один доктор Риккин идет по коридору. Похоже, у ее отца неприятный разговор с мистером Линчем.

Мусса быстро перевел взгляд на лицо Софии. Что бы там ни происходило, ей это не нравилось. Мусса терялся в догадках: хорошо это или плохо.

Его взгляд метнулся к стеклянным шкафам. Батист пришел в повышенную готовность, мозг Муссы работал на бешеных оборотах, анализируя содержимое шкафов: старые мечи, манускрипты, произведения искусства, кинжалы, ювелирные украшения.

Одну вещь Батист – и Мусса – узнал безошибочно: украшенные филигранью контейнеры из дутого стекла, легко умещающиеся на ладони.

Не сводя с них глаз, Мусса спросил:

– А что вы хотите получить от новичка?

София, казалось, забыла о его присутствии, все ее внимание поглощала разыгрывающаяся перед ней сцена.

– Благо для всех нас, – рассеянно ответила она. – И для тебя тоже, Мусса.

– У вас произошла рассинхронизация в «Анимусе», – сказал Алан Риккин Кэлу, когда они проходили мимо стоявших с безучастными лицами охранников. Они едва посмотрели в сторону Кэла. И это вызвало у Кэла странное ощущение. – Мы не хотим, чтобы это повторилось.

Алан Риккин остановился у двери и ввел код. В этой комнате Кэл еще не был.

– Мы называем это место «комнатой беспредельной пустоты», – сообщил Алан Риккин.

Дверь открылась, и Риккин отступил в сторону, пропуская Кэла вперед.

«Комната беспредельной пустоты» не была пустой…

Здесь было много людей, одетых в одинаковые серые брюки и белые рубашки, такие же, какие Кэл видел на других пациентах. Но эти люди не ели курицу и не бросали мяч в кольцо. Они бесцельно бродили по комнате, или неподвижно стояли, или сидели, глядя в одну точку пустыми глазами. Здесь были и пожилые, и молодые, но все с поврежденным рассудком.

В комнате стояли кровати и стулья. Кто-то не мог подняться с постели без посторонней помощи. Самым странным здесь был потолок: на белый фон проецировались силуэты черных птиц. Сначала Кэл подумал, что их медленное движение, должно быть, действует успокаивающе на пациентов. Но потом засомневался, замечали ли они вообще эти изображения.

Кэл вспомнил странные слова Муссы: «А остальные… неуклонно идут своим путем в… беспредельную пустоту».

Кэл посмотрел на Риккина, но тот стоял с непроницаемым выражением лица. Кэл еще раз обвел взглядом комнату и ее обитателей и осторожно вошел. Те, кто бродил по комнате, обходили его, остальные, казалось, не заметили его появления.

Это, пожалуй, была самая страшная комната из всех, что он видел здесь. Насилие, о котором постоянно твердила София, – это то, что Кэл мог понять. Оно было необходимо, неизбежно. Оно было естественно.

Но это…

– Что вы с ними сделали?

– Это называется «расщепление», – пояснил Риккин.

Кэлу хотелось отвернуться от пустых человеческих оболочек, но он не мог.

– Это произойдет и с вами, если вы откажетесь от добровольной регрессии, – добавил Риккин.

«У тебя произошла рассинхронизация. Это вызвало неврологическое расщепление, но ты справился. На этот раз».

Когда София впервые произнесла эти слова, у Кэла по спине пробежал холодок. Но сейчас у него все сжалось внутри при виде той судьбы, что ему уготована.

«На этот раз».

С нарочитой непринужденностью Алан Риккин достал что-то из кармана и принялся рассматривать. Кэл старался показать, что его это нимало не интересует, но, когда он опознал эту вещь, ладони его мгновенно вспотели.

– Узнаете? – спросил Алан Риккин. – Это клинок ассасина.

О да. Кэл узнал его.

В холодном голубоватом свете, который в этом центре реабилитации горел повсюду, клинок казался стерильным. Ореол таинственности, излучаемый клинком, вызвал в памяти Кэла воспоминания, как его собственные – о том ужасном дне, так и те, что принадлежали Агилару де Нерхе, у которого с клинком были совершенно иные взаимоотношения. И этот ореол таинственности сейчас полностью рассеялся. Сейчас, без скрывавших его наручей и хитроумного выбрасывающего механизма, клинок выглядел по-детски простым и беззащитно обнаженным для всеобщего обозрения.

Кэл помнил, как быстро и легко мог выдвинуть клинок ассасина или убрать его в потайное место. Какие чувства это вызывало, когда острое лезвие входило в горло врага и горячая кровь из сонной артерии била фонтаном на руки, пока Кэл его вытаскивал.

Он помнил, как обычным солнечным днем тридцать лет назад кровь капала с острия клинка на линолеум.

Риккин что-то нажал в механизме клинка, и специфический лязг, с которым клинок пришел в движение и молниеносно вылетел для смертельной атаки, вернул Кэла в настоящее.

– Это тот самый. Им ваш отец убил вашу мать, – спокойно произнес Риккин.

Он рассматривал клинок, восхищаясь его конструкцией, пробуя на вес, словно завороженный совершенством оружия.

И как бы невзначай Риккин добавил:

– Знаете, он ведь здесь.

Риккин поднял на Кэла холодные, как у змеи, глаза. И Кэл внезапно понял, что он не просто сообщил, что его отец находится здесь, в этом центре.

Он имел в виду, что Джозеф Линч находится в «комнате беспредельной пустоты».

«Вот, значит, в чем заключалась сделка», – подумал Кэл, но вслух ничего не сказал. Вместо этого его взгляд заскользил по комнате. Среди тех, кто некогда был человеком, он искал только

одного.

Его взгляд замер, горло сдавило. Он тяжело сглотнул.

– Смерть матери, – тихо произнес Риккин, и впервые в его голосе Кэл уловил нотки искреннего сожаления. – Не пристало ребенку такое видеть.

Кэл повернулся к Алану Риккину. Тот протянул клинок рукояткой к себе. Взгляд Кэла замер на клинке. Он мог выбить его и наброситься на Риккина. Мог отступить.

Кап.

Кап.

Красные капли на линолеуме.

Высокий широкоплечий мужчина в капюшоне стоит и смотрит в окно.

Кэл медленно протянул руку, чтобы взять клинок. Но Риккин тут же развернулся, чтобы Кэл не смог дотянуться до оружия, и осторожно положил клинок на блестящую поверхность металлического стола с закругленными углами. Отступил назад, глядя на Кэла с едва заметной улыбкой, застывшей в уголках губ.

Постояв еще немного, Алан Риккин вышел из комнаты.

Кэл продолжал смотреть на клинок, едва заметив уход Риккина. Он протянул дрожащую руку к клинку, ожидая ощутить холод. Но рука Риккина нагрела сталь.

Клинок стал еще горячее, когда Каллум Линч сжал его в руке и медленно двинулся вперед, лавируя в море живых мертвецов.

Глава 18

– Так нельзя. Это неправильно, – сказала София, как только Алан Риккин переступил порог кабинета.

Он немного огорчился, застав ее здесь, но ничуть не удивился тому, что она подловила его. София действительно была умной девочкой и хорошо знала своего отца. Но возможно, не настолько хорошо, как ей казалось.

Она стояла у монитора и наблюдала за «комнатой беспредельной пустоты», напряженно сложив на груди руки, в глазах читалось неодобрение.

Алан Риккин спокойно прошел мимо нее к бару и налил себе в бокал «Хеннесси паради империал».

– Ты не оставила мне выбора, – сказал он. – Ты же сама меня убеждала, что он должен отправиться в «Анимус» добровольно. Мне пришлось с ним договариваться.

– Точнее, манипулировать.

Алан Риккин на мгновение замер. Слова были правильными, но прозвучали обидно. И это его удивило. Он поднес бокал к носу и вдохнул пряный аромат цветков жасмина и апельсина.

– Я заверил старейшин, что Яблоко будет в Лондоне через два дня! – сказал Алан Риккин, слишком раздраженный, чтобы наслаждаться великолепным коньяком, и выпил его залпом, ощущая, как драгоценный напиток обжигает горло.

– Через два дня?! – София обернулась и посмотрела на него округлившимися глазами.

Возможно, теперь его дочь наконец поймет, почему он сам так спешит и торопит этого ублюдка.

– Он не желает знать ни о своем прошлом, ни о своем отце, София, – сказал Алан Риккин. – Он хочет уничтожить их… обоих.

«Она похожа на испуганную зайчиху», – подумал Алан

Риккин. Одной рукой София обхватила себя за талию, пытаясь унять дрожь, другую сжала в кулак. Такой он ее давно не видел.

В нем проснулось желание успокоить дочь, но он не собирался сворачивать с выбранного пути. София должна понять, что жестокость – это инструмент, и, черт возьми, очень действенный, и что ассасины, за которых она так переживает, вовсе не домашние зверушки.

Но когда София заговорила, он сразу понял, что она не испугана и не расстроена.

Она в ярости.

– Мы здесь не для того, чтобы создавать монстров, – с трудом сдерживая себя, сказала София. Но она боялась не разрыдаться, а наброситься на отца с кулаками.

Алан Риккин смотрел на дочь миролюбиво, но испытывал глубокое презрение к ее жалости и милосердию.

– Мы их не создаем и не уничтожаем, – рассудительно произнес Алан Риккин. – Мы просто оставляем их один на один с неизбежной судьбой.

Санитары видели клинок в руке Кэла, но не предпринимали никаких действий. Несомненно, Алан Риккин дал им указания.

Мужчина, к которому приближался Кэл, едва ли был похож на того, что сохранился в его памяти. Сейчас Кэл был с Джозефом Линчем практически одного роста. В семь лет подобное казалось невозможным. В детстве отец был для него великаном во всех смыслах. За прошедшие десятилетия Джозеф Линч раздался в толщину, но это были не мускулы, а мягкая, рыхлая плоть на месте талии, щеки на безбородом теперь лице обвисли, чуть ли не касаясь толстой шеи. Светлые с рыжинкой волосы отца, которые так восхищали Кэла в детстве, стали мышиного цвета.

Кэл бесшумно подошел и встал рядом с отцом. Джозеф повернулся. Психическая деградация врезалась в каждую морщинку на его лице, отпечаталась в его сутулой, бесформенной фигуре. Он заговорил все с тем же ирландским акцентом, с каким тридцать лет назад кричал сыну: «Беги! Скорее!»

– Ты сын своей матери.

Подобные слова Кэл меньше всего ожидал услышать, и они сразили его наповал.

– Что это значит? – хриплым шепотом спросил он.

– Кровь, что течет в тебе, тебе не принадлежит.

Почти те же слова: «Твоя кровь тебе не принадлежит, Кэл» – отец сказал ему в тот самый день.

День, когда красные капли крови падали на пол.

– Она принадлежит Кредо, – продолжал Джозеф Линч. – Твоя

мать знала это. Она умерла, чтобы Кредо могло жить дальше.

Молниеносное, практически незаметное движение – и острый клинок сдавил горло Джозефа Линча.

– Напомни мне, как она умерла, – зловещим шепотом потребовал Кэл.

Правой рукой он держал клинок, вокруг левой была обмотана серебряная цепочка с подвеской.

В этот момент комната была уже пустой, санитары каким-то образом удалили всех жертв «Анимуса».

Кэл остался один на один со своим отцом.

Еще несколько минут – и останется один Кэл.

Джозеф Линч не выглядел испуганным. Он выглядел человеком… смирившимся со своей судьбой, едва ли не призывающим смерть. Казалось, он давно ждал этого мгновения и радовался, что оно наконец наступило, чтобы положить конец мучениям, которым его подвергали тамплиеры в течение тридцати лет.

– То, что ты видел, сделал я, – тихо произнес Джозеф Линч.

– Ты убил ее, – хрипло выдохнул Кэл.

Все так же тихо и спокойно Джозеф ответил:

– Уж лучше я, чем эта ужасная машина.

На последних словах его голос дрогнул. Единственный признак того, что вся эта история не была ему безразлична.

– Человек велик величием своих целей. Я должен был и тебя убить. – Джозеф Линч не отрывал от Кэла бледно-голубых, выцветших от катаракты глаз. – Но я не смог.

– Прекрасно. – Ловким движением Кэл перевернул клинок рукояткой к отцу. – Сделай сейчас то, что не смог сделать тридцать лет назад.

Джозеф покачал головой:

– Кэл, сейчас все в твоих руках. Именно этого они хотят.

– Я этого хочу.

Но Кэл понимал, что лжет. Он уже давно не знал, чего он хочет. Человек, который стоял перед ним, не был ни его любящим отцом, ни бессердечным убийцей. Он был игрушкой в руках тамплиеров, искалеченный настолько, что оказался в «комнате беспредельной пустоты».

Но Джозеф Линч был отчаянно нужен Кэлу, чтобы принять решение, хоть какое-то решение.

– Пролей мою кровь, – сказал Джозеф таким голосом, словно держал на своих плечах все горе мира, – но не возвращайся в «Анимус».

– Почему?

Джозеф буравил Кэла взглядом, как будто он наконец снова

пробудился к жизни. Его не беспокоила собственная смерть… или жизнь. Но то, о чем он заговорил, еще представляло для него ценность.

– Тамплиеры хотят, чтобы все мы были мертвы. Яблоко. Оно содержит генетический код свободы воли. Они воспользуются Яблоком, чтобы уничтожить нас окончательно.

Кэл молча смотрел на отца, переваривая его слова. Что это – бред искалеченного «Анимусом» разума или правда?

Неужели это и есть та цель, к которой с таким спокойным упорством идет прекрасный ангел София?

По щеке Кэла потекла слеза.

– Я найду это Яблоко, – решил он. – И увижу, как они уничтожат тебя… и твое Кредо.

Странно, но Кэлу показалось, будто после этих слов Джозеф Линч испытал облегчение.

– Кредо нельзя уничтожить, – сказал он так, словно говорил с ребенком, который собирался убить гору. – Кредо в твоей крови.

И тут Джозеф Линч произнес то, что Кэл никак не ожидал от него услышать, – строчки из стихотворения, которое читал в его камере молодой священник. Стихотворение о том, как собирают яблоки.

Глаза Кэла обжигали слезы, он яростно моргал, стараясь избавиться от них. Ком в горле не давал вздохнуть. Кэл испугался, что не сможет выдавить и слова. А они сейчас были очень важны. Он должен был их произнести.

Едва заметная теплая улыбка тронула уголки губ Джозефа Линча, когда его сын продолжил прерванную им строку.

– Ты помнишь, – растроганно сказал Джозеф Линч.

Повисла длинная пауза.

– Это все, что у меня осталось от нее.

– Яблоко – все. Твоя мать умерла, защищая его.

Взгляд Кэла упал на левую руку, вцепившуюся в ворот пижамы отца, серебряная цепочка с подвеской обвивала его пальцы.

– У нее не было выбора, – тихо произнес Кэл.

Наконец-то он все понял и хотел, чтобы отец об этом знал.

София и Алан Риккин объяснили Кэлу, что с ним будет, если он откажется добровольно входить в «Анимус». И теперь он видел вокруг доказательства того, что они говорили правду, – людей, бесцельно бродящих или смотрящих в пустоту. Его отец провел здесь тридцать лет. Значит, Джозеф Линч не согласился отправиться в «Анимус» без сопротивления.

И каким-то образом, несмотря на непоправимые разрушения мозга, он ухитрился сохранить рассудок. Сохранилась память –

его личная память, а не воспоминания давно умершего предка. И Джозеф Линч цеплялся за нее, как будто сжимал в руке лезвие клинка, и чем сильнее сжимал, тем больнее себя ранил.

Теперь Кэл знал, что «Анимус» делает с мозгом человека. Он пробыл здесь всего несколько дней и едва не разрушил свой разум. Какой же силой должен был обладать его отец!

Он разжал руку, державшую отца за ворот, и размотал цепочку, оставившую на пальцах красные следы. Он надел подвеску на бычью шею отца, трясущимися руками застегнул цепочку, продолжая держать клинок, которым отец убил мать.

На короткое мгновение Кэл задержал руки на плечах отца и, глядя в его выцветшие глаза, сказал:

– А у меня есть.

Отец и сын, связанные кровным родством и любовью к женщине, чья улыбка навечно запечатлелась в их сердцах, смотрели друг другу в глаза. Затем Кэл развернулся, положил клинок на ближайшую кровать и тихо направился к двери.

Теперь он знал, что должен делать.

У двери Кэла остановил охранник. Кэл сказал ему, куда направляется, и тот кивнул. Следуя за охранником, Кэл погрузился в размышления о прошлом, настоящем, будущем – не только своем – и пытался сосредоточиться на том, что ему предстояло.

Охранник вошел в небольшую круглую комнату с несколькими дверями. Кэл уже бывал здесь, в центральном зале. За одной из дверей находился конечный пункт его маршрута. Но не успел охранник войти в комнату, как на него словно налетел ураган и он как подкошенный упал на пол.

Тонкая полоска – не то металлическая, не то деревянная – торчала из его шеи.

Кэл инстинктивно вскинул руки, и его пальцы проскользнули под тонким шнуром за мгновение до того, как удавка затянула шею. Замешкайся он на секунду – и был бы уже покойник.

Борясь с невидимым противником, Кэл успел заметить, что убийца действует не в одиночку. Он узнал Лин и тех, кто так придирчиво изучал его в общей комнате. Сейчас они наблюдали, как один из ассасинов пытается убить Кэла.

Мелькнуло что-то белое, но эта женщина оказалась не санитаром, как Кэл подумал, а одним из пациентов. Они тщательно спланировали нападение. И Кэл понял, что их план может сработать. Шнур не перерезал ему горло, но слишком плотно прижал руки к шее, так что Кэл рисковал сам себя задушить. И если он не вывернется, ему конец.

Кэл с трудом выдернул из-под провода правую руку и локтем изо всех сил ударил нападавшего. Сзади охнули – он попал под дых.

Он высвободил левую руку и пустил ее в дело – локоть заехал нападавшему в лицо. Шнур ослаб настолько, что Кэл сумел развернуться, вцепился в Натана и вместе с ним вломился в запертую дверь.

Натан упорно держался за шнур, продолжая затягивать его, хотя Кэл ладонью надавил ему в лицо, отталкивая назад. Как только руки парня вытянулись на полную длину, Кэл ударил его в сгиб локтя.

Кэл освободился от провода, но Натан сдаваться не собирался. Он неистово отбивался, стараясь вырваться из рук Кэла. Но Кэл схватил его рукой за горло и принялся душить, как Натан только что душил его самого.

Двери резко распахнулись, и в комнату ворвались охранники. Их начальник Макгоуэн замахнулся на Натана. Кэл, не выпуская парня, свободной рукой перехватил дубинку. Он отпустил Натана, дав тому возможность увернуться от удара, и впился взглядом в начальника службы безопасности.

Подбежали новые охранники и набросились на ассасинов, даже на тех, кто просто стоял и наблюдал за происходящим. Двое охранников скрутили руки Натану, и, когда его, все еще сопротивлявшегося, потащили к двери, он крикнул Кэлу:

– Ты хочешь уничтожить Кредо!

Кэл молча смотрел, как Натан исчез за дверью. Он снял с шеи самодельную удавку и бросил на пол. Макгоуэн не сводил с него глаз под тяжелыми, немигающими веками.

Кэл отдышался и качнул головой в сторону двери, к которой направлялся перед неожиданным нападением.

– Отправьте меня в «Анимус», – потребовал он.

Глава 19

Охрана приготовилась к скорому появлению Кэла, команда Софии была на своих местах. Сама она вместе с отцом наблюдала за его поединком с самим собой.

Софию поразило то, как искренне она обрадовалась за Кэла. Он устоял перед сильнейшим соблазном всей своей жизни: возможностью мести, о которой он, вероятно, все это время мечтал.

Она позволила себе надеяться, что ее слова возымели действие. Кэл услышал ее, несмотря на боль и жестокость, с которыми он сталкивался постоянно и в этих стенах, и за их пределами. Похоже, Кэл и правда хочет излечиться. И тот факт, что он не убил отца, доказывает, что он действительно может научиться управлять собственной агрессией, которая была не просто результатом его жизненного опыта, а неотъемлемой частью генокода.

А если Кэл научится, значит и у всех ассасинов есть шанс. Как только Яблоко будет у нее в руках, она сможет, соединив генетические манипуляции с особой терапией, создать мир, по-настоящему лишенный насилия. Ее проект, ее вера, то, чего она добивалась всю свою взрослую жизнь, – все будет воплощено.

И все же тонкая паутина сомнений цеплялась к ней, пока София наблюдала за тем, как Кэл вошел в зал. Он рывком снял рубашку и отбросил в сторону, словно вместе с ней хотел избавиться от всего, что делало его пациентом.

Он устал от того, что в нем не видят человека? Или ему внушало отвращение все, что связано с установившими над ним контроль тамплиерами?

Они встретились взглядами, и, к удивлению Софии, сердце у нее учащенно забилось. Каллум Линч, которого она видела

сейчас, совершенно не был похож на того – испуганного, неистово сопротивляющегося, растерянного, – который недавно впервые отправился в «Анимус».

Она ясно видела, что сейчас он двигается как настоящий ассасин – спокойно, грациозно… с достоинством. Со знанием дела, с уверенностью в своих силах и возможностях. Он притягивал внимание, восхищал и… настораживал.

В душе Софии снова проснулись сомнения, и она невольно отодвинулась, хотя и хотела быть ближе к нему. И поблагодарить его за решение сотрудничать добровольно.

Кэл подошел к нависавшей над ним руке, как боксер на ринге к своему сопернику или как самурай, кланяющийся перед боем своему противнику.

– Отправляйте меня, – не предложил, а скорее потребовал Кэл.

– Подготовьте «Анимус» к добровольной регрессии, – приказала София Алексу, глядя на Кэла с подозрительностью и вместе с тем с надеждой. Макгоуэн сам поднес Кэлу наручи, и Кэл, глядя ему в глаза, легко и привычно засунул в них руки, словно делал это всю свою жизнь.

– Знаешь, почему ассасинов так называли? – спросил Макгоуэн.

София удивилась – начальник службы безопасности не отличался разговорчивостью.

Кэл не ответил.

Макгоуэн продолжал:

– От арабского «хашишийа», что означает «чернь». Они были изгоями, безжалостными убийцами. Их высмеивали – как мятежников, воров и наркоманов. Но они были смелыми и мудрыми.

За спиной у Кэла Алекс крепил руку к его поясу.

– За своей дурной репутацией они скрывали преданность принципам, которая даже не снилась их сильнейшим врагам. Вот за это я их уважаю и восхищаюсь ими. Но… – Макгоуэн помолчал и добавил: – Тебе до них далеко.

София напряглась, ожидая реакции Кэла. Прищурив глаза, Макгоуэн пристально смотрел Кэлу в глаза. А затем спросил:

– Или нет?

Не отводя взгляда от Макгоуэна, Кэл практически выхватил из рук Алекса устройство для эпидуральной анестезии. Алекс удивленно посмотрел на Софию, она дала знак не вмешиваться.

– Давай проверим, – сказал Кэл.

Он ощутимо вздрогнул, но и только, когда сам приложил устройство к основанию черепа.

«Я знаю, как это больно, Кэл. И в первый раз ты кричал от боли».

С механическим жужжанием рука подняла Кэла в воздух. В этот раз его тело было расслаблено, он спокойно реагировал на подготовку к испытанию. Набрав нужную высоту, рука чуть дернулась вниз, занимая позицию готовности.

Уже привычным движением Кэл выдвинул скрытые клинки. С обнаженной грудью и лицом решительным, даже жестоким, он больше походил на Агилара, нежели на Каллума Линча.

«Что, если это так и есть?»

– Начинаем регрессию, – объявил Алекс, заняв свое рабочее место.

София прошла к центру зала, откуда обычно руководила экспериментом. Она подняла голову и посмотрела на Кэла, он перехватил ее взгляд, и его лицо чуть заметно смягчилось.

Жизнь не дала Софии возможности научиться доверять людям, выражать сердечное тепло. Но ей хотелось что-нибудь сказать Кэлу, поблагодарить за сотрудничество, заверить его, что он сделал правильный выбор для себя и всего человечества… для тамплиеров… и ассасинов.

Слова переполняли ее, но она никак не могла открыть рот и произнести нужные. Наконец голосом хриплым, дрожащим выдавила:

– Это дело всей моей жизни.

Кэл смотрел на нее по-доброму, но без улыбки.

– Нет, моей жизни, – сказал он.

Она продолжала смотреть на него с восхищением, страхом, радостью и напряженным нетерпением, пока он не ушел в прошлое.

Гранада пылала.

Горели десятки костров, и густой черный дым поднимался в небо, смешиваясь с желтоватой пылью. Мириады зажженных тамплиерами адских огней вершили свою жестокую работу: выгоняли спрятавшихся в потайных местах врагов, разрушали их жилища, уничтожали их семьи и все, что им было дорого, словно только это могло принести победу.

Великий город, окруженный стеной, вынужден был сдаться, дорого заплатив за упрямство. Тамплиеры прекратили резню мавров, но алые потоки по-прежнему заполняли улицы – это красные плащи рекой текли к Альгамбре, чтобы провозгласить свою окончательную победу.

В середине этой реки, в окружении рыцарей и солдат, ехал отец Томас де Торквемада. Он прямо сидел в седле, и

самодовольная улыбка играла на его лице. Как всегда, рядом с ним черной громадой возвышался Охеда.

На самом верху самой высокий башни Мавританского дворца притаились Агилар и Мария и молча наблюдали, как приближается враг. Они знали, что где-то в этом море тамплиеров под строгим присмотром везут закованного в цепи принца Ахмеда. Они знали, что скоро свершится темная сделка, оплаченная болью и предательством, а также сотнями, если не тысячами, человеческих жизней.

Вдруг Мария встрепенулась и завела руки за голову.

– Во имя Кредо, – сказала она.

Агилар повернулся к ней, в руке у нее лежала подвеска, доставшаяся ей от родителей.

Она протянула ему украшение.

Медленно, неохотно Агилар поднял руку, и подвеска опустилась ему в ладонь. Он посмотрел на восьмиконечную звезду с камнем ромбовидной формы, на котором была выгравирована черная буква «А», составленная из двух слегка изогнутых клинков. Мария тем временем продолжала:

– Наши жизни ничто, важно только то, что мы оставим после себя.

Агилару не понравилось, что Мария отдала ему подвеску. Он хотел вернуть ее и сказать Марии, что сегодня они оставят после себя только трупы тамплиеров. Недавно она предчувствовала свою смерть на костре. Но они спаслись.

Однако такое заверение было бы ложью. А он никогда не лгал. Они были ассасинами. И не могли поручиться ни за один день, ни за один час, ни за один удар сердца. Один из них мог погибнуть в любой момент, или даже оба. Возможно, сегодня.

И Мария хотела, чтобы подвеска была у него.

Агилар зажал ее в кулаке. Для него эта подвеска была так же дорога, как и то, что они искали.

Двое оставшихся в живых ассасинов затаились и ждали. Наставник Бенедикто учил, что терпение и выдержка – родные братья ловкости и стремительности. Каждый ассасин должен овладеть всеми этими качествами.

Агилар не знал, сколько времени прошло, пока тамплиеры, словно большая змея, добрались до Львиного дворика, но наконец ненавистные фигуры Торквемады и Охеды показались там. Контраст между мирным интерьером – изящными скульптурами, тихо журчащим фонтаном, пышной зеленью – и солдатами, покрытыми кровью, сажей и пылью, одновременно и ужасал, и возмущал.

Великий инквизитор по-отечески обнял Ахмеда за узенькие

плечи, но безучастное лицо ребенка, уставшего бояться, выдавало истинное положение дел.

Пальцы Торквемады, как когти, вцепились в плечо Ахмеда, и мальчик невольно прижался к инквизитору.

Его отец, султан Мухаммед Двенадцатый, стоял в центре дворика у прекрасного фонтана с двенадцатью рычащими львами, вытесанными из благородного белого мрамора. Брызги воды разлетались в обе стороны, орошая пышный сад. Тонкий аромат роз витал в воздухе, но его почти заглушал запах гари.

Мухаммед слыл сильным и великодушным правителем, который заботился о процветании своего народа. У него были черные глубокие глаза, черная, аккуратно подстриженная борода, тюрбан скрывал черные густые волосы. На поясе у султана висел кинжал – скорее как часть костюма, а не как боевое оружие. Агилар понимал, что в такой момент султан Мухаммед даже не попытается вынуть кинжал из ножен.

При виде сына его лицо осветилось любовью и исказилось болью, он не стыдился своих чувств. В тени колонн дворика стояли придворные и напряженно наблюдали за происходящим.

Все они сражались отважно, и все понимали, что битва проиграна.

И сейчас будет поставлена финальная точка.

– Султан, – начал Торквемада спокойным приятным голосом, – я пришел с миром.

– Убийство невинных не может быть залогом мира, – ответил султан.

Дерзкий ответ, казалось, ничуть не расстроил Торквемаду. Благодушное выражение его лица не изменилось.

– Гранада наша, – безапелляционно объявил он. – Дай мне то, что я ищу, – он погладил Ахмеда по спутанным грязным волосам, – и я сохраню ему жизнь.

Мухаммед не мог оторвать глаз от сына. Агилар и Мария, распластавшись на крыше, напряженно наблюдали.

– Испанская армия требует передать Альгамбру королю и королеве. Отныне они будут ею владеть. Я же требую большего. – Толстые губы Торквемады скривились в улыбке. – Отдай мне Яблоко. Его защитники – ассасины – мертвы. Они не могут спасти тебя. Кредо больше не существует.

Агилар ждал и надеялся, что султан Мухаммед откажет Торквемаде. Он был преданным другом ассасинов, и они были преданы ему.

Но султан не проходил посвящения и не давал, как они с Марией, клятвы пожертвовать всем во имя Кредо.

В памяти Агилара ожила та минута в подземелье перед

аутодафе, когда они с Марией, глядя друг другу в глаза, произнесли: «Я с радостью пожертвую собой и теми, кто мне дорог, ради того, чтобы Кредо жило вечно».

Глаза мальчика округлились от страха, а у султана было доброе сердце.

В конечном счете, как и предвидели ассасины, султан не смог пожертвовать своим любимым сыном ради чужого идеала. Опустив голову, султан тяжело вздохнул, повернулся и прошел во дворец, ссутулившись, словно постарел лет на двадцать.

Агилар и Мария тоже переместились по крыше к световому окну и продолжили наблюдать. Агилар чувствовал, что Мария готова к бою, но момент еще не настал.

Султан, а за ним и тамплиеры, прошел через несколько арок во внутреннюю комнату, стены которой были украшены изящными резными панелями. Потрескивали свечи в стеклянных подсвечниках искусной работы, на полу играли солнечные блики. Мухаммед остановился у резной стены и нажал ладонью в определенном месте. Выдвинулся небольшой ящик, в нем стоял ларец из белого камня или слоновой кости, украшенный изящной резьбой. Агилар не отказался бы узнать, сколько еще потайных ящиков в этих стенах и какие сокровища там хранятся. Но сейчас его интересовал лишь этот ларец.

В напряженной тишине были слышны только журчание струящейся воды и звук шагов султана. Он остановился в шести футах от низкорослого инквизитора, который обливался потом, страдая от жары в своем многослойном облачении, а также от нетерпения.

– Мой сын, – потребовал султан.

Торквемада дал знак Охеде, стоявшему в нескольких шагах за его спиной. Черный Рыцарь, державший огромными ладонями плечи мальчика, отпустил его. И тот со всех ног бросился мимо инквизитора к отцу, султан обнял его и тут же спрятал за спину. Все это время он смотрел прямо в глаза Торквемаде.

Мухаммед протянул ларец, заставляя Торквемаду подойти к нему. Немного поколебавшись, Торквемада двинулся вперед. С каждым шагом его самодовольство таяло. Трясущимися руками он открыл ларец.

С высоты ассасины не могли разглядеть то, что хранилось в ларце, но они видели эффект, произведенный на Великого инквизитора тем, что находилось внутри.

Торквемада замер, не дыша, с широко раскрытыми глазами и с разинутым ртом. Затем сунул руку в резной ларец и извлек Яблоко Эдема.

Оно было великолепно – красное, идеально круглой формы,

сияющее, как огромный драгоценный камень, и Торквемада поднял его над головой к солнечным лучам, проникавшим сквозь окно в крыше.

– В нем сокрыто семя первого преслушания, – восторженно провозгласил Великий инквизитор, – и ключ к свободе воли.

«Яблоко Эдема», – подумала София.

У нее закружилась голова от важности события, свидетелем которого она стала. Вся ее жизнь – с того самого дня, когда она поняла концепцию ДНК и потенциальную возможность манипуляции генами, которые управляют склонностью к насилию, – была потрачена на поиски вот этого…

Ради этого момента она заставляла свое сердце быть безжалостным. Эта бесценная реликвия – ключ к спасению человечества от насилия.

Тамплиеры называли его Артефактом, как она объясняла Кэлу, а ассасины – Яблоком.

Но для ученого Софии Риккин это был священный Грааль.

Момент настал.

Пусть тамплиеры восхищаются Яблоком, таращат глаза и открывают рты. Их благоговейный восторг облегчит работу ассасинов.

Агилар кивнул Марии, и она быстро и бесшумно заняла позицию на краю крыши, тело ее напряглось, в глазах горело дикое возбуждение. Агилар остался на своем месте, продолжая наблюдать за происходящим в комнате. Пусть тамплиеры еще немного полюбуются сокровищем.

Торквемада рассматривал шар с изумлением и безумным восторгом.

– Благодаря Яблоку Эдема мир, который мы знаем, вступит в новый век – век спокойствия, и все враждующие народы земли склонятся в беспрекословном повиновении власти тамплиеров.

Пока Великий инквизитор говорил, Охеда и все остальные тамплиеры преклонили колени в глубоком почтении к инквизитору и светящемуся шару, который тот высоко поднял над головой. Было странно видеть на широком, пересеченном шрамом лице Черного Рыцаря благоговейный восторг и умиление. Охеда созерцал нечто более великое, чем он сам, чем орден тамплиеров, и эти непривычные эмоции усмирили и размягчили его.

Именно в этот момент, едва заметно усмехнувшись, Агилар выронил два небольших шара. Они были круглые, как Яблоко, и так же искусно сделанные.

Но служили иной цели.

Ударившись о пол, они взорвались густыми клубами серого дыма.

И ассасины начали действовать.

Одновременно, хотя и не глядя друг на друга, они подняли руки и прыгнули: Мария – во двор, в толпу тамплиеров и солдат, Агилар – в сокровищницу дворца, затянутую клубами серого дыма.

Он приземлился прямо перед ослепленным дымом тамплиером и молниеносно уложил его одним точным ударом клинка в сердце, пробив кожаные доспехи. К нему бросился второй тамплиер. Агилар, легко и уверенно развернувшись, полоснул его клинком по горлу.

Ассасины долго тренировались, привыкая сражаться в таких условиях. В отличие от тамплиеров, им не мешала резь в глазах от едкого дыма. В результате длительной практики они научились сталкивать противников между собой, прячась за дымовой завесой.

Агилар подошел сзади к метавшемуся в дыму тамплиеру и одним ловким движением свернул ему шею. По звуку он определил, что Мария закрыла тяжелые железные ворота на засов; оставшиеся снаружи тамплиеры кричали и барабанили по воротам кулаками в бессильных попытках ворваться внутрь.

Ассасины теперь имели дело только с теми, кто оказался в комнате, и их число быстро сокращалось.

То здесь, то там слышались удары, предсмертные вскрики и глухие звуки тяжело падающих тел. И вдруг все стихло. Агилар застыл на месте, прислушиваясь. Он знал, что может означать внезапная тишина, – все тамплиеры между ним и Марией уничтожены.

Или, возможно, самые сообразительные из них затаились где-нибудь, стараясь не дышать, в надежде, что ассасины их не заметят. В дыму Агилар различил фигуру султана, тот стоял у стены, крепко прижимая к себе сына.

Глаза Агилара среди неясных силуэтов натолкнулись на белое пятно.

Торквемада.

Великий инквизитор дико озирался по сторонам, в дыму не разбирая, куда бежать. Яблоко он сжимал в руке.

Агилар высвободил секретное лезвие и медленно приблизился к инквизитору. Затем бросился вперед и вырвал Яблоко из рук Торквемады, но не успел нанести смертельный удар – рядом мелькнула чья-то тень. Еще один тамплиер. Тень была огромной, и здесь никак нельзя было ошибиться – это Охеда.

Черный Рыцарь стоял перед Агиларом, прижав кинжал к горлу Марии.

Глава 20

С почти нечеловеческой реакцией Агилар остановил руку, нацеленную на Торквемаду, клинок оставил лишь красную отметину на его шее.

Дым рассеивался, и Агилар ясно видел широко открытые глаза Марии и ее раздувающиеся ноздри. Охеда крепко прижимал ее к своему могучему телу. Мария, высокая, яростная и гибкая, как пантера, на фоне Черного Рыцаря казалась миниатюрной и хрупкой.

– Яблоко, – холодно потребовал Охеда. – Отдай ему Яблоко. Немедленно.

Агилар застыл. Одно молниеносное движение – и Яблоко Эдема останется у братства. Человечество будет спасено от удушающей власти тамплиеров. Свобода воли восторжествует. Убить Торквемаду, уберечь Яблоко от тамплиеров – ради этого Бенедикто и все браться пожертвовали собой.

И если Агилар уважает эту жертву, Марии тоже придется умереть.

Она видела: Агилар колеблется и не может принять решение.

– Во имя Кредо, – хриплым голосом напомнила она ему об их общей клятве. Их долге.

Но, судя по гордому ответу Торквемады, и у тамплиеров тоже была своя клятва.

– Воздадим славу не себе, но будущему, – сказал тамплиер.

Агилар не слышал его. Сейчас он видел только глаза Марии – широко открытые, наполненные слезами то ли из-за едкого дыма, то ли из-за чего-то другого.

«Мария».

Недавно они шли к помосту, где должны были сгореть в огне, и Мария просила не лить пустых слез о ней. В подземелье тюрьмы

они вместе повторили слова клятвы, подтвердив друг перед другом свою верность Кредо.

Мария готова умереть. Агилар это знал.

Но сейчас, глядя в ее глаза, он также знал, что она не хочет умирать.

Он убивал во имя Кредо. Он мог с готовностью отдать свою жизнь, если потребуется. Но, глядя в ее глаза – любящие, страстные, полные силы и достоинства, – Агилар де Нерха понимал, что не может пожертвовать женщиной, которая была для него всем.

Ни ради памяти Бенедикто. Ни ради братства. Ни ради Яблока.

Легким движением он спрятал клинок.

Лицо Марии на мгновение разгладилось и просветлело, она видела, что он сделал, и поняла, насколько глубоко он ее любит. Губы Марии едва дрогнули в улыбке. Взглядом, полным любви, она ответила на его чувства.

Молниеносным движением она надавила на огромную, похожую на львиную лапу, руку Охеды – и кинжал вошел ей в горло.

Она умерла за Кредо. С любовью в сердце.

Умерла за Кредо – точно так же, как и его мать: без ненависти в сердце.

Яблоко – это все.

И Каллум Линч выкрикнул одно-единственное, бесполезное слово:

– НЕТ!

Мгновения тянулись мучительно долго.

Мария медленно падала, словно сорвавшийся с дерева лист. Ее глаза оставались открытыми.

Горло Агилара раздирала боль. Кричал ли он? Агилар точно не помнил.

Только ярость спасла его.

Раскаленная добела, всеобъемлющая, неукротимая, она снизошла на него, подобно божественному гневу.

Торквемада дернулся в сторону, но недостаточно быстро. Один из клинков Агилара достал его, пробил многослойное одеяние, оставив на теле страшную рану. Инквизитор закричал и упал на пол.

Агилара он больше не интересовал. Вся его ярость была направлена на преданную собаку инквизитора – Охеду, который последовательно отнимал у Агилара все самое дорогое, все, что

он любил. Он бросился на Черного Рыцаря, но тот ловко увернулся, отскочил в сторону с быстротой, которая всегда поражала Агилара, и сам нанес сильный удар в лицо, так что Агилар пошатнулся.

Однако он успел пригнуться, когда над головой просвистел меч Охеды и, вместо того чтобы отсечь ему голову, раскрошил краску и штукатурку одной из колонн.

Агилар отскочил за другую колонну и попытался достать своими клинками Охеду снизу.

София с округлившимися от удивления глазами наблюдала за поединком двух необыкновенных противников. Она не впервые видела, как подопытный вживается в роль ассасина и учится действовать так же, как действовал бы его предок.

Но сейчас все было иначе. Кэл вел бой не так, как раньше. В его движениях появились легкость и грация, чего прежде Кэлу недоставало. А сейчас произошло полное слияние. Это уже сражался не Агилар де Нерха, за которым наблюдал Каллум Линч.

Кэл сейчас тоже был там.

Это были воспоминания Агилара; это он дрался со сверхъестественной скоростью, силой и ловкостью. Но сейчас Кэл вжился в своего предка, как никто из его предшественников.

Это было захватывающее зрелище… и пугающее. София даже порывалась остановить имитационное моделирование, вернуть Кэла и дать ему возможность выйти из ситуации. Но ей казалось, что, если она сейчас все остановит, это каким-то образом повлияет на конечный результат.

Разумеется, она не могла ничего изменить. Время течет в одном направлении. Это – поток памяти, и не более того. Или она просто хотела убедить себя в этом.

Она наблюдала за рождением воина.

И это было самое прекрасное, ужасающее, чудесное из всего, что ей когда-либо приходилось видеть. Она чувствовала, как в ней пробуждается нечто, всю жизнь дремавшее в ее душе, а теперь медленно, но неумолимо выходившее из забытья.

И именно это пугало ее больше всего.

Охеда замахнулся мечом, но Агилар отразил удар. Его тело, казалось, двигалось по собственной воле, предугадывая каждый выпад, каждый ложный маневр и вовремя отводя меч Охеды в сторону.

Он выдвинул клинок и ранил Черного Рыцаря в руку. Тот лишь зарычал в ответ, но Агилар почувствовал, что сталь глубоко вошла в плоть соперника.

Охеда чуть опустил меч, морщась от боли, но, как только Агилар бросился на него, с силой и яростью отбил его атаку. Отшатнувшись, Агилар потерял равновесие, поскользнулся в луже крови убитого тамплиера и, ударившись о мозаичную стену, упал.

Довольно оскалившись, Охеда направил на него меч. Рывком Агилар вскочил на ноги и успел схватить Охеду за вытянутую руку, а левым клинком ударить тамплиера в шею.

Охеда с криком отпрянул, и клинок лишь располосовал ему щеку. Агилар засадил тамплиеру локтем в лицо, тот упал на одно колено, но, вместо того чтобы подняться, боднул Агилара головой в живот.

Ассасин повалился на пол, но практически сразу же вскочил. Схватил первое, что попалось под руку, – напольный подсвечник, высотой больше его собственного роста. Он оказался очень тяжелым, но ярость и боль утраты придавали Агилару невероятную силу, о существовании которой он и не подозревал.

Он набросился на Охеду, орудуя подсвечником одновременно как дубинкой и как копьем, выбил меч и обрушил свое оружие на тамплиера.

Но просчитался. Разворачивая подсвечник острием к Охеде, он сам открылся и пропустил мощный удар кулаком в челюсть.

Искры посыпались из глаз у Агилара. Он отлетел назад, упав в небольшой бассейн, и в эту короткую секунду бездействия разом почувствовал боль от всех ран и ударов. Заскрежетав зубами, он усилием воли заставил себя повернуться на бок и встать на одно колено.

Движением запястья он выбросил правый клинок, занявший место отрубленного безымянного пальца. Но не успел Агилар подняться, как подбежавший Охеда пнул его сапогом в лицо.

Агилар снова упал. Казалось, на этот раз ему уже не хватит сил, чтобы встать. Он лежал, хватая ртом воздух и прислушиваясь к движениям Черного Рыцаря.

«Он нашел Яблоко, – догадался Агилар. – Они победили». Его голова безвольно свесилась набок, а взгляд неожиданно упал на Марию. На глаза навернулись слезы.

«Мария…»

Все кончено. Он боролся, но проиграл. И потерял всё – родителей, братьев, свою любовь. Всё. И теперь желал только смерти. Может быть, как обещает религия, он встретится с ней в счастливом раю.

Агилар протянул руку, разбитую и окровавленную, и коснулся щеки Марии.

Ее щека была теплой. Он заметил, как приоткрылись ее губы.

Она жива! Но радость мгновенно остудило понимание: она

еще дышит, но жизнь покидает ее безвозвратно.

«Мария!..»

И словно издалека донесся звук шагов и скрип кожи.

Агилар не сводил глаз с Марии. Ее губы слабо двигались, он едва слышал ее шепот. Ее правая рука чуть дернулась:

– Беги.

Он с трудом оторвал от нее взгляд, но он не мог не подчиниться ей. Агилар посмотрел на стоявшего над ним Охеду, покрытого, как и он сам, синяками и кровью. Израненного. Уставшего.

Но Охеда уже праздновал победу – безобразное лицо осклабилось, обнажая желтые зубы, налитые кровью глаза разного цвета торжествующе сверкали.

Рука Агилара, гладившая щеку Марии, сползла к ее запястью. Он помнил о ее уникальных клинках. Один – с парными лезвиями.

А второй…

И в тот момент, когда Охеда уже поднял меч, чтобы ударом в грудь прикончить Агилара, ассасин приподнял руку Марии и нажал спусковую скобу.

Словно пущенная из натянутого лука стрела, клинок глубоко вошел в грудь Черного Рыцаря.

Меч с глухим лязгом упал на пол, Охеда, шатаясь, сделал несколько шагов назад, удивленно глядя на кусок металла длиной в два дюйма, торчавший из его груди. Дикий восторг охватил Агилара.

Он не осознавал, как оказался на ногах, но четко видел, как его собственный восьмидюймовый клинок вошел в грудь тамплиера рядом с клинком Марии.

Охеда закачался, но устоял и с ревом бросился на Агилара. Два клинка ассасина крестом полоснули тамплиера по животу.

Кожаные доспехи Черного Рыцаря превратились в ленты… как и мягкая плоть под ними. Фонтаном хлынула кровь.

Лицо Охеды исказилось в злобном оскале, в широко открытых глазах отражалась уже не радость победы, а страх. Но он продолжал наносить удары, и в них еще оставалось много силы.

Однако его упорство не могло остановить неизбежного. И тамплиер, и ассасин хорошо это понимали.

Агилар взмахнул клинками и практически отсек Охеде руки. Тамплиер упал на колени, хватая ртом воздух и глядя на ассасина.

Агилар много раз представлял себе этот последний момент схватки и думал, что будет испытывать радость. Триумф победы.

Удовлетворение. Но ничего подобного Агилар не чувствовал.

Охеда безоговорочно заслуживал смерти. По его приказу полыхали города и деревни. Он отправил на смерть родителей Агилара и торжествующе наблюдал за их мучительной агонией – и за страданиями Бенедикто, также заживо сожженного на костре.

Но Охеда не убивал Марию. Эту победу она ему не позволила одержать. И вот сейчас Агилар отнял жизнь у того, о ком шепотом рассказывали, будто бы смерть его не берет.

Агилар не чувствовал радости. Удивительно, но ему было даже жаль Черного Рыцаря, который смотрел сейчас смерти в лицо, и в нем уже не было ни злобы, ни ярости, ни высокомерия. В эти последние мгновения жизни только страх, простой человеческий страх застыл в его разноцветных глазах.

Агилар поднял клинки и вонзил в шею тамплиера.

Могучее тело рыцаря сильно качнулось, но продолжало стоять горой. Удивляясь своему невольному милосердию, Агилар окровавленными пальцами осторожно закрыл врагу глаза.

Охеда хрипло выдохнул и медленно повалился на пол.

В комнате повисла тишина. Постепенно до слуха Агилара долетело журчание воды, его собственное тяжелое дыхание и тихие всхлипывания. Агилар медленно повернулся – это плакал Ахмед, прижимаясь к своему отцу, султану Мухаммеду, чья слабость и любовь к сыну стали причиной всех бед ассасинов.

Они стоили Марии жизни.

– Прости меня, – произнес султан Мухаммед, обнимая сына.

«Я могу убить его на месте», – подумал Агилар. Он знал, что султан не будет сопротивляться. Он предал братство, и многие из тех, кто был дорог Агилару, погибли из-за его безмерной отцовской любви.

Но Агилар знал, что не убьет султана. Первое правило Кредо гласило: «Не позволяй клинку поразить невиновного». Вина Мухаммеда заключалась лишь в том, что он любил своего сына, а мальчик и вовсе ни в чем не виноват.

И разве он, Агилар де Нерха, не хотел пожертвовать Яблоком ради спасения Марии? Он не может судить других, поскольку сам совершил такой же грех.

Он остановил клинок.

Медленно, ощущая каждый удар, каждую рану, каждый перелом, Агилар повернулся к Марии, вопреки здравому смыслу надеясь, что она жива. Но когда он посмотрел в ее глаза, то сразу понял, что его возлюбленная одна отправилась в свое последнее путешествие в неизведанное.

Он присел у тела Охеды, чтобы отыскать Яблоко. Вот оно – круглый твердый шар сам лег в его руку. Агилар и сейчас отдал

бы его Торквемаде, если бы только можно было вернуть Марию, пусть даже она всю жизнь будет презирать его за предательство.

Торквемада…

Агилар поднял голову. Великий инквизитор стоял в двадцати футах от него, рукой зажимая кровточащую рану. На мгновение их взгляды встретились. В следующую секунду раненый Торквемада так быстро, как только мог, заковылял к закрытой на засов двери. Агилар уже не успевал его остановить.

Торквемада неуклюже налег на засов, поднатужился, стеная от боли, и отодвинул его. Железные двери распахнулись, Торквемада поспешил убраться с дороги, когда рыцари и солдаты потоком хлынули внутрь.

Но Агилар уже приподнял тяжелую железную решетку и спустился в подземный ход под дворцом.

Глава 21

Агилар тяжело и неуклюже приземлился, скрипнув зубами от боли и прижав руку к боку, затем выпрямился и побежал по тоннелю. Внезапно на его пути появились пятна света – это предупрежденные Торквемадой солдаты прыгали в тоннель позади и впереди Агилара, перекрывая ему проход.

Без страха, без какого-либо плана действий ассасин помчался прямо на удивленного солдата, поворотом запястий обнажил скрытые клинки и, не сбавляя скорости, привычным движением устранил его с пути.

Когда появился второй, Агилар продолжал бежать, но уже не на него, а к стене, затем, оттолкнувшись от нее, сделал сальто и приземлился, оставив за спиной солдата, чей занесенный для удара меч рубанул воздух.

Когда тамплиер развернулся, ассасин был уже недосягаем.

Секрет заключался в том, чтобы не останавливаться. И все. Главное – преодолеть собственную боль.

Впереди показались еще два тамплиера. Один держал в руках факел, освещая дорогу. Тамплиер махнул им перед лицом Агилара, намереваясь обжечь или ослепить. Ассасин пригнулся, проворно развернулся и ловко выхватил факел из рук противника.

Агилар тут же ткнул им в лицо второму тамплиеру, истошно закричавшему от боли, а того, у которого отобрал факел, полоснул клинком по горлу. Затем швырнул горящий факел назад, откуда приближался шум, и побежал дальше.

Впереди снова засиял свет – не одиночное пятно открытого люка, а целый поток света. Агилар понял, что близок к выходу на поверхность.

Над головой у него был подъемный мост. Пробегая мимо

во́рота, Агилар клинком обрубил канаты. Мост начал опускаться. Агилар взбежал на деревянный настил, как по наклонному трапу, и спрыгнул на узкий каменный мост, который вел к горам и к свободе, перекатившись через плечо, чтобы смягчить удар о камни.

Вскочил на ноги и замер, заморгал, щурясь от яркого солнца.

Его ждали.

Он слышал, как позади замедлился топот преследователей, слышал их тяжелое дыхание. Перед ним стояло не менее двух десятков солдат, вооруженных пиками и щитами. На защитном валу заняли позицию арбалетчики.

Посередине моста стоял, самодовольно улыбаясь, Томас де Торквемада.

Кровавое пятно расплывалось на белом одеянии Великого инквизитора, но радость наконец-то одержанной победы приглушала его боль.

Агилар огляделся по сторонам, переводя дыхание, пытаясь сообразить, куда бежать. Все пути к спасению были отрезаны. Тамплиеры, готовые подчиниться приказу инквизитора, стояли повсюду – сзади, впереди, над головой. Далеко внизу – не меньше чем в трехстах футах – спокойно текла река Хениль, безразличная к перипетиям человеческих судеб. Агилар оказался в ловушке, и Торквемада понимал это.

– Все кончено, ассасин! – громко крикнул инквизитор.

Он вытянул руку, но не для того, чтобы Агилар просто отдал Яблоко – их разделяло слишком большое расстояние, – а приглашая ассасина приблизиться к нему. Как только тамплиеры получат Яблоко, все их грехи будут прощены. Агилар проведет остаток дней в тюрьме, но у него будет и пища, и вода, и вино, и прочие удовольствия.

Торквемада ободряюще улыбнулся, придав лицу кроткое выражение, как и подобает священнику.

Агилар усмехнулся в ответ.

И спрыгнул.

– Ассасин!

Неистовый, гневный вопль Торквемады последовал за ним, когда Агилар, сведя ноги вместе и раскинув руки, летел навстречу голубовато-зеленым водам реки. Арбалетные болты жужжали вокруг него, словно разъяренные осы.

Один из них попал в цель. Агилар вскрикнул и содрогнулся от боли. Вода быстро приближалась. Он выхватил кинжал, чтобы рассечь ее поверхность, но затем развернулся в воздухе, решив, что лучше войти в воду ногами, и…

…Кэл приземлился безупречно, как настоящий акробат.

Как ассасин.

Зато двупалая рука «Анимуса», похоже, не была готова к сложным кульбитам подопытного. Она повернулась с угрожающим скрипом, и что-то внутри ее резко щелкнуло. Пальцы разжались, отсоединяясь от пояса Кэла, рука несколько мгновений извивалась волной, затем безвольно повисла, как мертвая.

– Рука вышла из строя, – тревожно сообщил Алекс. – Оборвался привод!

Кэл застыл, похожий на каменную статую, упираясь в пол правым коленом и правой рукой, а левую подняв вверх.

София, казалось, не слышала неприятной новости о сломавшейся руке «Анимуса», в зачарованном восхищении она медленно двигалась к Кэлу.

– Прыжок веры, – прошептала она, глядя на застывшего Кэла.

Мусса сидел в своей комнате, ожидая, когда придет охранник и отведет его в общую комнату отдыха. Охранник опаздывал, из чего Мусса делал вывод, что нападение на Линча не увенчалось успехом. Когда за игрой в покер было принято решение, он все же предпочел остаться в стороне. Если в первой попытке примут участие все сразу, а она провалится, то шанс на вторую будет навсегда потерян.

Очевидно, он оказался прав. И сейчас, когда попытка закончилась неудачей, что-то – возможно, это был Батист – подсказывало ему, что решение устранить этого сильного и решительного светловолосого парня, предпочитающего курице стейк, может оказаться ошибкой. А Мусса привык доверять своему инстинкту. Скоро он увидится со своими товарищами, и они обсудят, кто что видел.

И все же, без всякой видимой причины, холодок пробежал у него по спине, и кожа покрылась мурашками. Батист внутри него приоткрыл один глаз. Когда Мусса был маленьким, его дед, глядя на внука черными серьезными глазами из складок морщин, говорил: «Когда у тебя по коже бегут мурашки, это значит, что кто-то должен умереть».

– Что-то меня дрожь пробирает, – встревоженно пробормотал Мусса.

Лин на время заперли в ее блоке за участие в покушении на Линча, но затем охранники сообщили, что ей разрешается под присмотром провести один час в общей комнате отдыха при условии, что она будет вести себя спокойно.

– А мои ленты… Можно мне танцевать с лентами? – с надеждой спросила Лин. Всем было известно, что в фонде «Абстерго» поощрялись «созидательная деятельность» и «художественное творчество». И когда Лин заинтересовалась танцем с лентами, ей позволили этим заниматься. А Эмиру, в свою очередь, разрешили разбить сад.

Получив положительный ответ, Лин одарила охранников глуповатой, довольной улыбкой.

В общей комнате отдыха она появилась первой, вскоре к ней присоединились Мусса и Эмир. Они ничего не спросили у нее о Натане – потомку Дункана Уолпола не хватило малого, чтобы убить Линча, поэтому он долго еще будет лишен комнаты отдыха.

Но у них был план на этот случай.

Шао Цзюнь присутствовала в голове Лин едва уловимым шепотом, но, как только Лин начинала танцевать с лентами, связь с ее предком усиливалась. Доктор София Риккин сказала, что Лин, к сожалению, пришлось ввести болезненную дозу эпидуральной анестезии, чтобы рука «Анимуса» могла обеспечить ей ту же скорость в танце, которой обладала ее предок.

«Это называется нейромышечной координацией, иными словами – мышечной памятью», – объяснила доктор Риккин. И Лин обнаружила, что это очень полезная вещь.

Шао Цзюнь родилась рабыней, ее готовили в наложницы императора Чжэндэ, и она стала его фавориткой еще в юном возрасте, но исключительно благодаря танцам, акробатическим представлениям и шпионским навыкам. После смерти императора Шао Цзюнь, умевшая выведывать тайны, узнала о существовании ассасинов… и о том, что истинная власть в Китае принадлежит тамплиерам – группе честолюбивых евнухов, называвших себя «Восемь тигров».

Лин сжала в руке плотные красные ленты, прикрепленные к картонным трубкам от бумажных полотенец, – только они здесь считались «безопасными». Это не имело значения. У нее не было цзяня[15] и не было возможности сделать уникальное оружие Шао Цзюнь – клинок, скрытый в ботинке. И разумеется, после покушения ей не разрешат взять в руки ничего, что можно было бы использовать как метательные иглы – еще одно оружие Шао Цзюнь.

Но у нее оставалось ее тело. И этого достаточно.

Лин вышла в центр общей комнаты и начала танцевать. Сильная и гибкая от рождения, она быстро освоила танец с лентами, появившийся в Китае во времена династии Тан. Ее учителем была Шао Цзюнь, настоящий мастер.

Лин принимала грациозные позы, кружилась вихрем,

изгибалась, выбрасывала в прыжке ноги, и красные ленты живыми потоками крови текли за ней, восхитительными узорами обвивались вокруг ее тела. Своим танцем она достигала двух целей: устанавливала связь со своим предком и… отвлекала внимание.

В отличие от Батиста и Уолпола, Шао Цзюнь ничем не запятнала своего честного имени. Она прожила долгую жизнь и стала Наставником ассасинов. Она никогда не переходила на сторону тамплиеров – ни ради денег, ни из страха.

Цзюнь – как и Лин – ненавидела тамплиеров. Так что все в порядке. Скоро начнется охота на тигра.

– Что происходит? – властно спросила София. Она не могла оторвать взгляда от Кэла. Множество сценариев, один ужаснее другого, прокручивалось в ее голове, но она гнала их прочь. Страх – плохой помощник. Нужны только факты.

– У него помутнение сознания, – сообщила Самиа непривычно пронзительным голосом, выдававшим страх.

– Почему мы его потеряли? – София сделала паузу. – Агилар погиб?

«Анимус» и раньше показывал ей знаменитый «прыжок веры». У ассасинов была незаурядная генетика, София знала это. Но мост, с которого совершил прыжок Агилар, был на пятьдесят футов выше моста Золотые Ворота в Сан-Франциско. И нужно учесть, что Агилар был так тяжело ранен, что…

Что из потока памяти Агилара в момент его смерти перешло в мозг Кэла? Неужели весь путь, который они прошли, никуда не привел? Неужели Агилар в конечном итоге проиграл?

Неужели и София, и орден тамплиеров, и Каллум Линч – все проиграли?

Она не знала, какой итог хуже.

– Нет, – подал голос Алекс, проверив показатели электроэнцефалограммы. – Он жив. Синхронизация возобновляется.

София не сводила глаз с застывшего Кэла. Сообщение Алекса принесло ей облегчение и вместе с тем привело в замешательство. Такого не может быть.

Из кабинета донесся голос отца, он произнес нечто невероятное, но это невероятное было правдой:

– Он контролирует ситуацию.

Глаза Софии округлились. Это невозможно. Еще никому и никогда не удавалось перехватить у нее контроль над имитационным моделированием. Наконец Кэл медленно поднял голову и посмотрел прямо перед собой.

И София поняла, что отец прав.

– Состояние? – спокойно и твердо спросила София.

– Восстанавливается, – радостно сообщил Алекс.

Кэл выпрямился, расслабленный, но не вялый, готовый к работе. Имитационное моделирование началось – вокруг него стали вырисовываться очертания кораблей и парусов.

– Где мы?

– Похоже на военный порт, – ответил Алекс. Неестественно застывшее тело Кэла окружали прозрачные и почти бесцветные силуэты кораблей. – Судя по архитектуре, это Андалусия.

София начала понимать: «Анимус» воссоздавал картину городского порта. Она была ученым и ждала конкретных фактов. Но догадка уже вертелась в голове, мучительная… и прекрасная.

– Высота? – спросила София, переведя взгляд с силуэта корабля на Кэла.

– Одиннадцать метров, – ответил Алекс. – Кадисский залив. Палос-де-ла-Фронтера.

Догадка Софии обретала конкретность.

– Корабли?

– На военные не похожи, – задумчиво произнес Алекс, внимательно рассматривая голограммы. – Семьдесят футов на двадцать. Косые паруса латинского типа… о, это каравеллы. Использовались для дальних плаваний.

Кэл снова исчез. Он уже смотрел глазами Агилара, и София заметила призрачный силуэт птицы, паривший над его головой.

Глава 22

Агилар сидел в трюме корабля, глядя через деревянную решетку на кружившего в небе орла. И безумно завидовал ему.

Измученный, грязный, израненный и телом, и душой, он был в пути уже пять дней. Боролся с инфекцией, петлял по дорогам пешком и на ворованных лошадях, пытаясь сбить со следа тамплиеров. Но все-таки остался в живых – по крайней мере, пока. И добрался до цели.

Перед ним был накрыт стол, но к еде он не прикасался и даже не встал, когда вошел капитан корабля.

– Ассасины отдали свои жизни за это, – без всяких предисловий сказал Агилар. Капитан молча стоял у края стола, словно главным на корабле был Агилар, а не он. – Сохрани его, даже ценой своей жизни.

– Я друг Кредо, – заверил его бородатый, худощавый капитан.

София прищурилась. Еще в детстве она побывала в разных странах Европы, и все они отразились на ее произношении. Она свободно говорила на трех языках, могла на слух определить любой акцент и сразу поняла, что капитан не испанец.

Агилар медленно вытянул руку – на его ладони лежало Яблоко Эдема. Прежде чем капитан взял его, Агилар сказал:

– Унеси с собой в могилу.

Загорелое лицо капитана побледнело, но он твердо посмотрел в глаза ассасину.

– Клянусь, – сказал капитан и сжал Яблоко в руке. – Следуя за светом солнца, мы покидаем Старый Свет.

София застыла, когда Алекс перевел то, что сказал капитан.

«Мы покидаем Старый Свет», – повторила она. Эта фраза подтверждала догадку, в которую София не отваживалась поверить.

– Это Христофор Колумб, – выдохнула София. И вдруг слова Агилара приобрели новый отчетливый смысл. – Где его могила?

Алекс сразу понял, насколько важен ее вопрос. Это был самый невозмутимый человек из всех, кого она знала. Казалось, он родился с истинно британской твердостью духа. Но сейчас она видела, как выступили капельки пота у него на лбу, пока он торопливо искал ответ в базе «Анимуса».

– Его останки были возвращены в Испанию, – сообщил Алекс. – И захоронены в Севильском кафедральном соборе.

София внимательно рассматривала изображение на экране.

– Мы нашли его.

Момент настал.

Мусса рассеянно стучал оранжевым мячом по полу и вдруг сделал резкий и точный бросок. Поймав мяч, он еще несколько раз ударил им об пол, а затем перевел с руки на руку за спиной, оценивая ситуацию.

Эмир в своем саду пересаживал розмарин, поглядывая через плечо в сторону Муссы. «Вот розмарин, это для воспоминания»[16]. То ли строчка из какой-то пьесы, то ли еще что-то давно позабытое. Мусса улыбнулся.

Несколько пациентов сидели за столами и спокойно ели. За спиной у Муссы Лин танцевала с лентами танец Шао Цзюнь. После покушения на Кэла охранников прибавилось. Танец завораживал красотой и притягивал к себе все внимание.

Двое охранников наблюдали за Лин, Мусса весело окликнул другую пару:

– Эй, команда звезд! Как насчет двое против одного?

До появления новичка охранники были более сговорчивыми. Обычно один-другой из них легко соглашался перекинуться мячом. Но сегодня Мусса носом чуял повисшее в воздухе напряжение. Оно пульсировало у него в крови. Происходило что-то серьезное, очень серьезное. Поэтому сегодня охранники едва взглянули в его сторону, а один даже подозрительно прищурился.

Мусса давным-давно освоил ловкие манипуляции руками. Или это досталось ему от Батиста? Он этого не помнил, да и не придавал значения. Особенно сейчас.

Мусса отбросил мяч и вытянул вперед руки, сжатые в кулаки, костяшками вверх.

– Угадай, в какой руке? – обратился к охранникам Мусса.

Они привыкли к его трюкам, но сегодня играть отказывались.

– Выбирай, – не унимался он.

Охранники не реагировали. Мусса пожал плечами, разжал кулаки, и две дымовые бомбы, которые он украл в кабинете Софии Риккин, упали на пол. Стекло, искусно отделанное филигранью, разбилось вдребезги, и клубы дыма заполнили комнату отдыха.

В это же мгновение Лин в грациозном прыжке исчезла в сером облаке дыма. Ее нога пришлась точно под дых охраннику, тот согнулся пополам, и его вырвало. Мусса выхватил из рук охранника дубинку и ударил ею его по голове. Охранник упал на пол. Молниеносно развернувшись, Мусса точно так же уложил и второго.

Пришла очередь Эмира. Он покинул свой драгоценный сад и занял позицию у главного входа.

Взревела сигнализация, резкие красные вспышки разрывали холодный голубой свет ламп и серовато-сизые клубы дыма.

Дверь распахнулась. Четверо охранников с дубинками наготове ворвались в комнату, чтобы помочь товарищам немедленно подавить очередной бунт. Эмир подождал, пока последний охранник не переступит порог, схватил его, как щенка, за шкирку и приложил лицом об стену. Охранник сполз на пол, оставив красный след на бетоне.

В клубах едкого дыма никто не заметил, как Эмир выскочил в коридор и бегом пустился к посту наблюдения.

В отличие от Муссы и Натана, Эмир мог гордиться своим предком, который никогда не предавал братства. Юсуф Тазим родился в 1467 году и был другом легендарного Эцио Аудиторе да Фиренце – величайшего ассасина всех времен. Юсуф даже подарил ему свое фирменное оружие – чрезвычайно полезное приспособление, получившее название «крюк-клинок».

Эмир рос сиротой. Из своего детства он помнил только жизнь в часто сменяющих детских домах, пока его не усыновили так называемые родители, которых интересовало только пособие, выплачиваемое на его содержание. Судьба Юсуфа была схожей: он рано лишился отца и у него, как у Эмира, было безрадостное детство. Семнадцатилетним юношей он привлек внимание визиря Исаака-паши, возглавлявшего братство ассасинов в Турции.

Братство сделалось его семьей. Юсуф со временем сам заменил отца юным ассасинам, которых он обучал. Он был добрым человеком, с прекрасным чувством юмора, и Эмир мечтал стать таким же, как он, и жить так же. Тамплиеры отправили Эмира в «Анимус», преследуя свои личные цели, и даже не подозревали, какой подарок ему преподнесли, – познакомили с

его благородным предком. Юсуф умер в сорок пять лет так, как хотел бы умереть Эмир, – защищая невинных от ненавистных тамплиеров.

Эмиру не было еще и сорока, и он не знал, доживет ли он до ста лет или умрет в ближайшие несколько минут. Но он чувствовал: новичок – это тот, кого они так долго ждали, и если он умрет, защищая Линча, то будет считать свою смерть такой же достойной, как и смерть Юсуфа.

Как они и предполагали, Муссе и Лин удалось отвлечь внимание. Дверь поста наблюдения была не заперта, большая часть охранников рассредоточилась по всему зданию, здесь оставалось только трое. И Макгоуэна нигде не было видно – непредвиденный подарок судьбы, сильно упрощавший задачу.

«Болваны», – подумал Эмир.

Все свое внимание трое охранников сосредоточили на мониторах: они наблюдали за общей комнатой, за залом, где был установлен «Анимус», за коридорами, по которым бежали другие охранники. Они даже не заметили, как вошел Эмир.

Первой его увидела женщина и замахнулась дубинкой, но Эмир схватил ее за руку и резко вывернул. Послышался хруст. Охранница вскрикнула, ее лицо побелело, но второй рукой она едва не заехала в челюсть Эмиру. Однако он успел блокировать ее руку и кулаком свернуть ей нос набок. После второго удара ребром ладони по горлу она осела на пол.

На него ринулся второй охранник. Эмир отбросил его назад сильным толчком в грудь. Выхватил у него дубинку и разделался с ее бывшим владельцем, а заодно и перебил трахею третьему охраннику.

Эмиру потребовалось меньше тридцати секунд, чтобы обезвредить охранников и взять под контроль сердце всей системы охраны здания фонда «Абстерго».

Эмир сокрушенно покачал головой – те, что убили Юсуфа, по крайней мере, были мастерами своего дела. Теперь ему предстояло выполнить главную задачу.

Он склонился к экрану компьютера, пощелкал клавишами, разыскивая план здания. Он кликнул на общую комнату отдыха, затем начал открывать одну камеру за другой.

Начиная с камеры Натана.

Мусса и Лин держались, хотя их атаковала дюжина, а может быть, и две – в дыму Мусса сбился со счета – вооруженных охранников.

Лин дралась с тамплиерами, словно тигр, вырвавшийся из клетки. Она прыгала, вертелась юлой и наносила удары ногами,

словно исполняла хореографический номер «Танец смерти». Могучие охранники недооценивали ее хрупкое телосложение, чем она успешно пользовалась.

Мусса тем временем собирал ненужное потерявшим сознание или мертвым охранникам оружие, складывая отдельно дубинки и арбалеты. Одним глазом он поглядывал на дверь и, как только она начала автоматически опускаться, сразу подал сигнал своим товарищам. Они тут же устремились к выходу.

Мусса ждал до последнего мгновения, чтобы как можно больше людей успело выбежать из комнаты, а затем нырнул в узкую щель, оставшуюся между железной дверью и полом.

Лин подала ему руку, помогая подняться. Они обменялись удовлетворенными взглядами, как только запертые охранники начали неистово барабанить в железную дверь.

– Похоже на побег из дурдома, – усмехнулся Мусса.

Глава 23

София смутно осознавала, что за пределами зала что-то происходит. Ей уже рассказали, что Кэла сегодня пытались убить. Возможно, пациенты снова устроили беспорядки. Если так, то это не ее забота, Макгоуэн запросто со всем разберется.

Сейчас все ее внимание, все ее мысли, все ее существо были сосредоточены на Каллуме Линче.

Предыдущая картина исчезла: голографические силуэты каравелл Христофора Колумба растаяли, растворились в небытии. Это было в порядке вещей. Но Кэл продолжал стоять, сохраняя синхронизацию в «Анимусе». Хотя подвижная рука вышла из строя, похожее на паука устройство для введения эпидуральной анестезии все еще было прикреплено к основанию его черепа.

И Кэл был не один.

Перед ним стоял Агилар де Нерха. Они смотрели друг другу в глаза, и София поняла, что они видят друг друга.

«Как такое возможно?»

Агилар кивнул и отступил назад. Кэл огляделся, вокруг него проявлялись человеческие фигуры, все они были ассасинами.

Солдат в американской форме образца 1943 года, пехотинец Первой мировой, в капюшоне вместо круглой каски, офицер флота Содружества.

Время двигалось вспять, отматывая сначала десятилетия, а потом и целые столетия. Французский революционер, борец за независимость Американских Соединенных Штатов. Перед потрясенной Софией возникали одежды времен гражданской войны в Англии – от пышных воротников и шляп роялистов до простых крестьянских рубах и грубых кожаных лат.

– Это воспоминания? – едва слышно, как зачарованная, прошептала София. Но Алекс ее услышал.

Он смотрел на изображения, воспроизводимые мозгом Кэла.

– Нет, – только и сказал Алекс.

Что создавало фантомы ассасинов – ДНК Кэла, его мозг или подсознание? София не могла это определить.

– Он создает образы членов братства, – потрясенно проговорила она.

«Но как такое возможно? Что делает Кэл?»

Он разрушал все ограничения, связывающие работу «Анимуса», словно незыблемые законы науки были всего лишь сводом необязательных рекомендаций.

Все это время София стояла рядом с Алексом, но чем больше ассасинов появлялось, тем острее ей хотелось выйти в самый центр и присоединиться к ним. И она это сделала.

Образы были настолько отчетливыми, настолько реальными, как те воображаемые друзья, которых она создавала в своем одиноком детстве. София переходила от одного ассасина к другому, всматриваясь в их лица. То, что Кэл ей показывал сейчас, открывало безграничную научную перспективу, где нет ничего невозможного! Это чувство пьянило и завораживало.

В круг ассасинов вошел еще один человек, которого ассасины мгновенно убили бы, будь они живыми, а не голографическими фантомами.

Ее отец.

Он тоже внимательно рассматривал голографические фигуры ассасинов, оценивал, анализировал. Их глаза встретились, и ее восторг и вдохновение тут же обратились в пепел.

Он не был в восторге от ее научных достижений, к которым тамплиеры шли тридцать лет. Он не собирался поздравлять ее, говорить, как он гордится ею, поднимать бокал с дорогим коньяком в ее честь. Возможно, осознание грандиозности свершения придет к нему позже, но Софии слабо в это верилось. Мозг отца оценивал происходящее не как великое открытие, а как серьезную проблему.

– Транспорт?

Алан Риккин обращался не к Софии, а к стоявшему рядом с ним Макгоуэну.

– Готов, – как всегда бесстрастно и холодно, ответил тот.

От этого краткого диалога у Софии округлились глаза. Она начала понимать, что происходит, почему взревела сирена, оповещая об опасности. Она не хотела верить, что все настолько серьезно. В здании на каждого пациента приходилось по охраннику, включая совершенно безобидных обитателей «комнаты беспредельной пустоты». Отец не мог приказать покинуть здание именно сейчас, когда Кэл…

– Все, что нужно, он нам уже дал, – сказал Алан Риккин. – Законсервировать «Анимус». Очистить здание.

– Нет! – услышала София собственный крик. Она с негодованием смотрела на отца, дрожа всем телом и сжав кулаки.

София знала, что это означает. Отец и все, кого он считает ценными сотрудниками, спокойно, соблюдая порядок, займут места в вертолетах и покинут опасное место. А оставшиеся здесь охранники убьют пациентов – всех до единого.

Включая Каллума Линча.

Это была крайняя мера, предусмотренная на случай катастрофы, и последним шансом спастись оставалась немедленная эвакуация. Но катастрофы не было, и Риккин понимал это.

Отцу не понравилось то, что он увидел, вся эта армия ассасинов, которую Каллум Линч вызвал силой своего воображения. Очень не понравилось! Кэл сделал свое дело – нашел Яблоко. И теперь стал бесполезен… и, возможно, опасен.

Эксперимент, на который она, София Риккин, потратила десятилетия и успешно довела до конечной точки, закрывается.

Кэл отслужил свое, как и остальные пациенты, как и сам фонд, и здание со всей его технической начинкой, за исключением «Анимуса».

И София невольно подумала, что и она сама в глазах отца тоже отслужила свое.

Он посмотрел на нее тяжелым, недовольным взглядом.

– Вас я должен вывести первыми, – сказал Макгоуэн, словно не слышал протестов Софии.

– Нет! – снова выкрикнула София, делая шаг к отцу, с пылающим от ярости лицом. Алан Риккин шагнул к ней навстречу… Нет, не к ней, а мимо нее, даже не повернув головы в ее сторону.

– Уходим, София! – на ходу бросил он.

Он не спорил с ней, не уговаривал. Он просто наказывал ее.

Ярость Софии сменилась жгучей обидой. Даже сейчас, когда она просит отца не убивать пятьдесят человек, многие из которых даже не понимают, что они здесь делали и почему представляют угрозу, он отмахнулся от нее, как от четырехлетней девочки, которая уронила рожок с мороженым и теперь плачет и дергает его за штанину.

Он просто ожидал, что она побежит за ним, как послушная собачонка.

Но она не побежала.

Джозеф Линч стоял в «комнате беспредельной пустоты».

Мигали сигнальные лампы, оглушающе выла сирена. Но, кроме него, никто из приблизительно двадцати пациентов, находившихся вместе с ним в комнате, не заметил этого.

За последние тридцать лет только он один здесь что-то замечал. Тамплиеры не смогли ни соблазнами, ни угрозами склонить его к сотрудничеству. Он убил свою возлюбленную, чтобы спасти ее от их цепких рук, а его сын словно исчез с лица земли.

Джозеф не заводил здесь друзей, чтобы их не использовали для давления на него. Он ни разу не вошел в «Анимус» по своей воле и в конце концов дорого заплатил за это.

Но он был упрямым, и жена с нежностью в голосе часто ему об этом напоминала. Все эти годы он упрямо цеплялся за свои воспоминания о жене, как за лезвие ножа, включая и тот страшный день, когда она рассталась с жизнью. Воспоминания причиняли боль, страшную боль, но именно поэтому он за них и цеплялся.

Сейчас воспоминания были ему больше не нужны, потому что сын вернулся в его жизнь. После всех молитв, надежд и несбыточных мечтаний Кэл нашел своего отца и понял его. Его мальчик был сильным. «Это он унаследовал от нее», – подумал Джозеф и слабо улыбнулся тому, что окружающий мир, такой упорядоченный, превращался в хаос. Он больше не беспокоился за Кэла. Его мальчик… Нет, он уже взрослый мужчина, и этот мужчина выбрал свой путь.

Джозеф крепко сжимал клинок, тот самый, что убил его жену, тот самый, что сын приставил к его горлу и потом вернул ему. Круг замкнулся.

Джозеф слышал, что за ним пришли. Ему не обязательно было видеть большой стальной нож в руке охранника, чтобы понять, что произойдет. Он слышал быстрые уверенные шаги у себя за спиной.

И как только Джозеф почувствовал дыхание невидимого убийцы, он обернулся и со спокойной непринужденностью вонзил клинок ассасина ему в живот.

Последний подарок от сына. Наконец-то Джозеф Линч, как и его жена, может умереть за Кредо.

К Джозефу бросились трое охранников. До смешного легко ему удалось убить сначала одного, потом другого. Но как и должно было, вероятно, случиться, третий зашел со спины и глубоко всадил острое как бритва лезвие.

Боль была подарком. Впервые за долгие годы она дала Джозефу возможность почувствовать себя живым. Охранник вытащил лезвие, и горячая кровь хлынула из раны в боку

Джозефа.

«Моя кровь мне не принадлежит», – подумал Джозеф Линч, ассасин, и улыбнулся, закрывая глаза и погружаясь в беспредельную холодную пустоту.

Отныне он был свободен.

София Риккин, ученый и тамплиер, неподвижно стояла и смотрела на ассасинов. Казалось, они оживают. Один за другим ассасины поднимали голову и из-под капюшонов смотрели на Кэла. Как и Агилар, они его видели.

Кэл внимательно разглядывал их лица, вступая в контакт с каждым. Были ли все они его предками? Было ли это молчаливое осуждение… или благословение?

Только Кэл знал ответы. Но как бы там ни было, ее время общения с ним истекало. И от этого было невыносимо больно.

Одна из фигур, появившаяся последней, была ниже всех и стройнее. Она, так же как и все, подняла голову и посмотрела на Кэла.

Мать Кэла – стройная, с лицом сказочной феи, с волосами цвета меда – глядела на сына, и улыбка дрожала на ее губах.

Казалось, с лица Кэла стерлись годы. Таким София видела его впервые – а в каком-то смысле она знала его всю жизнь. Он выглядел сейчас по-детски беззащитным. Кэл медленно, словно во сне, подошел к голографическому изображению своей матери настолько близко, что, казалось, мог протянуть руку и дотронуться.

Никогда и никому София так не завидовала, как Каллуму Линчу в этот момент. Момент, в котором ей не было места… Это было слишком личное. Только для них двоих. Для них и для всех остальных ассасинов, включая тех, чьи потомки дрались сейчас в коридорах здания.

Тамплиеру здесь не было места.

Еще один ассасин поднял голову. И посмотрел не на Кэла, стоявшего в круге ассасинов, а на нее. Стройная фигура в простом полотняном капюшоне коричневого цвета.

Голубые глаза, подведенные сурьмой, смотрели прямо в глаза Софии. Она узнала это лицо, украшенное крошечными татуировками.

У нее перехватило дыхание.

Лицо под коричневым капюшоном было ее лицом.

София застыла как парализованная, ее захлестывали эмоции: ужас, радость, страх, удивление. Она стала медленно приближаться к кругу ассасинов, но вдруг почувствовала, как сильные руки Макгоуэна потащили ее прочь.

– Нет! – закричала София, вырываясь изо всех сил. Но Макгоуэн умел усмирять куда более крепких мужчин, таких как Кэл, и ему не составило труда оторвать ее от самой великой тайны в ее жизни, от ответов на те вопросы, о существовании которых она даже не подозревала. Она молотила руками, брыкалась, но он тащил ее к ожидавшему на площадке вертолету. София едва не задыхалась от отчаяния.

За спиной она слышала звуки разгоревшейся схватки, подступавшей все ближе.

Ассасины шли за Кэлом – за своим братом.

И она была рада этому.

Глава 24

Лин и Мусса бежали во весь опор по коридорам к залу, где находился «Анимус». Вооруженные охранники дышали им в затылок. Без дымовой завесы ассасины были крайне уязвимой мишенью. Спасали их только хитрые отвлекающие маневры, благо было где развернуться.

Как и планировалось, Эмир заблокировал максимальное число охранников в различных помещениях здания и выпустил всех пациентов. Пациенты в той или иной степени были союзниками – всех их связывало братство. Но лишь небольшая группа – Мусса, Эмир, Лин и Натан – оставалась в здравом уме и сохраняла прочную связь со своими предками.

И еще… Каллум Линч.

Мусса бежал впереди благодаря своим длинным ногам. Он услышал неприятный шум за спиной, краем глаза зацепил охранницу, возникшую в дверном проеме; она целилась из арбалета.

Лин молниеносно устранила ее: выхватила арбалет и дубинку, которая, следуя за разворотом ее тела, описала дугу и с силой обрушилась на охранницу, ломая ей ребра и сбивая с ног.

Мусса нажал кнопку внутренней связи у двери и заорал:

– Эмир, мы здесь!

– Открываю, – раздался голос Эмира, и серебристые металлические двери разъехались. Мусса ждал Лин, которая выпускала один арбалетный болт за другим в гнавшихся за ними охранников.

В крытом переходе над головой Лин началась какая-то суматоха. Мусса свирепо оскалился в улыбке, когда Натан мягко приземлился на пол. Втроем они вбежали в комнату, и Эмир закрыл за ними двери.

Кэл четко осознавал, что он находится в «Анимусе». Он понимал, что фигуры, окружавшие его, нереальны – возможно, даже более нереальны, чем воспоминания Агилара. Он видел их лица, слышал их голоса, но он не чувствовал аромата духов с легкими нотками лаванды, которыми пользовалась его мать. И хотя в предыдущих сеансах он мог вступать в плотный физический контакт с голографическими фантомами – и даже убивать, – сейчас он боялся прикоснуться к матери, боялся, что она растает, как прекрасный сладкий сон.

Ее слова, как и ее лицо, были прекрасны.

– Ты не один, Кэл, – ласково сказала она. – И никогда не был один.

И да, это действительно был ее голос. Он звучал у него в голове сейчас, как и тогда, когда она читала стихотворение Роберта Фроста, неторопливо и тонко, с любовью, внушая детскому восприимчивому уму важность бережного отношения к яблокам.

Голографический фантом матери говорил, и Кэл впитывал каждое слово.

– Прошлое остается у нас за спиной… но тот выбор, который мы делаем, живет с нами вечно.

Она помолчала, глядя ему в глаза, и снова начала говорить, но это были не строчки стихотворения:

– Там, где другие слепо следуют за истиной, помни…

– …ничто не истинно… – От избытка чувств его голос прозвучал низко и хрипло. Он даже не подозревал, что запомнил слова, сказанные Агиларом де Нерхой.

Возможно, он никогда не забывал их.

– Там, где другие ограничены нравственными и иными законами, помни…

– …все дозволено…

Лицо матери осветилось гордостью и печалью.

– Мы трудимся во тьме, дабы служить свету.

– Мы – ассасины.

Она повернулась, когда в круг вступила новая фигура.

Боль и радость смешались в сердце Кэла, когда подошедший поднял голову. Он узнал лицо под капюшоном.

Это был отец.

Но не такой, каким он видел его в последний раз – пожилой, ссутулившийся, с выцветшими глазами, с лицом, измученным душевными страданиями, балансирующий на грани безумия.

Мужчина, стоявший сейчас перед Кэлом, был тем Джозефом Линчем, которого он знал в детстве до того самого дня, когда

тамплиеры приехали и превратили всю его жизнь в ад.

Больше всего на свете Кэл хотел бы удержать этот момент, соединяющий его самые сладкие грезы и самые страшные кошмары. Но Кэл еще не до конца понимал, что делает, и потому не мог удержать его.

В таком же призрачном молчании ассасины один за другим развернулись и стали уходить, исчезая там, откуда пришли.

Последними уходили его родители.

Мать на прощание посмотрела на него с любовью и нежностью, и вместе с отцом они начали удаляться. Кэл смотрел им вслед, пока фигуры в капюшонах не растаяли.

Но, как сказала ему мать, он был не один.

И пока она говорила, новые братья и сестры собрались вокруг него. Сражаясь за свою жизнь, они пробились в этот зал, в это самое мгновение. Он посмотрел на них, затем снял устройство эпидуральной анестезии, причинившее ему столько боли, но подарившее неожиданную радость. Затем сам отстегнул ремень с логотипом ненавистного «Абстерго» и почувствовал настоящее освобождение.

– И что теперь, новичок? – спросил Мусса.

Тот самый Мусса, что подстрекал его прыгнуть с крыши, тот самый Мусса, кто, как сейчас понял Кэл, наблюдал за ним с того самого момента, когда он, полуослепленный и испуганный, еле волоча ноги, появился в саду.

Мусса, он же Батист; и Кэл, он же Агилар.

Рядом с ними молча и выжидающе стояла Лин. И даже Натан, после всего, что видел здесь, тоже встал рядом.

– Мы будем драться, – ответил Кэл.

Они уже колотили в стены и были теперь вооружены не резиновыми дубинками – тяжелыми острыми клинками, которые можно было использовать и как дубинки.

Эмир предполагал, что дело этим и кончится. Тамплиеры были грубыми убийцами, они не владели боевыми искусствами, как ассасины. Но Риккины, и отец, и дочь, очень умны, они сразу поняли, что новичок – особенный. И на этот раз отдали приказ не усмирять непослушных, а убивать.

Их было очень много, и все они колотили в стеклянную стену, чтобы добраться до одного-единственного пациента. Десять – двенадцать – пятнадцать… Эмира переполняла гордость, и он чувствовал, что Юсуф тоже доволен.

Эмир сделал то, что должен был сделать. Он выполнил обещание. Он сдерживал тамплиеров, насколько это было возможно, и позволил своим товарищам попасть в зал с

«Анимусом» и найти новичка. Он освободил всех пациентов-заключенных и каждому дал шанс в бою вырвать право на жизнь, как подобает ассасину, а не быть заколотым в своей клетке, как скотина.

Наконец стеклянная стена треснула и раскололась, тамплиеры хлынули в зал черной, поблескивающей металлом волной. Но Эмир продолжал сопротивляться. Охранники лишь вчетвером сумели схватить его, а пятый нанес смертельный удар.

«Так будет лучше», – пронеслось в меркнущем сознании Эмира.

И Юсуф был с ним согласен.

Вокруг них было много оружия. Оружия, которое столетиями принадлежало ассасинам, а сейчас как исторические экспонаты или антиквариат хранилось в стеклянных шкафах.

– Где Эмир? – спросил Кэл, когда они подошли к шкафам и начали выбирать оружие каждый по своему предпочтению.

– На посту наблюдения, – ответил Натан. – Это он меня выпустил. Всех нас.

Кэл понял, что именно Эмир заблокировал двери зала «Анимуса» и помог им выиграть время.

Кэл не спросил, когда и как Эмир присоединится к ним. Он понимал, что Эмир, закрывшись в комнате наблюдения, выбрал путь в один конец. И догадывался, что остальные это тоже понимают.

Кое-что из оружия казалось четырем ассасинам очень знакомым, хотя никогда в жизни ничего подобного они не держали в руках. Взгляд Кэла упал на лук. Холодок пробежал у него по спине: он вспомнил, как держал оружие в своих руках, вкладывал стрелу и спускал тетиву. Клинком он разбил стекло, стряхнул с лука осколки и потянулся за колчаном со стрелами.

Мусса выбрал самые необычные наручи – с заостренными когтями, которые значительно удлиняли его руку. Кэл не мог четко рассмотреть в тусклом свете, но ему показалось, что металлические когти сверху покрыты каким-то черным составом.

«Меня зовут Батист… Вуду-отравитель».

Натан без лишних рассуждений подошел к мечу – прекрасному клинку с изящным корзинчатым эфесом. Натан поднял его, улыбнулся и махнул крест-накрест, со свистом разрубая воздух. В нем произошла резкая перемена. Из долговязого и неловкого неврастеника он превратился в уверенного и хладнокровного аристократа. На левую руку он надел наручи со скрытым клинком.

И Лин… Кэл даже не представлял, как называется то, что она

выбрала. Нечто кожаное, со скрытым клинком, который выстреливал так же быстро и безотказно, как и много веков назад. И только когда Лин надела этот предмет, как ботинок, на левую ногу и сделала красивый прыжок, Кэл понял, каким смертельно опасным оружием она завладела.

Он вспомнил Марию и два ее уникальных клинка и почувствовал боль утраты, словно это была его личная потеря.

Ассасины были готовы к бою. Кэл натянул тетиву и вложил тонкую длинную стрелу, не затупившуюся, несмотря на прошедшие столетия.

Мусса сжимал и разжимал свою когтистую лапу, в другой руке у него был посох.

Натан словно бы растворился, как только взял меч, попав под власть эффекта просачивания. Кэл был только рад этому. Память предка наполнила мальчишку, и в глазах у него сверкала такая же сталь, как и та, что он сжимал в руке.

Лин держала арбалет, добытый в схватке по дороге к «Анимусу». На боку у нее висел короткий обоюдоострый меч. И в ботинке скрывался клинок.

Тамплиеры безуспешно ломились в дверь.

И вдруг двери разъехались.

Эмир погиб.

Первые двое охранников, ворвавшиеся с криками в зал, тут же отправились вслед за ним – после выстрелов из лука и арбалета. Выпустив стрелу, Кэл превратил лук из стрелкового оружия в ударное – сбил им с ног подбежавшего охранника, затем блокировал удар другого.

Молниеносный разворот – и следующая его стрела попала в глаз еще одному охраннику. Тот как подкошенный рухнул на пол.

Кэл занялся следующим нападавшим, он уклонялся от ударов и наносил свои, двигаясь с радостной легкостью и свободой.

Только сейчас Кэл в полной мере осознал, что всю жизнь готовился к этому – драться плечом к плечу со своими братьями.

Лин с изящной грацией танцовщицы одинаково ловко пользовалась и мечом, и скрытым клинком. Она подпрыгнула, движением ноги выпустила скрытый клинок и полоснула им охранника по горлу. Одного красивого и точного удара хватило, чтобы уложить крепкого охранника.

Приземлившись, Лин выхватила свой цзянь и, рисуя клинком изящные узоры, разбрасывала нападавших на нее со всех сторон охранников со скоростью и яростью демона. Она получала наслаждение от виртуозного танца с мечом. Он был частью ее тела – продолжением руки, как скрытый клинок был

продолжением ноги. Она наконец-то стала самой собой.

Один охранник упал с рассеченным черепом, второй отпрянул назад, зажимая горло, безуспешно пытаясь остановить кровавый фонтан. Третий бросился на нее с дубинкой-клинком. Одним почти небрежным взмахом цзяня Лин отсекла ему кисть.

Лин знала об эффекте просачивания. Но сама она сказала бы, что в нее вселился дух предка, помогая достичь общей для них обеих цели.

В этот момент Шао Цзюнь была счастлива.

Она занималась любимым делом – плечом к плечу со своими братьями дралась против тамплиеров.

Муссу переполняла ярость. Чистая, холодная, расчетливая ярость. За личные обиды, и не только, за все, что мучило его предка и разрывало сердце ему самому. Как и Лин, он дрался со скоростью и яростью демона, орудуя посохом так ловко, словно всю жизнь только этим и занимался.

Это получалось легко и естественно. Он приседал, круговым движением посоха сбивал нападавших с ног, бросался к ним и быстро царапал когтями. Мусса не старался вскрыть сонную артерию. Однажды Батист сказал: «Маленький крюк творит смертельный трюк».

Маленький коготь-крюк выводил противника из строя, а смертельный трюк состоял в том, что тамплиер падал и с пеной на губах бился в конвульсиях, умирая мучительной смертью… маленькая царапина, и больше никаких усилий.

Мусса развернулся, уклоняясь от удара, едва не раскроившего ему череп, и рассмеялся.

Натан мечом легко блокировал удар дубинки-клинка, ловко повернул запястье, и оружие врага отлетело далеко в сторону. Потребовалось лишь мгновение, чтобы восьмидюймовый клинок из наруча на левой руке Натана вошел в сердце охранника. Он упал, а Натан успел увернуться от удара другого охранника, напавшего на него с жестоким оскалом на юном лице.

Черт возьми, он был сегодня в ударе. Меч, словно продолжение его руки, полоснул нападавшего прямо по горлу. Развернувшись с военной точностью, Натан ухватил следующего охранника за плечо и проткнул его мечом.

Резкая боль обожгла ему правое плечо, и рука, державшая меч, ослабла. Арбалетный болт торчал из предплечья. Разъяренный Натан ухватился за него и выдернул. Но подскочившему охраннику удалось выбить из раненой руки меч, отлетевший на недосягаемое расстояние.

Охранник дорого за это заплатил. Натан вонзил окровавленный болт в плечо противника и ударом ноги отбросил его назад. А когда тот повернулся, выпустил скрытый клинок и с большим удовлетворением вонзил ему в горло.

Так-то лучше. Преодолевая боль в плече, Натан схватил другого охранника и при помощи его же собственной дубинки свернул ему шею.

Он остановился перевести дыхание и самодовольно посмотрел на поверженного противника. Даже без оружия настоящий джентльмен превосходит…

Удар в спину неприятно удивил его.

Клинок вошел глубоко и основательно, Натан сразу же почувствовал слабость во всем теле. Он закрутил головой по сторонам, сделал несколько шагов и упал.

«Будь ты проклят, Дункан, высокомерный подонок!» – подумал Натан, и это было последнее, что он успел понять.

Кэл ударом кулака отбросил нападавшего, тот зашатался, но не свалился с ног. Движением запястий Кэл обнажил клинки и крест-накрест располосовал противнику грудь. Охранник упал на колени, Кэл вонзил клинки с обеих сторон ему в шею. Хлынула кровь, и охранник рухнул на пол.

Кэл поднял голову, готовый отразить новое нападение, и увидел лежавшее на каменному полу тело в серой тунике и таких же серых брюках. Глаза Натана оставались широко открытыми. Смерть сделала его лицо совсем юным.

Но время для скорби придет позже. По крайней мере, Натан умер в бою с настоящим противником.

Кэл остановился оценить обстановку. Его грудь блестела от пота, он видел, что Мусса тоже изрядно вспотел, царапаясь, как дикая кошка, или без видимых усилий сворачивая шеи налетавшим на него врагам.

Лин, казалось, совершенно не устала. В руках у нее была тонкая веревка с грузилом на одном конце, и она буквально танцевала на поле боя. Не прилагая лишних усилий, со спокойным, сосредоточенным лицом, она набрасывала веревку петлей на шею или просто разбивала грузилом голову.

Пол был усыпан телами. Кэл не стал терять время на счет поверженных тамплиеров, но на глаз их было не меньше дюжины, а возможно, и вдвое больше. Не стоило обольщаться, скоро их место займут вновь прибывшие, если только освобожденные Эмиром ассасины не помогут Кэлу и его товарищам.

Над головой послышался отчетливый звук, заставивший Кэла выключиться из боя. Он застыл на месте, как в тот раз, когда его

обступили ассасины из минувших столетий. Но краем глаза он все же следил за тем, что происходит вокруг.

Он слышал, как Алан Риккин сказал, что получил все, что ему было нужно, и отдал приказ очистить здание. Он видел, что София сопротивлялась… но ее утащили силой.

Они знают, где спрятано Яблоко.

И звук над головой – это шум работающего винта вертолета. Они улетают в Севилью, чтобы забрать Яблоко Эдема.

Кэл сорвался с места прежде, чем успел принять решение, запрыгнул на обездвиженную руку «Анимуса», ставшую для него орудием пыток и великим благом, и начал, словно обезьяна, взбираться по ней наверх. Лин, разделавшись с последним охранником, последовала за ним.

Алана Риккина надо остановить во что бы то ни стало. От этого в буквальном смысле зависит судьба всего человечества.

Выход на крышу преграждало огромное круглое окно. Яростным движением Кэл обнажил клинок и ударил в центр стеклянного круга. Стекло разлетелось и осыпало его дождем осколков, оставляя на теле мелкие порезы.

Кэл, не обращая внимания на боль, подпрыгнул и забрался на большой купол крыши. Вертолеты поднимались в воздух.

Кэл бросился за ними, перепрыгнул с купола на плоскую часть крыши и побежал изо всех сил, но было поздно. Ему не хватило минуты – может быть, двадцати секунд.

Каллум Линч стоял один на крыше реабилитационного центра фонда «Абстерго» и смотрел, как вертолеты с тамплиерами исчезают в серых облаках, затянувших небо.

Глава 25

София никогда раньше не была в соборе Мария-де-ла-Седе, больше известном как Севильский кафедральный собор. Она редко позволяла себе выходить за пределы мадридского фонда «Абстерго», и то лишь по тем делам, которые были непосредственно связаны с ее научными исследованиями. Доныне собор не был в круге ее интересов.

Разумеется, она знала о его существовании. Невозможно быть тамплиером и не знать, какую важную роль играли соборы в Средние века, особенно такие большие. Когда-то религия была основным инструментом, позволявшим ордену тамплиеров определять и контролировать судьбу человечества.

По преданию, в 1401 году на месте бывшей мечети, оставшейся после Реконкисты, капитул решил «построить настолько хорошую церковь, чтобы ее никогда нельзя было превзойти. Пусть потомки восторгаются ею после завершения и скажут, что те, кто осмелился задумать эту работу, были сумасшедшими».

София считала, что, если бы члены капитула дожили до завершения строительства собора в 1506 году, они бы порадовались, что все сбылось, как они и мечтали. Севильский собор до сих пор оставался одним из крупнейших готических соборов в Европе, от его красоты и величия захватывало дух.

Высота центрального нефа ошеломляла – сорок два метра. Солнечный свет, льющийся сквозь огромные витражные окна, отражался от позолоченного алтаря и наполнял собор теплым радужным сиянием. София могла себе представить, как под высокими сводами собора, пропитанного тонким ароматом ладана, сметенная душа человека обретала покой и умиротворение. Но сама она покоя не находила. Ее сердце ныло

от чувства вины, страх и злость невыносимой тяжестью давили на плечи.

С той самой минуты, как вертолеты покинули крышу реабилитационного центра фонда «Абстерго», София ни словом не обмолвилась со своим отцом. Она видела, что вертолеты перевозили в безопасное место и часть их команды. София слишком хорошо знала отца, чтобы счесть это проявлением доброты и заботы о людях. Она слышала, как отец приказал Макгоуэну законсервировать «Анимус», и люди, которые обеспечивали его работу, были всего лишь ценной частью этой машины. Чтобы нанять и обучить новых сотрудников, потребовалось бы много времени и денег.

В мире Алана Риккина все решалось просто.

Вертолет с крыши реабилитационного центра доставил их прямо к собору, по радиосвязи священнослужителям объяснили, что крайне необходимо к их прибытию закрыть собор, освободить его от посетителей и вскрыть саркофаг с телом Колумба. Нет, не надо вызывать архиепископа, под чьим присмотром должно проходить вскрытие, достаточно тех епископов, что в данный момент находятся в соборе. Более того, ее превосходительство тоже выразила желание приехать, требуется обеспечить прием, соответствующий ее статусу.

Так же молча, как и во время полета, отец и дочь Риккины прошли по мраморному полу собора. София следовала позади отца на расстоянии в несколько шагов. На нее никто не обращал внимания. Все знали и уважали Алана Риккина, а София для встречающих его епископов была лишь бесплатным приложением к важной персоне.

Три четверти жизни Колумб провел в плаваниях, но и после смерти ему пришлось изрядно попутешествовать. Его останки из Вальядолида – города на северо-западе Испании, где он умер в 1506 году, – перевезли в Севилью, а в 1542 году их переместили в колониальный Санто-Доминго, ставший столицей современной Доминиканской Республики. Там они пребывали до 1795 года, а затем отправились на Кубу, в Гавану. С 1899 года останки хранились в Севильском кафедральном соборе, в богато украшенном саркофаге, под стать интерьерам храма. Саркофаг поддерживали не ангелы и не колонны, а четыре аллегорические фигуры, представляющие четыре испанских королевства: Арагон, Кастилию, Леон и Наварру.

София остановилась, дав отцу возможность поговорить с епископом один на один. Она отметила про себя, что Христофор Колумб, чей прах покоится теперь в такой роскоши, умер в бедности. Он легко мог избежать такой участи, если бы продал

Яблоко Эдема тамплиерам.

Они прибыли вовремя. Один из епископов как раз вылезал из саркофага, осторожно прижимая к груди маленькую, богато украшенную металлическую шкатулку.

София охнула.

Это была не та шкатулка, которую она видела в Анимусе.

Неужели Яблоко, которое она искала всю свою жизнь, исчезло – или было украдено – во время посмертных путешествий Колумба?

Кто-то внутри нее – абсурдно, безумно и предательски – надеялся, что так и произошло.

Епископ протянул шкатулку отцу, тот долго смотрел на нее, прежде чем взять в руки.

«Это я должна была открыть шкатулку», – подумала София.

Во рту у нее пересохло. Она всю жизнь работала ради этого момента и позволила отцу совершить жестокое преступление во имя Яблока Эдема. Она обещала защищать Кэла, а сама бросила его.

В голове прозвучали циничные слова отца: «Мы просто оставляем их один на один с неизбежной судьбой».

И отец, который силой заставил ее бросить там Кэла, будет единственным, кому достанутся все лавры.

София услышала за спиной цокот высоких каблуков, эхом отзывавшийся под сводами огромного собора. Она обернулась и увидела Эллен Кэй. Председатель совета директоров и глава совета старейшин подошла и остановилась рядом с ней.

– Ваше превосходительство. – София склонила голову в знак уважения.

Эллен Кэй не ответила на приветствие. Две женщины стояли и смотрели, как Алан Риккин медленно открывает маленькую металлическую шкатулку.

– Слава достанется вашему отцу, – неожиданно сказала Эллен Кэй. – Но мы обе знаем, кто ее больше заслуживает.

София повернула голову и посмотрела на нее с удивлением и благодарностью. Она и раньше встречалась с Эллен Кэй, но, казалось, глава совета старейшин не проявляет к ней никакого интереса. Сейчас немолодая женщина удостоила ее улыбкой, сдержанной, как сама Эллен Кэй, но искренней.

– Ваше время еще придет, дитя мое.

Глава совета старейшин ордена тамплиеров подошла и встала рядом с исполнительным директором «Абстерго индастриз». Вместе они рассматривали Яблоко Эдема. А София Риккин, ученый, нашедший Артефакт, глядела издалека – незваная, непризнанная, ненужная.

Пока она стояла в одиночестве, мысли ее невольно вернулись к той женщине в капюшоне, у которой было лицо Софии.

София номинально считалась англичанкой, она родилась в Англии и провела там детство, но потом редко туда возвращалась. В Англии для нее было слишком влажно и пасмурно.

Маленькой девочкой она часто спрашивала, почему небо так много плачет? Оно тоже потеряло свою маму? Она никак не могла разорвать эту ассоциативную связь. А в Англии дождь либо шел, либо собирался, либо только что закончился.

Этим вечером он только что закончился. Оживленная дорога, черная и мокрая, блестела в свете уличных фонарей, машина подвезла Софию и остановилась напротив Тамплиер-Холла, той сцены, на которой сегодня вечером устроит представление ее отец.

Машины подъезжали непрерывно – тамплиеры со всего мира собирались на эпохальное событие. Политики, религиозные лидеры, промышленные магнаты – всего более двух тысяч человек.

«Полный аншлаг», – раздраженно подумала София.

Она вышла из машины, захлопнула дверцу и перешла улицу, остановилась у большого каменного здания, поражавшего своей строгостью и мощью, что не лишало его красоты. В одной руке она сжимала несколько листков бумаги, так крепко, что они помялись.

На ней было строгое платье, туфли на высоком каблуке и – все черного цвета.

Соответственно событию.

Разумеется, были предприняты все возможные меры безопасности: камеры слежения, металлодетекторы, служебные собаки, комнаты личного досмотра. На входе Софию встретили, бегло, словно извиняясь, произвели досмотр и пропустили внутрь здания.

Она нашла отца в одном из боковых гардеробов. Он примерял традиционную мантию тамплиеров поверх элегантного костюма с Сэвил-роу и рассматривал себя в зеркале.

Увидев ее отражение, отец мимолетно улыбнулся и поправил свой восхитительный галстук.

– Как я выгляжу?

Как обычно, он долго возился с запонками. София не предложила помощи.

Она окинула взглядом идеально подстриженные седеющие волосы, благородные морщины, жесткие складки черной с темно-

бордовым подбоем мантии, медальон с красным квадратным крестом на груди.

– Как тамплиер, – ответила София.

Отец не заметил, каким ледяным тоном она это произнесла, вернее, ему это было безразлично. Он просто не придал этому значения.

– Мир без насилия, – сказал он. – Тебе дадут за это Нобелевскую премию. Пора садиться и писать нобелевскую речь.

– Я прочитала твою.

Эта фраза привлекла внимание Алана Риккина. Его движения замедлились, он посмотрел прямо в глаза ее отражению в зеркале.

– И?

София опустила взгляд на зажатые в руке листки и громко прочитала строчки, которые все ее существо отрицало:

«Уничтожив свободу воли, мы уничтожим ассасинов – раковую опухоль, которая терзала человечество веками».

Она особенно выделила слова «раковая опухоль». Когда-то она сказала Кэлу: «Агрессия такая же болезнь, как рак. Мы научились лечить рак, когда-нибудь научимся лечить и агрессию».

София ставила знак равенства между раком и агрессией, а для ее отца сами ассасины были раковой опухолью.

Она зло перебирала листы:

– «Подонки… гадкий сброд…»

– Это не лучшие эпитеты, но точные определения, – сказал Алан Риккин.

– Это не точные определения, это геноцид! – выкрикнула София.

– Начинается новая эра.

Голос Алана Риккина прозвучал спокойно и рассудительно, и, когда он повернулся к Софии, выражение его лица было самым благодушным.

– София, ты совершила великое дело. Ты не вполне понимаешь это сейчас, но со временем поймешь. Мы столетиями бились над решениями. А ты, моя дочь… ты устранила саму проблему.

София знала, что отец презирает ассасинов. Один из них убил ее мать, и она сама выросла с ненавистью к братству. Она не хотела, чтобы еще чья-нибудь семья пострадала, как ее… или Кэла.

Странно, что ребенок тамплиера и ребенок ассасина пережили похожее горе.

Страшное горе.

София хотела положить конец страданиям. Отчаянно стремилась к этому. Настолько отчаянно, что не видела или отказывалась видеть то, что всю жизнь было у нее прямо перед глазами.

– Мы… я… делала это, чтобы спасти людям жизнь, – тихо произнесла она, настолько пораженная собственным открытием, что едва могла говорить.

– Не все заслуживают жизни, – сказал Алан Риккин.

София вздрогнула, вспомнив лицо женщины-ассасина, так поразившее схожестью с ней самой.

Алан Риккин посмотрел на часы и направился к двери. Он на секунду остановился и вопросительно вздернул бровь, увидев, что София осталась стоять на месте.

Все еще ошеломленная, она двинулась в зал за ним мимо облаченных в мантии тамплиеров, большинство из которых стояли с откинутыми капюшонами.

Лавируя между ними, София никак не могла понять, как случилось, что ее мечта исказилась невероятным образом.

– Значит, моя программа…

– Принесет человечеству долгожданный порядок, – закончил за Софию отец с неприемлемой для нее логикой. – Мы станем свидетелями рождения золотой эры человечества.

«Купленной ценой крови неисчислимых миллионов. Ничего хорошего такая золотая эра не принесет».

Чувство вины было таким сильным, что у Софии едва не подкосились ноги.

– И я за это в ответе.

– Плоды нашего труда принадлежат старейшинам. Сегодня их звездный час.

София никак не могла поверить: неужели отец ее не понимает? Или он просто в очередной раз сбрасывает ее со счетов?

«Какой же глупой я была! – подумала София. – И какой слепой!»

– Ты лгал мне, – сказала она. И это были не раздраженные упреки подростка, протестующего против родительского контроля. Просто констатация факта.

Он лгал не только о том, как будут использованы результаты ее многолетних научных исследований. Он внушил ей ложь о том, кто такие тамплиеры и кто такие ассасины.

Алан Риккин посмотрел на нее, и на мгновение его лицо смягчилось, а голос прозвучал добрее, чем когда-либо раньше, но слова ранили больнее клинков ассасина.

– Я всегда знал: ты в первую очередь ученый и только потом

тамплиер.

И в этом было все его отношение к ней после смерти ее матери и его жены.

София посмотрела на него глазами, полными тоски и страдания.

– Ты проделала блестящую работу, она произвела на нас сильное впечатление, – сказал Алан Риккин. – Ее результаты подтвердили наше предположение, что людей от насилия не излечить.

Так вот в чем дело.

– Стало быть, – голос Софии прозвучал холодно и твердо, – ты все продумал заранее.

– Не совсем. Моя речь… ей не хватает элегантной концовки.

Какое-то мгновение София просто смотрела на отца, опасаясь, что он скажет нечто вроде того, что надо уничтожить не только ассасинов, но и свободу воли как таковую.

И вдруг она поняла. Алан Риккин хочет, чтобы она была с ним.

Не просто как полезный сотрудник, он и так использовал все ее таланты в своих интересах. И не как редактор, облекающий его мысли в изящные формулировки.

Это был вопрос отцов и детей. Алан Риккин хотел, чтобы дочурка была на его стороне. Как верный союзник и преданный соратник.

Она вспомнила их разговор несколькими днями раньше и его вопрос: «Не кажется ли тебе, что я выгляжу старым?» Никто не живет вечно, даже великий магистр ордена тамплиеров. И он хотел, чтобы его единственный ребенок с искренней верой и самоотверженностью продолжил дело отца.

Он никогда открыто не выражал отцовских чувств, и все проблески любви и теплоты исчезли со смертью ее матери.

Сдержанность и холодность – так он выражал свое уважение. Так он выражал свою любовь.

Но сегодня вечером он показал ей нечто большее. Он демонстрировал ей это постоянно, раз за разом, снова и снова. И только одобрение им геноцида помогло ей понять, насколько глубоко Алан Риккин бесчеловечен и жесток. И сейчас он предлагал ей то, что мог предложить, и она видела слабую надежду на его настороженном лице.

Но этого было слишком мало, и было слишком поздно.

Рыцарь без страха и упрека помог ей прозреть. София посмотрела отцу в глаза и процитировала:

– «Я смерть, разрушитель миров»[17].

У Алана Риккина нервно дернулась щека. Но и только.

– Не уверена, что смогу продолжать эту работу.

Из-за закрытых дверей долетел голос и оборвал то немногое, что еще удерживало их непрочную душевную связь.

– И с великим удовольствием я представляю вам архитектора будущего, которое открывается перед нашим древним орденом. Встречайте – великий магистр ордена тамплиеров, исполнительный директор «Абстерго индастриз» и фонда «Абстерго» доктор Алан Риккин!

Двери распахнулись, и поток света хлынул в полумрак коридора. Не удостоив ее взглядом, Алан Риккин развернулся и вошел в зал с таким видом, будто там, за дверями, пока он ждал приглашения, ничего не произошло, абсолютно ничего.

Глава 26

Зал взорвался громом аплодисментов и криками – более двух тысяч тамплиеров приветствовали Алана Риккина. Прожекторы освещали его на всем пути к подиуму, словно он был рок-звездой. «Вероятно, так оно и есть», – подумала София.

Приятный голос отца полетел в затихший зал, готовый ему внимать.

– В течение многих столетий, – начал Риккин, – мы вели войну с врагом, который считал, что интересы отдельного индивида превыше мира и покоя всего человечества. И вот пришло наше время – мы обнаружили и завладели потерянным в веках Артефактом и можем раз и навсегда покончить с ассасинами.

Снова бурная овация. И восторженные крики. София чувствовала себя как никогда несчастной и подавленной, она вдруг поняла, что презрительное отношение отца к окружающим не было исключением в среде тамплиеров. Оно было общим правилом.

– У нас в руках генетическая путеводная нить к человеческим инстинктам…

София прищурилась от яркого света, почувствовав приступ тошноты. Свет был слишком яркий, слишком белый. Он словно обнажал ее, делал чрезвычайно уязвимой. Словно раненому животному, ей хотелось спрятаться в темноте, тишине и одиночестве, чтобы зализать раны и со временем поправиться, если это вообще возможно.

– Любой порыв к независимости, противодействию или сопротивлению отныне будет подавлен. Любое инакомыслие, способное помешать нам на пути прогресса, будет вырвано с корнем, – продолжал Алан Риккин.

София вышла и направилась к парадному входу, за спиной стук ее каблуков постепенно заглушал монотонный голос отца. Впереди, у витражного окна, она заметила чью-то фигуру. Вероятно, один из опоздавших тамплиеров в традиционной мантии.

И вдруг осознала, что этот человек движется иначе, чем тамплиер.

Речь отца, в которой ненависть и призыв к геноциду облачались в невинные, банальные формулировки, все еще летела над залом.

София остановилась, когда незнакомец подошел ближе. Она не видела лица за низко опущенным капюшоном, но ей и не нужно было. Она узнала эти движения, эту грацию и пластику большой кошки. Все это она видела в «Анимусе». А теперь видела здесь, в самом неподходящем – и опасном – для него месте.

Она понимала, что должна была бы прийти в ужас от его появления. Этого человека она держала в неволе и подвергала изощренным пыткам. Но София почувствовала только облегчение – он сумел выжить.

Он остановился на расстоянии трех футов. И теперь она видела его лицо: твердый подбородок, поросший светлой с рыжинкой щетиной, его немигающие глаза, смотревшие прямо и открыто даже тогда, когда он был беспомощным заключенным.

У Софии перехватило дыхание. От страха, тоски или влечения – или от всех этих эмоций, что одновременно обрушились на ее сердце, которое она с раннего детства оберегала от подобных вещей.

Ей столько всего хотелось сказать ему. Но вырвалось совсем другое:

– Мне достаточно просто закричать.

Она сама не понимала, угроза это или предупреждение. Всего несколько дней назад все в ее жизни было ясно и заранее предопределено. Упорядочено.

А этот человек и то, что он ей открыл о себе, об ассасинах и о Софии Риккин, – все это превратило ее жизнь в непостижимый, прекрасный и пугающий хаос.

Она не закричала. И он знал, что она не закричит. Несмотря ни на что, он доверял ей.

В глазах Кэла София видела понимание и сочувствие, хотя у него были причины ее ненавидеть. Тихо, как всегда, он произнес:

– Я помогу тебе, а ты поможешь мне.

София заморгала, слезы жгли ей глаза. Но она старалась не расплакаться. Когда-то София сказала ему нечто подобное. И тогда она искренне рассчитывала на взаимную помощь.

– Я больше ничем не могу тебе помочь.

Ни ему, ни человечеству… ни даже себе самой.

– А как же твои грандиозные планы? Излечить насилие. Победить агрессию.

Он смеется над ней? Издевается, пытается вызвать у нее чувство стыда? Нет. Нет, Кэл так поступить не мог. Так мог поступить только ее отец.

– Моим планам не суждено сбыться.

Голос ее дрогнул, а сердце сжалось от беспощадной правдивости этих слов.

Кэл продолжал смотреть на нее, и сейчас его глаза сделались печальными. Он подошел ближе. Сердце ее учащенно забилось. Она снова запуталась в своих эмоциях, которые слишком долго подавляла. Что он хочет: поцеловать ее или убить?

И чего она сама хочет?

Кэл не сделал ни того ни другого. Он даже не дотронулся до нее.

– Ты это начала, Софи, и не можешь теперь уйти в сторону.

Откуда ему это известно? Откуда он знает имя, которым мама называла ее в детстве? Непроизвольно в голове промелькнуло лицо той женщины в капюшоне ассасина, так похожее на ее собственное лицо.

«Кто мы друг другу, Кэл?»

– Мы оба знаем, что сейчас произойдет, – прошептал он и добавил, повторяя слова ее отца: – Не все заслуживают жизни.

Да, она знала, что сейчас произойдет. Точно знала, что он сделает и почему. И заранее оправдывала его поступок. Ассасины не заслуживают той судьбы, которую пророчил им отец в своей речи, обращенной к ликующей публике, обособляющей себя от всего человечества. Кэл не заслужил, чтобы его выбросили, как изношенную рубашку. Она не осуждала его за желание отомстить, да и выражением лица он никак не походил на фанатика, ослепленного жаждой мести.

Каллум Линч желал иного – справедливости. А что это такое, ассасины, чья привычка подчиняться своим эмоциям казалась тамплиерам отвратительной, понимали лучше своих извечных врагов.

Отец, презирающий весь мир, небрежно отказывающий в праве на жизнь миллионам людей. Умри Алан Риккин хоть тысячу раз, это все равно не стало бы справедливым воздаянием за его грехи.

У них с Кэлом было намного больше общего, несмотря на все различия между ними, незримая связь возникла с самого первого дня, когда он появился в реабилитационном центре. Как и ее

отец, Кэл хотел, чтобы София была с ним. Но он хотел, чтобы она сохранила в себе все то, что отец и орден тамплиеров стремились уничтожить: ее вдохновение, любознательность и способность сострадать.

– Я не могу этого сделать, – прошептала София.

И внутри у нее что-то дрогнуло от этих слов.

«Я была несчастной всю свою жизнь. И смогу жить, даже если стану еще несчастней».

Кэл все с той же добротой посмотрел ей в глаза, потом спустился взглядом к ее губам и снова заглянул в глаза.

– Ты… сможешь.

Медленно, очень медленно он наклонился к ней.

София закрыла глаза.

От Кэла не пахло одеколоном, накрахмаленным воротничком и шерстью дорогого костюма, как от ее отца. Он пах потом, кожаной одеждой, скрытой под мантией тамплиера, и свежестью вечернего дождя. И вдруг София захотела только одного – сбежать от тамплиеров, от их лжи и от отца, который был олицетворением всего наихудшего в ордене. Узнать, кто такая та женщина, которая смотрела на нее из круга ассасинов, вызванных «Анимусом».

Но это было неосуществимое желание. Ее бы не спас даже прыжок веры. Ее отец – чудовище, но это ее отец, единственный, кто у нее есть. Орден, к которому она принадлежит, чудовищно заблуждается, но это единственный мир, который она знает.

Кэл почувствовал ее состояние и двинулся к залу, почти бесшумно, лишь тихо шурша одеждой. Она осталась стоять, дрожащая и еще более потерянная, чем когда-либо прежде.

Глубоко вздохнув, София попыталась успокоиться. До ее слуха долетел голос отца:

– Воздадим славу не себе, но будущему. Будущему, которое необходимо очистить от Кредо ассасинов.

«Очистить». Так он сказал, покидая здание фонда «Абстерго», – хладнокровно отдал приказ убить всех заключенных. Пациентов! София тряхнула головой, сбрасывая оцепенение, словно она возвращалась к реальности из мира иллюзий, пробуждалась от наркотического сна, полного невыносимых кошмаров. Новая волна аплодисментов захлестнула зал.

В юности отец учил ее играть в шахматы. Но она не увлеклась игрой с такой страстью, как наукой, желанием проникнуть в тайны мироздания. И многие годы София не прикасалась к шахматной доске. Но сейчас ей вдруг вспомнился немецкий термин «цугцванг». Дословно он переводится как «двигаться по

принуждению» и описывает положение, в котором любой следующий ход игрока оказывается для него невыгодным. И сейчас София была в таком положении: предупредить отца или ничего не предпринимать и позволить случиться тому, что должно случиться.

Ассасин… или тамплиер.

Слезы, которые она так упорно сдерживала, наконец прорвались и потекли по щекам. София даже не пыталась их утереть и никак не могла понять, почему она плачет. И по кому.

– Дамы и господа, – объявил отец знакомым тоном – торжественным, громким, с ноткой волнения. – Позвольте предъявить вам… Яблоко Эдема!

Зал взорвался. София не подозревала, что сдержанные тамплиеры могут так бурно выражать восторг и одобрение.

София продолжала стоять, будто окаменела. Она не могла пойти с Кэлом и не могла остановить его.

И тут раздался крик.

Время странно замедлилось, звуки поднявшейся паники казались далекими, приглушенными. Сама София не кричала – в этом не было смысла. Мимо бежали обезумевшие тамплиеры, ища спасения. Их восторг от идеи уничтожить всех ассасинов растворился в ужасе, вызванном появлением одного-единственного ассасина, который нанес удар в самое сердце ордена.

София развернулась и медленно, все еще пребывая в заторможенном состоянии, пошла по направлению к залу – против потока бегущих, спотыкающихся, путающихся в своих мантиях тамплиеров. Она почувствовала, как кто-то на ходу коснулся ее руки, оставив в воздухе след запаха пота и свежести дождя, а потом исчез.

Он мог убить без разбора еще с десяток заклятых врагов, но пришел забрать жизнь только одного человека.

Забрать только одну вещь.

София поднялась на сцену, где не было никого, кроме тела ее отца. Убийца был искушен в своем деле: быстрое движение клинка – и практически мгновенная смерть. В этом убийстве было больше милосердия и сдержанности, чем в самом Алане Риккине.

Из раны все еще текла кровь, образуя лужицу под неподвижным телом. От слез у Софии плыло перед глазами, она с трудом перевела взгляд с лица отца на его правую руку.

Яблоко Эдема исчезло, вместо него в мертвой руке лежало обычное зеленое яблоко.

Цугцванг.

И словно что-то оборвалось внутри у Софии.

– Это моя вина, – произнесла она.

Это было не самобичевание, а истинная правда. Она была соучастницей, она желала этого, и каждый ее шаг неумолимо вел к этому мгновению – и вот ее отец лежит на синем ковролине сцены в луже крови. Она сжигала себя, чтобы произвести впечатление на этого человека, пытаясь своим умом, своими научными открытиями завоевать его любовь. Она прилагала невероятные усилия, чтобы найти для него Яблоко, и она нашла. Но была слишком слаба, чтобы выразить отцу открытое неповиновение, когда он обнажил перед ней свою истинную природу.

И она не смогла предупредить отца, когда ассасин пришел его убить.

– Я верну Артефакт старейшинам, – услышала София свой собственный голос.

К ней подошел Макгоуэн, но она не могла отвести глаз от того, что видела перед собой. И смотрела она не на лицо отца, не в его застывшие от удивления глаза, а на зеленое яблоко в его руке.

В этом зеленом яблоке не было необходимости. Это было послание тамплиерам… и Кэл предугадал, что София увидит его первой.

Что бы ни сделал Алан Риккин, он был ее отцом – единственным родителем. Сейчас она стала сиротой. Кэл не просто забрал у него жизнь, забрал возможность измениться. Лишил Софию шанса сблизиться с отцом, достигнуть взаимопонимания и наконец начать уважать человека, связанного с нею на уровне ДНК. И теперь она никогда не сможет задать отцу вопрос и выяснить, кем была та женщина с ее лицом в капюшоне ассасина.

Каллум Линч оборвал настоящее Алана Риккина, вместе с ним и его будущее растворилось, как голографические фигуры, создаваемые «Анимусом» в процессе имитационного моделирования.

А этого дочь Алана Риккина не сможет простить.

– Линч, я сделаю это ради себя, – сказала София.

Она почувствовала, как мурашки побежали у нее по спине. Внимание тамплиеров было направлено на нее. Слезы больше не текли по ее побледневшему лицу. Она сжалась и застыла от горя, как кровь, что больше не текла из раны отца. Она медленно повернулась, точно зная, кого увидит у себя за спиной.

Эллен Кэй, сцепив руки в замок, молча стояла в окружении нескольких старейшин и смотрела на Софию. София вспомнила, как они вместе стояли в соборе и наблюдали за Аланом

Риккином, внимательно рассматривавшим Яблоко Эдема.

«Ваше время еще придет, дитя мое».

– Воздадим славу не себе, но будущему, – произнесла Эллен Кэй.

Никто не остановил Софию, когда она направилась к выходу в сопровождении Макгоуэна, который одним своим недружелюбным взглядом заставлял толпу расступиться.

За пределами Тамплиер-Холла город жил своей обычной жизнью. И люди не догадывались, как разительно все изменилось. Но очень скоро они об этом узнают.

София услышала приближавшийся вой сирен и собрала волю в кулак. Впереди много дел. Сейчас начнется осмотр места происшествия, допрос свидетелей. Будет сфабрикован и представлен прессе правдоподобный рассказ о трагической гибели исполнительного директора «Абстерго индастриз» Алана Риккина.

София подняла голову и посмотрела на темное вечернее небо: сквозь густую серую пелену не пробивалась ни одна звезда, не видно было ни одного силуэта облака. Она обвела взглядом крыши домов. Где-то там прятался человек, который мог стать ее любовью, но стал врагом.

Но ничего, тамплиеры найдут его.

Найдут их всех.

Эпилог

Ассасин стоял на крыше здания. Внизу текла Темза. Темнота ночи окутывала его. Он снял мантию тамплиера, выполнившую свою роль маскировки, и остался в длинном темно-синего цвета шерстяном платье ассасина, хорошо защищавшем от холода лондонской поздней осени.

Он был не один. Рядом с ним на крыше стояли его братья и сестры. Их было много. Ассасин заметил на небе силуэт большой хищной птицы. Орел? Возможно. Вполне возможно.

Он мог смотреть глазами птицы.

И в каком-то смысле он мог летать, как ему мечталось в детстве.

Каллум Линч глубоко вдохнул, раскинул руки и спрыгнул.

Регрессии

Субъект:
Натан

Натана дважды стошнило, пока он находился в своем блоке. Все его существо сопротивлялось возвращению в машину, в железные тиски руки. Он не хотел видеть незабываемо-прекрасное, немного печальное и вместе с тем непреклонное лицо Софии Риккин, перед тем как его в облике ничтожного ассасина Дункана Уолпола уносит в водоворот насилия и страстей.

Но еще меньше Натан хотел превратиться в одного из тех несчастных обитателей «комнаты беспредельной пустоты». И поэтому на этот раз он согласился отправиться в машину добровольно. София улыбнулась и сказала, что рада решению Натана по доброй воле войти в «Анимус», заверив, что потребуется всего несколько регрессий и на этом все закончится.

По лицу Натана текли слезы, когда он кивал головой в знак согласия.

«Я ненавижу его. Ненавижу Дункана Уолпола. Ненавижу, как он обращается с людьми, ненавижу его отвратительное высокомерие и жадность.

Я ненавижу его, потому что он слишком похож на меня.

Я хочу быть лучше».

Регрессия: Лондон, 1714 г.

Голова раскалывалась, словно внутри кто-то колотил молотом по наковальне. В этом не было ничего необычного. Так Дункан Уолпол чувствовал себя практически каждое утро. Он знал, что единственное спасение в том, чтобы вывалиться из постели – иногда в прямом смысле этого слова – и отправиться в кофейню Блейка. Кофе, густой и мутный напиток, недавно вошел в моду, и Уолпол любил повторять, что не знает, что с ним делать: выпить, обмакнуть в него перо и писать письмо или просто вылить в ночной горшок. Но несколько глотков горячего, бодрящего и уже вошедшего в привычку напитка делали голову ясной, и он целый день мог заниматься делами как Ост-Индской компании, так и ассасинов.

Лондон славился тремя тысячами питейных заведений, у каждого было свое лицо и своя клиентура, и не раз Дункан узнавал там нечто полезное для обеих организаций, на которые

работал. Разделавшись с делами, он снова возвращался к выпивке и визитам в здешние бордели.

Иногда, что было весьма удобно, и горячительные напитки, и любовь подавали в одном месте. Ему нравились эль и шлюхи в таверне «Английская роза» в Ковент-Гардене. Там было и дополнительное развлечение, к которому Дункан испытывал пристрастие, – в отдельной комнате в подвале проводились петушиные бои. Конечно, не такие захватывающие, как травля привязанного быка собаками[18], но хоть какая-то кровавая забава, пока в одной руке держишь кружку эля, а другой рукой обнимаешь девку.

Стук в дверь вонзился в виски острыми иглами, и Дункан зашипел от боли.

– Пошел прочь! – заорал он и снова поморщился, оглушенный собственным голосом.

– Простите, сэр, вам сообщение, – сказал за дверью детский голос.

Дункан застонал, узнав голос. Он с трудом поднялся, моргая и щурясь от слишком яркого, несмотря на закрытые ставни, света. Он посидел на краю кровати, сообразив, что вернулся ночью в таком бессознательном состоянии, что забыл снять кюлоты. Из кучи монет на небольшом изящном столике он взял одну, приложил к разламывавшейся от боли голове, кое-как дошел до двери и открыл ее.

Джеффри, скорее всего, не догадывался, кем был и чем занимался его хозяин. И это его незнание сохраняло ему жизнь. Все, что следовало знать мальчишке, – это то, что ему хорошо платят и требуют за эту плату самую малость – доставлять сообщения и пакеты.

Джеффри был восьмилетним парнишкой с сияющими голубыми глазами и белокурыми локонами. Именно такими принято изображать ангелочков на живописных полотнах и фресках. В больной голове Дункана вяло ворочалась мысль: понимает ли Джеффри, что ассасины так много платят ему потому, что желают уберечь его от общения с другими мужчинами, безбожно падкими на такую ангельскую внешность?

«Не позволяй клинку поразить невиновного» – одно из правил Кредо ассасина. И уж коли такое правило существовало, Дункан его соблюдал. Хотя он уже не был таким идеалистом, как десять лет назад, когда присоединился к братству, но, глядя на мальчика, был рад существованию такого правила. Дети не заслуживают той жестокости, с какой Лондон – и вообще весь мир – иногда с ними обращается.

– Простите, сэр, что разбудил вас, но вам передали

сообщение и сказали, что оно очень важное.

«Рэндоллу важно знать все, даже в какое время один из его ассасинов справляет малую нужду», – подумал Дункан, но вслух ничего не сказал. Для этого требовались силы, а их у него в данный момент не было, поэтому он просто кивнул, привалился к дверному косяку и махнул мальчишке рукой, чтобы тот продолжал.

– Он сказал, что вы должны пообедать с ним в час дня и на обед будет говядина, – сказал мальчик и добавил с очевидной неохотой: – И вы… вы должны быть трезвым. – Увидев, как перекосилось лицо Уолпола, мальчик поспешил сменить тон: – Если вам будет угодно, сэр.

Дункан раздраженно хмыкнул. Как и сам Рэндолл, сообщение было ясным и конкретным.

– Я не думаю, что он сказал последние слова, не так ли?

– Ну… да, сэр, он не говорил: «если вам будет угодно».

– Молодец. Лгать не надо. По крайней мере, мне. Договорились?

Дункан кинул мальчишке монету и хотел было закрыть дверь.

– Простите, сэр, но мне велено получить от вас ответ.

Дункан красноречиво выругался.

– Мне так ему и сказать, сэр?

«Было бы неплохо», – подумал Дункан.

– Не стоит. Скажи, что я приду.

– Да, сэр. Спасибо, сэр!

И мальчишка пустился вниз по лестнице.

Дункан стоял, все так же прислонившись к дверному косяку. Его съемная квартира на Тоттнем-Корт-роуд была небольшой, но изысканно убранной. Хотя он редко бывал здесь – по крайней мере, в сознательном состоянии. Но в каком состоянии ни оценивай, все равно обстановка была не из дешевых. Дункан с трудом дотащился до стола и взял карманные часы, подаренные ему на совершеннолетие троюродным братом, Робертом Уолполом. Они с братом никогда не были особенно близки, но часы Дункану нравились.

В первой половине дня у него не было никаких дел в штаб-квартире Ост-Индской компании. Сейчас было только семнадцать минут одиннадцатого.

До встречи с Наставником ассасинов еще была масса времени, чтобы принять горячую ванну и зайти в кофейню.

«На обед будет говядина» означало, что встреча состоится на Флит-стрит у заведения «Рог», где миссис Сэлмон выставляла восковые фигуры. Аттракцион пользовался невероятной

популярностью. За полпенса можно было постоять рядом с королевскими особами – начиная от Карла I на эшафоте и заканчивая Боудиккой, королевой воинов, – увидеть такую жуткую сцену, как ханаанские женщины, приносящие своих детей в жертву Молоху, или попасть в турецкий гарем. У входа посетителей встречала вполне реалистичная восковая фигура ребенка-калеки. Дункан, ухмыляясь, рассматривал ее, когда почувствовал за спиной присутствие Наставника, затем услышал знакомый голос – холодный и резкий:

– Ты опоздал.

– Черт тебя подери, но я же пришел, – ответил Уолпол, поворачиваясь к Наставнику. – И я трезвый. А это что-нибудь да значит.

У Рэндолла были седые волосы и бледно-голубые глаза. Никто не мог точно сказать, обладал ли он чувством юмора, его губы всегда были вытянуты в тонкую ниточку. А сейчас он сжимал их так плотно, что они практически исчезли и появились лишь, когда Рэндолл заговорил.

– С каждым разом все меньше и меньше, Дункан. И если снова так ко мне обратишься, это будет последний раз.

Дункан сделал несколько шагов в сторону, чтобы посторонние его не услышали, и ехидно спросил:

– Ты убьешь мастера-ассасина за излишнее красноречие?

– Нет, мастера не убью, – ответил Рэндолл. – А как насчет того, кто необязателен, ненадежен, дерзок и почти всегда пьян?

– Тем более пусть живет.

Рэндолл вздохнул и заложил руки за спину, глядя на оживленную улицу.

– Что с тобой случилось, парень? Тринадцать лет назад, когда мы впервые встретились, ты горел желанием изменить мир к лучшему. Ты ненавидел стремление тамплиеров утвердить свою исключительность и право контролировать всех и каждого. Ты верил в свободу.

Бледно-голубые глаза Рэндолла смотрели на Уолпола с печалью.

– Я и сейчас верю, – огрызнулся Дункан. – Но тринадцать лет – большой срок, и любой человек может измениться за это время. Братство ничем не отличается от армии. Ты, Рэндолл, говоришь о красивых и возвышенных вещах, но что на деле? Строгая иерархия, и каждый должен подчиняться вышестоящему.

– Все верно. – Только тот, кто, как Уолпол, давно знал Рэндолла, мог заметить, что он чем-то сильно встревожен. В такие моменты его голос делался особенно спокойным и четким. – Дункан, ты сильный, умный, хорошо подготовленный

человек, каких немного. Ты прекрасно понимаешь, какую сложную борьбу мы ведем. Ты знаешь, что нам нужна согласованность в действиях. Я должен быть абсолютно уверен, что мои люди выполнят возложенную на них миссию и никакая пьяная драка в таверне не помешает им. Мы трудимся во тьме, дабы служить свету. Мы не ждем, что наши имена выбьют на настенном барельефе или поставят памятник в нашу честь. Пусть тамплиеры кичатся своими наградами, мы же отлично знаем, насколько ничтожна вся эта мишура.

Рэндолл снова вздохнул и покачал головой.

– Главное наше богатство – дело, которому мы служим, – уже более мягко продолжил он. – Наши имена ничего не значат. Важно только то, что останется после нас.

Ярость жаркой волной поднялась в Дункане, но он сумел подавить ее. Спокойно, взвешивая каждое слово, он сказал:

– Ты посылал за мной Джеффри и вызвал сюда только для того, чтобы читать мне нотации? Отчитывай восьмилетнего мальчишку, а не меня. Я… – Дункан сделал шаг вперед и с высоты своего роста посмотрел на Рэндолла сверху вниз, – не позволю разговаривать со мной в таком тоне. Я – мастер-ассасин.

– Да, ты – мастер-ассасин. А я – твой Наставник.

И это было предупреждение – самое настоящее. Их глаза встретились, и в голове Дункана мелькнула мысль: «А не осадить ли мне его прямо сейчас?»

Где бы Дуглас ни оказался, везде одно и то же. Так было и на флоте, так было и в высшем свете. Каждый должен знать свое место, и никого не интересует, на что он способен.

Даже ассасины, провозглашавшие свободу личности, на деле оказались лицемерами.

– Приношу свои извинения, Наставник, – сказал Дункан, прижимая руку к груди и склоняя голову. – Я здесь, и я трезвый. Зачем вы меня позвали?

Призвали. Самое подходящее слово. Как собачонку к ноге.

Казалось, холодный взгляд Наставника пронзал Дункана насквозь.

– У меня для тебя новое задание. Мы получили послание от А-Табая из Тулума. До него дошли слухи о том, что объявился новый Мудрец, и А-Табай обратился к нам и всем остальным с просьбой найти его.

«Нет, – встревожился Дункан, – не может быть, чтобы он говорил о том, о чем я подумал».

А-Табай – майянский ассасин, Наставник Карибского братства. Он был сыном ассасина и воспитывался братством, до сих пор все его отчеты и инструкции выглядели безупречно. Ранее

Рэндолл говорил о необходимости укреплять связи с Карибским братством, поскольку чувствовал, что земли, удачно названные Новым Светом, и действительно новые, со временем могли стать сосредоточением власти тамплиеров. И потому ассасины должны держать их под контролем.

Но до Тулума не менее пяти тысяч миль, он находится где-то в джунглях, среди развалин, и там нет ни кофейных домов, ни таверн, ни шлюх. Дункан, как бывший морской офицер, хорошо знал, что если там и будет грог, то самый паршивый. И никакой славы и богатства. Если Рэндолл хочет, чтобы он туда отправился…

– Наше присутствие в Новом Свете пока недостаточно сильное, по крайней мере не такое, как нам бы хотелось. А-Табай поможет упрочить наше положение. И я хочу помочь ему в поисках Мудреца. А тебе будет полезно поучиться у него.

Дункан округлил глаза:

– Прости… я, должно быть, неправильно тебя понял. Ты говоришь, что мастер-ассасин должен отправиться на обучение к первобытному…

Движение руки Рэндолла было таким молниеносным, что Дункан даже не заметил его, лишний раз убедившись, что этот неказистый на вид человек заслуженно носил звание Наставника. Лицо Дункана вспыхнуло от стыда, смешанного с яростью, когда Рэндолл крепко схватил его за плечо, сильными пальцами впился в болевые точки, причиняя невыносимую боль, но не нанося увечий.

– Ты возьмешь на себя эту миссию и сделаешь все возможное, чтобы выполнить ее, – как всегда спокойно и непринужденно, сказал Наставник. – Если тамплиеры найдут этого Мудреца раньше нас, они получат в руки чудовищной силы оружие и повернут его не только против нас, но и против всего человечества. А-Табай владеет такими вещами, которым нам всем не мешало бы научиться… Надеюсь, ты у него научишься главному – контролировать свой буйный темперамент.

Мудрецом ассасины называли невероятно могущественного потомка Предтеч, создавших такие артефакты, как Яблоко Эдема, которые могли дать их владельцу – или целой организации – невероятную силу и власть.

Рэндолл был прав. Это было важное дело.

Но дополнительное условие, обязывающее Дункана чему-то поучиться, после полутора десятков лет, проведенных в братстве…

– В Ост-Индской компании меня ценят, – резко сказал Дункан. – Им не понравится, если я внезапно исчезну.

– Есть еще одна причина для твоего отбытия. Мы считаем, что ты привлек к себе ненужное внимание и тебе – нам! – угрожает опасность. Откажись от должности, заяви, что ищешь независимости и приключений. Они тебе поверят.

С этого момента Уолпол замер, весь внимание. Ост-Индская компания фактически владела монополией на торговлю специями, шелком, хлопком, чаем и прочими восточными товарами. Как и следовало ожидать, тамплиеры имели в этом предприятии свой интерес. В течение нескольких лет Дункан наблюдал за сотрудниками, пытаясь определить, кто из них тамплиер, а кто – нет. В итоге сформировался круг из нескольких человек. Но даже не заподозрил того, в ком Рэндолл опознал члена ненавистного ордена: Генри Спенсера, эсквайра, недавно вошедшего в совет директоров компании.

Дункан, разумеется, не был близко с ним знаком. Свой путь в компании он начал моряком и хотя поднялся по служебной лестнице, но все же недостаточно высоко, чтобы быть на короткой ноге с одним из директоров компании. Спенсер был полноватый и рыхлый, с розовыми щечками и маленьким красным ртом, который, казалось, навечно застыл в жизнерадостной улыбке. На вид совершенно безобидный человек. Дункан недоумевал, как Спенсер мог угадать в нем ассасина, и злился, что сам он даже представить не мог его членом ордена тамплиеров, отличавшимся властностью и высокомерием.

Рэндолл убедительно обосновал причины его отъезда, но Дункан отчетливо осознавал неприятный для себя факт: как бы долго он ни служил братству, он никогда не получит ни тех почестей, ни того богатства, которых, по его собственному мнению, заслуживал. И хотя Рэндолл сказал, что «всем» не мешало бы поучиться у майянского Наставника, однако отправлял на это обучение только одного Дункана.

В каком-то смысле это можно было расценивать как наказание.

А он не желает быть наказанным.

– Я не поеду.

– Конечно, не поедешь, – на удивление дружелюбно сказал Рэндолл. – Ты зол на меня. Чувствуешь себя обиженным. Мы уже не раз, Дункан, плясали с тобой подобный гавот. Но ты хороший человек, и я думаю, что ты все еще веришь в святые цели братства. – Тонкие губы Рэндолла скривились в улыбку, которой он редко одаривал собеседника. – Как ты думаешь, почему мы миримся с твоим характером так много лет? Потому что ты поменяешь свое решение и поедешь. Ты всегда так делаешь.

– Тебе повезло, старик, что вокруг много народу, – прошипел

Дункан. – Иначе ты был бы уже мертв.

– Место встречи выбрано не случайно. Не обладая мудростью, никогда не станешь Наставником, – с оттенком сухой иронии произнес Рэндолл. – Остуди немного свою горячую голову, Дункан, потом мы продолжим этот разговор. Если ты посмотришь на свое новое задание спокойно и рассудительно, то увидишь, что перед тобой открываются грандиозные возможности.

– А ты увидишь мою задницу и можешь поцеловать ее, если захочешь, – рявкнул Дункан через плечо и зашагал по улице, кипя от злости и страдая от уязвленной гордости.

Остаток дня он с мрачным видом толкался в штаб-квартире Ост-Индской компании, где, на его удачу, проходило еженедельное собрание совета директоров и толстяк Генри Спенсер, эсквайр, там присутствовал. Когда Спенсер покинул штаб-квартиру, Уолпол решил перейти в наступление.

Он следовал по улицам Лондона за каретой Спенсера, терпеливо ждал его у гостиницы, перед тем как тот отправился на ужин с остальными директорами. Затем последовал за ним дальше – по всей видимости, к еще более респектабельной таверне, где Спенсер намеревался завершить вечер.

Уолпол притворился, что удивлен встречей со Спенсером, сидевшим в одиночестве, попыхивая глиняной трубкой с длинным тонким чубуком и читая один из памфлетов, которые, казалось, сотнями были разбросаны по всему городу.

– Генри Спенсер, эсквайр, если не ошибаюсь? – Дункан поклонился, когда Спенсер поднял голову и посмотрел на него. – Дункан Уолпол, к вашим услугам. Я имею честь работать в вашей замечательной компании.

– О да! – воскликнул Спенсер, и его розовощекое лицо засияло радостной улыбкой, словно он увидел самого дорогого ему человека. – О вас много говорят, мистер Уолпол. Да вы присаживайтесь, присаживайтесь. Желаете хереса?

Не дожидаясь ответа, он взглядом подозвал одну из служанок, девушка принесла второй бокал и, залившись очаровательным румянцем, поставила его перед Дунканом.

Уолпол пожалел, что сегодня вечером «все тяжкие» придется отложить, но взял девушку себе на заметку.

– Какие тут красотки, – сказал он. – Жаль, что они не включены в меню.

– О, я думаю, для настоящего мужчины все позволено, – сказал Спенсер и, прежде чем сделать следующую затяжку, внимательно посмотрел на Дункана.

И вдруг совершенно безобидный человек исчез.

«Ничто не истинно – все дозволено».

Одна из заповедей Кредо ассасина.

Уолпол не подал виду, что все понял, но сердце учащенно забилось. Рэндолл оказался прав. Его вычислили.

Дункан никогда не отрицал, что он часто горячится и не выносит строгой дисциплины. Но иногда он мог быть совершенно хладнокровным, словно его горячую голову окунули в ледяную купель. И это делало его еще более опасным.

Именно такое хладнокровие овладело им сейчас. Он приветливо улыбнулся Спенсеру.

– Тоже неплохо, правда? Я не стану настаивать, если вы возражаете.

– Конечно же нет, – ответил Спенсер. – Мы с вами джентльмены и служим в лучшей английской компании. Уверен, что мы оба можем себе позволить небольшие грешки, которые сохраним в тайне до конца наших дней.

«О, как вы правы!»

– В таком случае позволю себе порекомендовать «Английскую розу». Спросите там Джесамину.

Они непринужденно говорили о ценах на шелк и чай, порассуждали о том, станет ли чай таким же популярным, как кофе.

– Вполне возможно, – предположил Спенсер. – Хотя склонен надеяться, что кофе останется напитком джентльменов. Пусть простолюдины продолжают пить свое гнусное пойло.

Забавно, но эти случайно брошенные слова определили судьбу Генри Спенсера. Дункан принял решение.

Сегодня ночью Спенсер умрет.

Уолпол тянул время, занимая себя игрой в карты и поддерживая пыл горячительными напитками. Он ждал, когда Спенсер соберется уходить. Не отрываясь от игры, он услышал, как тот отказался от кареты, сославшись на то, что живет рядом и с удовольствием пройдется пешком, благо вечер выдался хорошим.

Дункан дал ему уйти вперед, чтобы сукин сын ничего не заподозрил; закончил игру, рассчитался и последовал за ним.

И хотя прошло уже десять лет с тех пор, как первые фонари кругового освещения, запатентованные Майклом Коулом, появились у входа в кофейню «Сент-Джеймс», они не получили широкого распространения, и улицы Лондона по-прежнему оставались погруженными в темноту. Но тусклого лунного света Дункану было достаточно, чтобы различить, как Спенсер, с фонарем в руке, тяжело катит свое округлое тело. Какое-то время Дункан шел за ним по улице, затем нырнул в переулок, легко

забрался на каменную стену одной из многочисленных таверн, оттуда так же легко запрыгнул на сланцевую крышу и продолжил преследование.

Его жертва двигалась в бледно-красном ореоле света, и Дункан усмехнулся. Почему он не сделал этого раньше? Это не представляло ни малейшего труда. Он бежал по крышам, перепрыгивая с одной на другую, огибая дымящие трубы таверн, игорных домов, борделей.

И вдруг он остановился.

Слишком легко, черт возьми!

А не ловушка ли это?! На секунду он задумался. А не бросить ли ему этого толстяка, целеустремленно, в полном одиночестве пыхтящего по улице? Может быть, лучше вернуться к Рэндоллу и принять его предложение? Вдруг это окажется не самой плохой затеей?

Нет, это будет ужасно. Долго, трудно и скучно плыть через океан, для того чтобы жить в разрушенных храмах, затерянных в джунглях, и тренироваться с утра до ночи, изо дня в день.

Нет. Он не вернется к Рэндоллу, как провинившаяся собака с поджатым хвостом. Помрачнев, Дункан продолжил преследование.

Спенсер повернул за угол и исчез в узком проходе между домами. Если толстяк решил расстегнуть штанишки и облегчиться, то это крайне опасно для его кошелька.

А значит, это действительно ловушка. Только Дункан не мог понять, как толстяк собирается с ним расправиться в одиночку. С другой стороны, если известно, что это ловушка, она перестает быть таковой. «Чему быть, того не миновать», – подумал Дункан, движением запястий обнажил скрытые клинки и спрыгнул вниз.

Обычно в таких ситуациях Дункан одним движением перерезал жертве горло. Но не в этот раз, тем более что Генри Спенсер, эсквайр, стоял в застегнутых штанах и выжидал, не пытаясь сбежать от спрыгнувшего с крыши ассасина.

Такая самоуверенность впечатляла, и Дункан, приземлившись прямо на толстого тамплиера, только прижал клинок к его горлу.

– Ты знал, что я последую за тобой? – спросил он.

– Очень на это надеялся, – ответил Спенсер.

Дункан удивился. Не убирая клинок от горла толстяка, он огляделся по сторонам. Они были совершенно одни. Заинтригованный, Дункан спросил:

– Ты не производишь впечатления человека, готового умереть.

– Разумеется, нет.

– И все же, тамплиер, я тебя убью.

Спенсер улыбнулся:

– Думаю, что не убьешь. Ты умный парень, Уолпол. И у меня для тебя есть предложение, которое может тебя заинтересовать.

– Ну нет, я не опущу клинок, – рассмеялся Уолпол. – Говори, пока я не перерезал тебе горло.

– Это, конечно, не очень удобно, но если тебе так угодно. В той таверне я был не единственный тамплиер. Мы знаем, что ты ассасин. Давно знаем. И ты можешь убить меня сейчас, но и сам далеко не уйдешь.

– Сюда, прыгая по крышам, бегут тамплиеры?

– Нет, но у нас глаза повсюду. И ты больше никогда не осмелишься сунуть нос в компанию. Она для тебя навсегда закрыта.

Дункан нахмурился:

– Ну, продолжай.

– Мы давно за тобой наблюдаем. Я не знаю, как к тебе относятся в братстве, но я знаю, что тебя обошли по служебной лестнице в компании. И если бы ты был абсолютно доволен своим положением в братстве, ты бы убил меня без колебаний, не гадая, заманиваю я тебя в ловушку или нет.

В этом проклятый толстяк был прав.

Дункан принял решение. Он убрал клинок, выпрямился и подал руку Спенсеру, помогая ему подняться. Рука тамплиера была мягкой и влажной, но хваткой он обладал твердой.

«Я легко с ним расправлюсь, если мне не понравится его предложение», – заключил про себя Дункан, а вслух сказал:

– Предлагаешь мне… должность?

– В Ост-Индской компании? Нет. Ты стоишь большего и поднимешься значительно выше, если присоединишься к тамплиерам. Гордиться своей работой, жаждать признания и продвижения по карьерной лестнице – все это мы не считаем пороками.

Сказанное поразило Дункана. Он отчетливо осознал, что ассасины расценивали его амбиции именно как серьезный порок. И это открытие оказалось для него болезненным. Он какое-то время молчал. Спенсер тоже держал рот на замке, не собираясь давить на него.

Наконец Уолпол тихо сказал:

– Наставник Карибского братства сообщил, что ходят слухи о появлении Мудреца.

Спенсер оживился:

– О, эти сведения… чрезвычайно полезны нам.

Уолпол сделал второй шаг навстречу:

– И это только начало.

Дункан посмотрел на вывеску кофейного дома – золотой горшочек с кофе на красном фоне, а под ним две перекрещенные длинные глиняные трубки. Он посмотрел вглубь улицы: день выдался ясным, и лондонский Тауэр, который дал название этой мощеной улице, был хорошо виден.

Дункан пристально всматривался в волнистое стекло окна «Кофейного дома Ллойда». Рэндолл сидел там, как всегда в это время дня, и слушал новости, которые приносили сюда служащие судоходных компаний, моряки, купцы, торговавшие привезенным товаром.

Пару минут Уолпол стоял у входа в нерешительности. Голова болела, кофе хорошо бы ее излечил, но нужно было завершить то, что он начал прошлой ночью.

Пришло время вонзить в сердце Наставника скрытый клинок иной ковки, который он почувствует только тогда, когда будет слишком поздно. Но для этого Дункан Уолпол должен правильно сдать карты.

Рэндолл поднял голову, завидев вошедшего Дункана, его седая бровь удивленно дернулась.

– Доброе утро, Дункан, – сказал Рэндолл. – Ты, похоже, трезвый.

– Да, – подтвердил Дункан, – но я хочу кофе. Я обдумал то, что ты мне вчера сказал. И решил, что ты прав. Нельзя останавливаться на достигнутом. Нужно постоянно стремиться к совершенству. И если я могу чему-то научиться у А-Табая и помочь братству… я должен это сделать.

Что-то похожее на симпатию тронуло жесткое лицо Филлипа Рэндолла.

– Я догадываюсь, Дункан, как непросто тебе было справиться со своей гордыней, – почти добродушно сказал он.

Он жестом подозвал слугу, который принес еще одну чашку и наполнил ее дымящимся густым черным кофе.

Человек, предавший Кредо, с наслаждением взял в руку чашку и улыбнулся.

– С кофе жизнь становится легче.

Субъект:
Эмир

Регрессия: Константинополь, 1475 г.

Восьмилетний Юсуф Тазим смотрел на порт Константинополя с раскрытым от удивления ртом и круглыми, как блюдца, глазами.

Это было путешествие, полное чудес: вначале они добирались от Бурсы, где он родился, до этой переправы, а потом плыли по бескрайнему водному пространству. Никогда раньше он не уезжал от дома дальше чем на одну милю.

Его мать, Налан, стояла рядом, улыбалась и обнимала сына за худенькие плечи.

– Вот видишь, я же тебе говорила, что в Константинополе много интересного, не то что в Бурсе.

Три дня назад она вернулась домой – стройная, сильная, но вдруг ставшая неловкой от напряжения – и сказала, что им нужно немедленно ехать в Константинополь. Это было неожиданно и странно, и ему сделалось страшно, он не хотел уезжать из дома.

Они жили с мамой вдвоем. Отца Юсуф никогда не видел, и все расспросы о нем были бесполезными, мама каждый раз лишь уверяла его, что отец не хотел оставлять свою жену и сына, но просто не может к ним вернуться.

Мама рассказывала ему, каким отец был добрым и как он весело смеялся. «Ты на него очень похож, дитя мое», – часто повторяла Налан, и ее глаза светились счастьем и почему-то грустью.

Однако сейчас ее глаза сияли ничем не замутненным светом. Что бы ни заставило ее спешно покинуть Бурсу, казалось, оно навсегда осталось позади.

– Ты рад, мой львенок, что приехал в такой большой город?

Юсуф обдумывал ответ, глядя на приближавшийся берег, на высокие, разноцветные здания, гордо устремленные к голубому небу. Он помнил, как мама говорила, складывая их скромные пожитки, что уезжают они недалеко и он всегда сможет вернуться, если захочет.

Ему не хотелось думать о скорых сборах и о вызвавшей их причине. Когда паром приблизился к берегу, причальные канаты застучали по палубе, а крохотные фигурки кинулись закреплять их, к Юсуфу вернулось свойственное ему от природы благодушие

и он кивнул:

– Да, рад.

В сознание Эмира проник женский голос, четкий и сосредоточенный. Звучал он приятно, но истинного сочувствия в нем не было. И чем больше Эмир вслушивался в него, тем сильнее болела голова.

– Ничего важного нам это не дает. Мы знаем, что в детстве он был задира и бунтарь, но в большие передряги не попадал; похоже, был слишком юн для этого.

– Я бы не стал принимать в расчет возраст, – это был уже мужской голос. Сухой, отрывистый, деловой. – Очевидно, что-то важное произошло в первый год его жизни здесь.

Эмир не хотел этого слышать. Каким-то образом он знал, что это опасно, знал, что это может привести к…

– Можешь точней определить дату?

– Да, подожди немного. Готово.

Бурса была вторым по величине городом Оттоманской империи, поэтому Константинополь, или Константинийэ, или Истамбул, как его недавно начали называть, не ослепил мальчика своим блеском и великолепием, как мог бы, родись он в какой-нибудь маленькой деревушке. Он изучил все его улицы и закоулки, тоннели и площади; и знай его мать, в каких местах он бывает, ей бы это не понравилось. Но, при всей величине и шумности Бурсы, Истамбул был столицей Оттоманской империи, а это многое значило.

В этом центре деловой активности перемешались торговцы и моряки, путешественники и владельцы постоялых дворов, наемники и нищие, создавая шумную, красочную, благоуханную и волнующую мозаику. Город принимал – точнее говоря, притягивал к себе – людей из всех социальных слоев, представителей разнообразных культур и религий.

Юсуф знал, что мама умеет готовить самые вкусные в мире сласти. В Бурсе, где она работала на рынке, ее кемальпаша – десертные шарики, размером с грецкий орех, из несоленого овечьего сыра, муки, яиц и масла, сваренные в лимонном сиропе, – не знала себе равных. И мальчик не удивился, когда один из местных торговцев – жизнерадостный толстяк по имени Бекир бин Салих, – едва надкусив шарик, сразу же принял ее на работу.

Юсуф, как это было и в Бурсе, помогал маме закупать продукты для приготовления сластей, зазывал покупателей и разносил клиентам по всему городу завернутые в ткань

лакомства. Иногда он выбирал… иные дороги, чем большинство горожан, предпочитая ходить не по городу, а под или над ним.

Однажды, во время одного из таких увлекательных путешествий, когда он обезьяной вскарабкался на крышу, откуда открывался потрясающий вид на город, он заметил нечто странное. На некоторых крышах возвышались крепкие шесты с привязанными к ним веревками, которые тянулись от высоких зданий к более низким. Для чего они здесь? Обычно веревки натягивали для сушки белья либо для развешивания флажков. Но эти были такими толстыми и крепкими, что могли легко выдержать вес взрослого мужчины. Он это проверил, перебравшись на руках с одной крыши на другую. Кто же натянул эти веревки? И для чего? Юсуф думал об этом каждый раз, когда смотрел на крыши.

Но были вопросы поважнее натянутых веревок. Время шло, и для Юсуфа стало очевидно, что, хотя матери удается зарабатывать на еду, денег все же у нее меньше, чем было в Бурсе. Продукты для приготовления сластей в Истамбуле стоили значительно дороже, и подходящий сыр найти было не так-то легко. Он уже вырос из той одежды, что они привезли с собой, а на новую денег накопить не удавалось.

Несмотря на то что Юсуф начал быстро расти, он все же выглядел младше своего возраста, был тоненький как прутик и с легкостью сновал в густой толпе на Большом базаре и прочих местах. Везде было много беззаботных ротозеев, прятавших деньги в рукавах или кошельках на тонких кожаных тесемочках, срезать которые можно было в одно мгновение. Каждый вечер он приносил матери пригоршню монет и уверял, что заработал их, исполняя акробатические трюки на улице, зазывая покупателей в лавку Бекира, или получил в награду от щедрого клиента за быструю доставку сластей.

Первое время мать удивлялась, радовалась и хвалила его за помощь. Но чем дальше, тем сильнее она беспокоилась. И однажды сказала ему:

– Юсуф, только не лги мне… ты никому не причиняешь зла, чтобы заработать эти деньги?

Юсуф облегченно вздохнул, вопрос был задан так, что он мог выкрутиться и ответить более или менее честно.

– Мама, я никогда никому не причиню зла из-за денег! – заявил он.

Казалось, его ответ убедил мать, и больше она не донимала его расспросами.

Однажды вечером, когда на Большом базаре, освещенном факелами, музыканты стучали на нагарах[19] и бренчали на

сазах[20], Юсуф сновал в толпе, пока не остановился возле высокой женщины в ярком кафтане и ферасе[21] – верный признак богатства. Одной рукой – мягкой, непривычной к физическому труду – она крепко держала за ручку девочку лет трех-четырех, другой прижимала к груди младенца. Девочка восторженно смотрела на музыкантов, затем засмеялась и начала притопывать ножками и подпрыгивать. Лицо женщины осветилось материнским счастьем, она принялась раскачивать руку в такт танцу малышки.

Утратив осторожность, женщина стала легкой добычей, которую Юсуф высматривал целый день. Короткое мгновение – и дело сделано. Юсуф спрятал неожиданно тяжелый кошелек под рубашку и растворился в вечерней толпе. Короткая пробежка – и он уже был в узкой боковой улочке. Юсуф огляделся по сторонам, убедился, что никто за ним не наблюдает, и открыл кошелек.

В темноте трудно было рассмотреть содержимое, но он научился определять достоинство монет на ощупь по размеру и толщине. Юсуф улыбнулся – этого ему надолго хватит. Но не успел он снова спрятать кошелек под рубашку, как на него кто-то набросился.

Он инстинктивно увернулся и уже замахнулся, чтобы ответить, но более рослый и крепкий противник одним ударом повалил его на землю. Он рухнул, тяжело выдохнув: «Уф-ф».

Прижатый к земле, Юсуф не мог разглядеть в темноте лицо нападавшего, но продолжал вырываться и даже попытался укусить. «Эх, будь я постарше…»

– О чем ты только думал, когда сделал это?

Голос принадлежал мальчишке – старше, крупнее и тяжелее Юсуфа, но все же не взрослому. Юсуф изловчился и ударил напавшего коленом в пах. Парень выругался, скривившись, и драка началась.

Юсуф изо всех сил ударил противника в сгиб локтя, тот согнулся и скривился еще больше. Юсуф набросился на него, словно кот на крысу. Он не был искусен в драках, его тщедушное телосложение к этому не располагало. Но сейчас он рассвирепел и принялся колотить противника кулаками. Один удар пришелся незнакомцу по носу, и Юсуф обрадовался, услышав резкий вскрик… пока не понял, что более крупный противник перестал играть с ним в поддавки. Сильная рука схватила Юсуфа за горло и опрокинула на спину.

– Идиот, я же пытаюсь тебе помочь! – заявил парень невнятным из-за разбитого в кровь носа голосом. – Сейчас я тебя отпущу, договорились?

Парень был хозяином своему слову. Он отпустил Юсуфа и

отпрыгнул на безопасное расстояние. Удивление и любопытство погасили злость Юсуфа, он сел и потрогал свое горло. Оно не пострадало.

Тяжело дыша, противники смотрели друг на друга.

– Ты Юсуф Тазим, – после минуты молчания сказал парень. – Меня зовут Давуд бин Хассан.

– Откуда… – начал было Юсуф, но Давуд его перебил.

– Я давно за тобой наблюдаю, – сказал он. – Удачный удар. У тебя нет какой-нибудь тряпки?

У Юсуфа был кусок ткани, в которую он заворачивал сласти, разнося их по городу. Когда он протянул ее Давуду, в воздухе поплыл тонкий соблазнительный аромат, но вряд ли Давуд мог его уловить. Кулак Юсуфа надолго лишил его нос чувствительности.

– Но ты первый на меня напал, – сказал Юсуф, хотя на самом деле ему хотелось извиниться, потому что удар действительно был удачный.

– Я только хотел прижать тебя к земле, – ответил Давуд, осторожно вытирая кровь с лица.

– А зачем тебе понадобилось прижимать меня к земле, если ты не собирался меня бить или забрать мои деньги?

– Но ведь это не твои деньги, не так ли?

Юсуф промолчал. Деньги действительно были не его. Но…

– Я их маме отдам, – тихо сказал он. – Нам очень нужны деньги.

– А той женщине разве не нужны? – резонно спросил Давуд. – А ее детям?

– Судя по ее виду, ей есть чем поделиться, – начал оправдываться Юсуф, вспомнив, как хорошо была одета женщина.

– Как и у тебя, у детей Селимы нет отца. Я не знаю, что случилось с твоим, но знаю, что произошло с ними. Их отец был грубым и жестоким, и однажды ночью Селиме пришлось сбежать. И ты забрал все, что у нее было. Ты видел ее богатые одежды, а синяков на ее лице не заметил?

Юсуфу стало стыдно, и он почувствовал, как покраснел. Кошелек действительно был необычно тяжелым. Как правило, люди не брали так много денег с собой на базар, где всегда хватало воришек.

– Хочешь, чтобы я отдал тебе кошелек? Но откуда мне знать, что ты не лжешь?

– Нет, я не хочу, чтобы ты отдал деньги мне, я хочу, чтобы ты их вернул ей. Меня в этом деле интересуешь ты.

– Я тебя не понимаю.

– Базар, сам Истамбул… здесь трудно жить, если ты лишен

богатства и власти. А детям особенно опасно. И мы приглядываем друг за другом.

У Давуда перестала идти кровь, но даже в темноте Юсуф видел, что нос пострадал изрядно. Давуд хотел вернуть ему кусок ткани, но Юсуф лишь махнул рукой. Он опасался, что сломал парню нос. Ему вспомнилось, как весело танцевала под музыку маленькая девочка, как радовалась ее мать. Он не знал, верить ли той истории, что рассказал Давуд. И если это правда, долго ли веселились женщина и ее дочка?

– Ты научился отлично срезать кошельки. Если хочешь, я могу научить тебя драться. Драться еще лучше. – Улыбка появилась на испачканном кровью лице Давуда. – Есть люди, заслуживающие, чтобы им разбили нос или даже чтобы их наказали серьезнее. А есть те, которых трогать не надо. И ты должен научиться их различать. Иначе твои умелые пальцы будут красть кошельки у тех людей, у кого воровать нельзя.

Все, что говорил Давуд, казалось странным… и очень подозрительным. Но в его словах было много смысла. Юсуф понимал, что Давуду ничего не стоило убить его прямо здесь, однако парень этого не сделал.

Давуд поднялся на ноги, теперь он возвышался над Юсуфом на целый фут. На вид ему было около тринадцати.

– Пойдем, я познакомлю тебя с Селимой и ее детьми, и ты сможешь вернуть им деньги. Или, – он помолчал, – ты можешь убежать.

Юсуф подумал и сказал:

– Пошли.

Час спустя Юсуф один возвращался домой. Он не нес домой денег, но на сердце у него было радостно, а в голове крутилось множество интересных мыслей. Ему очень хотелось, чтобы Давуд научил его всему, что сам знал.

– Найди в базе данных информацию о Давуде бин Хассане, – послышался тихий и мелодичный женский голос.

– Ничего нет. Никаких связей с ассасинами, – по крайней мере, мы их не установили.

– Странно. Учитывая важность этого воспоминания, я думала, что это мог быть тот момент, когда Юсуфа завербовали.

– Думаю, восемь лет – это слишком мало для вербовки, даже по меркам ассасинов.

– Формально – да. И все же… этот эпизод на многое проливает свет. Какая следующая дата?

– Двадцать третье апреля, тысяча четыреста восьмидесятый год.

Регрессия: Константинополь, 1480 г.

Весь город праздновал Хыдырлез – день наступления весны и возрождения природы. Хотя в этот день отмечалась встреча двух пророков – Хызыра и Ильяса, разношерстные обитатели Истамбула развлекались тем, что загадывали желания, прощались с прошлым и ожидали перемен, желали друг другу здоровья и богатства, пировали, пели и танцевали.

Налан работала как никогда много, чтобы кемальпаши хватило на всю огромную толпу, наводнившую Большой базар, а вечно улыбающийся добродушный Бекир бин Салих, арендовавший на базаре несколько лавок, просто сиял, как начищенное медное блюдо, встречая каждого покупателя. Юсуф тоже был по горло занят: разносил сласти по всему городу, и ему некогда ему было срезать кошельки, но это вовсе не означало, что он покончил с этим делом.

«Хыдырлез и нас касается, – сказал восемнадцатилетний Давуд своей ватаге юных воришек, шпионов и народных мстителей, – наши новые дела не должны причинить ничего плохого людям».

Юсуф был с ним полностью согласен, на базаре можно было заработать и честным трудом.

День праздничного веселья благополучно клонился к вечеру. Солнце уже коснулось линии горизонта, и запоздавшие гуляки спешили домой, осоловевшие от избытка съеденного или – что хуже – выпитого. Когда Юсуф с матерью добрались до своего скромного жилища, она удивила его, положив на маленький столик вещь, завернутую в ткань.

– Сегодня день пожеланий и начала новых дел, – сказала она. – И твой отец просил передать тебе кое-что… когда придет время. Думаю, оно пришло.

Сердце у Юсуфа учащенно забилось. Он присел на единственную в комнате лавку, глядя на таинственный сверток.

– Что передать, мама?

– Рассказать тебе о нем все, что я могу, не нарушив клятвы, данной ему. И я дарю тебе вещь, которая принадлежала ему.

Юсуф дрожал от волнения, всем своим существом впитывая каждое слово матери.

– Я всю свою жизнь занимаюсь одним делом, – начала она. – Я готовлю и продаю кемальпашу. Твой отец помогал мне в этом точно так же, как ты сейчас. Но у него были и другие дела.

Ее черные глаза не отрываясь смотрели на пламя маленькой свечки, стоявшей на столе. Очевидно, она решала, что́ рассказать единственному сыну, а что и дальше сохранить в тайне.

Сгорая от нетерпения, Юсуф схватил себя за волосы, притворяясь, что собирается их выдернуть.

– Мама, я сейчас умру от нетерпения! Рассказывай, пока я не поседел у тебя на глазах.

Она улыбнулась и присела рядом с ним на лавку, нежно взъерошив его волосы.

– Тебе всего лишь тринадцать лет, и во многом ты все еще маленький мальчик. Но… – она посмотрела в его округлившиеся глаза, – во многом уже нет.

– Ты сказала, что у него были другие дела, – напомнил Юсуф.

– Он не был другом османам и… прочим, кто стремится властвовать над людьми. – Она хитро улыбнулась. – Мой милый маленький львенок, ты думаешь, я не знаю, чем ты занимаешься, когда я тебя не вижу?

Юсуф побледнел. Как она может знать?

– Ты не мог зарабатывать столько денег своими выступлениями или разносом сластей. Я видела тебя с Давудом и другими мальчиками. Вы карабкались на крыши и бегали по ним. Вы отдаете то, что можете, тем, кому можете. Так же поступал и твой отец.

– Что с ним случилось, мама?

Она отвернулась, и вновь ее взгляд застыл на трепещущем пламени свечи.

– Он погиб, Юсуф. У меня сохранилось всего несколько вещей, которые вернули… – Она оборвала себя на полуслове. – Но я слишком много сказала. Эти вещи теперь твои, ты уже в том возрасте, когда они могут тебе пригодиться. Ты уже не маленький.

«Я давно уже не маленький», – подумал слегка уязвленный Юсуф. Но обида тут же исчезла, когда он взглянул на мать, – гордость и печаль смешались на ее строгом, красивом лице. Она протянула ему что-то длинное, завернутое в кусок сине-зеленого шелка.

– Осторожно разворачивай, – предупредила мать.

– Там скорпион притаился или гадюка?

– Нет… но оно все же кусается.

Юсуф развернул ткань и удивленно уставился на то, что открылось его глазам, – не то перчатка, не то наруч. Кожа отличной выделки с искусным теснением. Юсуф осторожно взял предмет в руки, помня о материнском предостережении. Повернув, он увидел, что с внутренней стороны что-то прикреплено.

– Что это?

– Твой отец называл его «крюк-клинок», – сказала мать. – Там

есть механизм, который…

Юсуф вздрогнул, когда из наруча с резким звуком выскочил острый кусок металла.

– О, я вижу, ты уже сам нашел… – криво улыбнулась мать. – Видишь, это и крюк, и в то же время клинок.

– Как им пользоваться?

Улыбка сошла с лица Наланы.

– Я никогда не видела, как он этим пользовался, – сказала она. – Сейчас ты знаешь ровно столько, сколько и я. Но… я думаю, тебе суждено узнать больше.

Юсуф посмотрел на мать. В его темно-серых глазах застыл вопрос. Свет от свечи искорками отражался в ее невыплаканных слезах.

– Я вела себя эгоистично, надеясь, что ты сможешь жить как обычный человек. Будешь рядом со мной, женишься, заведешь детишек. Когда меня выдавали замуж, я знала, кем был твой отец. Я люблю тебя и не могу не замечать в тебе его черты. Тебе, как и ему, не предназначено остаться со мной и продавать кемальпашу на базаре. Иди и узнай, что досталось тебе в наследство от отца, мой дорогой мальчик, ставший мужчиной.

Юсуфу хотелось пообещать ей, что с ним ничего не случится, что он своей смертью не отяготит ее сердце, и без того измученное страданиями. Но он не мог лгать. Ночь, темные улицы, выражения лиц тех, кто творил добро, и тех, кто приносил зло, неодолимо влекли его.

И Юсуф поступил так, как должен был поступить любящий сын. Он подошел к матери и обнял ее. И вдруг обнаружил, что за последний год стал на полголовы выше ее. Он наклонился к ней, такой хрупкой, что Юсуф боялся случайно раздавить ее, и прошептал на ухо:

– Я буду мудрым и осторожным.

Это было единственное, что он мог обещать.

Ночь звала его, он горел желанием узнать больше.

И… похвастаться Давуду.

Очень-очень осторожно он изучал действие крюка-клинка. В отличие от обычного оружия, это был сложный инструмент, и живой ум Юсуфа жаждал точно знать, как он работает. Юсуф мог подцепить им с земли любой предмет, странствуя по пустынным ночным улицам. Наруч удлинял его руку на целый фут, и недоступные прежде опоры вдруг стали легкодостижимыми. Он обнаружил, что может намного быстрее взбираться на любую стену.

Взбираться… и, возможно, спускаться тоже…

Юсуф направился к одному из зданий, на крыше которого

видел таинственные веревки. С помощью крюка быстро поднялся на крышу. Сердце бешено колотилось в груди, когда он зацепился крюком за веревку.

Они совпали в точности. Как будто толщину веревки специально выбирали по изгибу крюка.

От возбуждения у Юсуфа пересохло во рту. Это не могло оказаться простым совпадением. Так и было задумано. Возможно, много лет назад его отец стоял на этой самой крыше и точно так же, как его сын, цеплялся этим самым крюком за веревку.

Он должен проверить, на что это похоже. Но спуск будет долгим. Очень долгим.

Он тщательно зацепился крюком за веревку, набрался смелости, наполнил грудь воздухом и шагнул с крыши.

Свободно и быстро он скользил по веревке. Каменная мостовая в нескольких ярдах под ним грозила переломать ему кости, если крюк сорвется. Спуск ошеломил и вызвал легкое головокружение. И он даже глазом не успел моргнуть, как ноги встали на крышу другого здания.

Юсуф с трудом сдержал крик восторга. Потрясающие ощущения! Он должен испытать их еще раз. Улыбаясь от уха до уха и уже не тратя времени на тщательную подготовку, он зацепился крюком и полетел вниз.

Ему хотелось верить, что отец видит его и гордится им.

– Это невероятно, – донесся до Эмира, зависшего между своим настоящим и прошлым Юсуфа, женский голос. – Как легко тринадцатилетний мальчишка, не прошедший никакого обучения, обращается с оружием ассасина. Удивительно.

– Это оружие и банда юнцов, с которой он связался, – все собранные нами сведения подтверждают их важнейшую роль в его превращении в того, кем он стал.

– И тот, кем он стал, произвел сильное впечатление на одного из самых влиятельных ассасинов, – задумчиво произнес женский голос. – Эцио Аудиторе. Есть еще что-нибудь, что мы должны посмотреть, прежде чем перейдем к их первой встрече?

– Да, есть кое-что интересное. Это произошло двумя годами позже. Подожди немного… дай мне определить точную дату.

Регрессия: Константинополь, 1482 г.

Юсуф был чрезвычайно взволнован и крайне обеспокоен. За семь лет, прошедших с той ночи, когда он познакомился с Давудом и узнал о существовании необычной организации

мальчишек, действовавшей на Большом базаре, он пережил много приключений, в том числе и весьма опасных.

Давуд, чей нос так и остался немного кривым после их знакомства в темном переулке, сдержал свое слово. Он научил Юсуфа, как драться честно и как наносить удары исподтишка. Он познакомил его со всеми членами своей команды – тогда еще мальчишками, хотя многие из них с тех пор выросли, как Давуд и сам Юсуф, ставший теперь правой рукой Давуда. Кто-то покинул город, кто-то перебрался в другой район, но они с Давудом остались и продолжали присматривать за Большим базаром так, как самим торговцам было не по силам.

Сегодня ночью они собирались исполнять свою службу иначе, чем делали до сих пор. Они не будут разбрасывать дымовые бомбы, чтобы вызвать панику, или воровать монеты в толпе, или даже портить чужое имущество. Сегодня ночью они проникнут в частный дом и вынесут оттуда все, что смогут.

Их вынудили так поступить. Торговцы вроде весельчака Бекира арендовали лавки у их владельцев. Размер арендной платы был немалый, что можно было понять, – это ведь лучшие места для торговли в самом большом городе мира. Но неделю назад по рынку пронесли роскошный паланкин с незнакомцем в одежде из тончайшего шелка, который окинул холодным, оценивающим взглядом некоторые из лавок.

А на следующий день торговцы были ошеломлены известием – плата за аренду выросла в четыре раза.

И они ничего не могли с этим поделать, как рассказала убитая горем Налан сыну, пришедшему в ярость.

– Бедный Бекир рыдает. Он двенадцать лет торговал в этой лавке, а теперь вынужден ее освободить.

– А что, если мы соберем деньги? – спросил Юсуф.

Налан горько рассмеялась:

– Даже если бы ты мог своими умелыми пальцами срезать столько кошельков, сынок, у тебя просто не хватило бы времени. Мы должны уйти из лавки через пять дней. – Заметив, как помрачнело лицо Юсуфа, она добавила: – Нам повезло больше остальных. Это не единственный базар в городе, и все любят кемальпашу. Мы не пропадем.

Возможно, они с матерью и сумеют снова встать на ноги, но не каждому это было по силам. Что станется с Бекиром и другими торговцами, которые могли торговать только на Большом базаре?

К счастью, Давуд согласился с Юсуфом, и они разработали план, который и собирались теперь осуществить.

Они отправили тех, что помладше, изображать попрошаек возле дома хозяина лавок и незаметно проследить за ним, если

он отправится по делам. Этим вечером один из мальчишек сообщил, что хозяин, по всей видимости не турок, собирается ужинать вне дома и вернется не раньше полуночи.

Иностранец, разумеется, жил в самой лучшей части города, рядом с дворцом Топкапы, но, к счастью, не за его стенами. У входа в дом стояли два охранника, а внутри находилось несколько слуг. Как и было обговорено, младшие отвлекли на себя охранников, а двое молодых грабителей тем временем пробрались в сад, примыкавший к задней части дома, и затаились среди цветущих деревьев.

Пока стражники пытались отогнать детей, Юсуф мгновенно выдвинул свой крюк-клинок, поднялся к окну на верхнем этаже, открыл его и спустил вниз веревку. Как только Давуд поднялся, они втянули веревку и закрыли ставни, чтобы ни один из охранников внизу не заметил ничего подозрительного.

Снизу доносились голоса: слуги праздно судачили, пользуясь отсутствием хозяина. Все нужно было совершить на верхнем этаже, и Юсуф, умевший одновременно делать несколько дел, прислушивался к разговорам слуг, обыскивая вместе с Давудом комнаты.

Юсуф старался сохранять безразличие к обстановке дома, хотя за свою короткую жизнь ему еще не доводилось видеть такую роскошь. Комнаты были украшены шелком и мехами, вместо лавок повсюду стояли тяжелые резные стулья, ящики комодов ломились от золотых украшений и дорогой одежды, расшитой драгоценными камнями. Не тратя время впустую, Юсуф сразу же приступил к работе, срезая клинком с одежды драгоценные камни. Давуд искал монеты и прочие мелкие ценности, которые можно без труда унести с собой. Знакомые торговцы уверяли, что знают нужных людей, которые могли быстро сбыть все эти ценности.

– Невероятно, – пробормотал Юсуф и бросил в мешок резную фигурку из алебастра.

Его взгляд упал на пугающе острый кинжал в ножнах из мягчайшей кожи с рукояткой, украшенной золотом и рубинами. Он кинул кинжал Давуду, тот ловко поймал его.

– Это тебе, – сказал Юсуф. – Теперь ты не будешь завидовать моему оружию.

Давуд усмехнулся. За несколько минут они обчистили большую комнату, дивясь несметным богатствам.

– Надо почаще делать такие набеги, – сказал Юсуф. – Содержимого моего мешка хватит, чтобы заплатить аренду за год вперед. А может быть, за два или три.

– Нет, – возразил Давуд, – это привлечет к нам лишнее

внимание. Сейчас мы грабим по необходимости. Но лучше держаться в тени. Не поддавайся жадности, Юсуф. Это сделает тебя…

Слова замерли у него на губах, когда внизу открылась дверь и от лестницы донеслись звуки разговора. Юсуф и Давуд посмотрели друг на друга округлившимися от удивления глазами. Юсуф метнулся к окну, рванул на себя ставни, посмотрел вниз.

Под окном стоял стражник в таких пышных одеждах, каких Юсуф никогда не видел. Путь к побегу через окно был отрезан.

– Там не пройти, – шепотом сообщил он. – По крайней мере, сейчас.

Давуд кивнул:

– Наблюдай за ним. Может быть, они не пойдут сюда сразу.

– Я рад, что дела идут хорошо, – послышался голос с сильным акцентом, сразу же не понравившимся Юсуфу, хотя опознать его так и не удалось. – Разумеется, тамплиеры давно и пристально наблюдают за Большим базаром. Не только ассасины умеют при необходимости прятаться на самом видном месте. Но сейчас в нашем распоряжении появились постоянные лавки.

Донесся резкий гортанный смех. Давуд и Юсуф обменялись испуганными взглядами. Неужели чужестранец с холодными глазами, новый владелец лавок, создал какую-то шпионскую организацию? Ассасины? Тамплиеры? Юсуф никогда не слышал таких слов.

Но похоже, для Давуда они что-то значили, судя по тому, как он побледнел и задрожал.

– Давуд, – шепотом позвал Юсуф.

Но тот приложил палец к губам, а потом к уху, что означало «молчи и слушай».

Затем Давуд подошел к окну, чтобы своими глазами посмотреть на стражника. И то, что он там увидел, потрясло его еще больше.

Разговор невидимых собеседников продолжался.

– Вы станете одним из самым богатых людей в городе, – сказал первый.

– Одним из? – удивился новоиспеченный владелец лавок.

– Думаю, у султана монет чуть больше, – ответил первый. – Как бы там ни было, это следует отпраздновать.

– Что ж, раз уж я скоро стану одним из богатейших людей Константинополя, позвольте угостить вас старым вином, припасенным для подобных случаев. Оно наверху в моей комнате. Я его там запираю на ключ, слугам нельзя доверять. Подождите немного, я сейчас принесу.

– Уходи, – вдруг резко сказал Давуд.

Он повернулся лицом к двери, вытащил из ножен кинжал, который ему бросил Юсуф. – Забирай мешки. Ты быстрее меня, и у тебя есть твой клинок. Ты сможешь убежать. А я нет. Я задержу их, насколько смогу.

– Давуд…

Они услышали шаги по лестнице.

– Торговцы рассчитывают на тебя, – прошептал Давуд. – Мне многое хотелось бы тебе сказать, но… уходи. Живи, держись в тени, защищай Большой базар!

Юсуф застыл, не в силах сдвинуться с места.

Дверь открылась, и все, что случилось дальше, заняло, казалось, одно мгновение.

Давуд с криком бросился на вошедшего, рука с кинжалом взлетела и опустилась. Несмотря на неожиданное нападение, вошедший увернулся, и кинжал поразил его не в грудь, а в плечо. С мрачным лицом хозяин правой рукой выхватил кинжал, а левой, не обращая внимания на рану, вцепился Давуду в волосы и развернул его лицом к Юсуфу.

С ужасом Юсуф посмотрел в глаза другу.

– Беги! – крикнул Давуд.

Хозяин поднял кинжал…

Все окрасилось в алый цвет. Кроме него, Юсуф ничего не видел.

Алая кровь хлестала из распоротого горла друга.

Алый крест сверкал на перстне, украшавшем руку хозяина.

Больше всего Юсуфу хотелось остаться и драться до конца, умереть рядом с другом. Но выбор сделали за него. Давуд ценой своей жизни сохранил его жизнь, чтобы он и дальше защищал торговцев и их семьи.

Рыдая, Юсуф выполнил последнее желание друга – он побежал, захватив с собой оба мешка, выпрыгнул через окно в ночь и, пользуясь крюком, завещанным отцом, помчался к спасению, пока его друг истекал кровью на роскошном ковре.

На следующий день человек с красным крестом на перстне был найден мертвым, и сделка с покупкой лавок на Большом базаре не состоялась. Юсуф не знал, что произошло. Он просто решил, что всю свою жизнь посвятит делу, ради которого его друг пожертвовал жизнью.

Он будет держаться в тени и защищать тех, кто сам защититься не может.

И будет ждать появления другого человека с красным крестом.

Субъект: Мусса

– Его всегда так трудно понять, – послышался мужской голос.

– Муссу или Батиста? – прозвучал в ответ женский, спокойный и чуть ли не заботливый.

– Обоих.

– Согласна с тобой. Они оба сложные индивиды.

– Батист сделает регрессию еще более сложной, если его поток памяти будет замутнен какими-нибудь ядами.

– Память и без ядов достаточно обманчива, – сказала женщина. – И нам это известно. Воспоминания никогда не передают события с абсолютной точностью. Мы не видим, что там на самом деле происходит. Мы видим только то, что видит он.

– Вот я и говорю… его всегда так трудно понять.

– Начинаем регрессию, – объявила женщина.

Регрессия: Сан-Доминго, 1758 г.

Бой барабанов.

Звук барабанов, запрещенных для живой собственности других людей, был звуком свободы для маронов Сан-Доминго. Франсуа Макандаль[22] очень хорошо это знал и учил этой истине тех, кого он тренировал и кому давал свободу.

Этому и многому другому он научил человека, внимательно наблюдавшего за дюжиной последователей Макандаля, которые танцевали перед ним в их лагере, затерянном глубоко в джунглях.

Батист смотрел на танцующих, неторопливо потягивая ром. Горело три костра: один в центре расчищенной поляны и два, поменьше, по краям. Черные вспотевшие тела поблескивали в свете костров. Батист повидал немало танцоров с тех самых пор, когда он тринадцатилетним мальчишкой, страстно желавшим свободы и мщения, вместе с Агатом сбежал от своего хозяина и присоединился к Макандалю.

С тех самых пор, когда они стали полноправными членами братства ассасинов.

Агат.

Они выросли с ним вместе на плантации, а потом бок о бок сражались за свободу. Батист верил, что и умрут они тоже в один день. Он никак не ожидал стать свидетелем того, что Агат сделал сегодня днем.

От этого воспоминания у Батиста внутри все перевернулось, лицо его помрачнело. Он сделал еще глоток рома, на этот раз

большой, пытаясь заглушить потрясение, ярость, стыд и боль, которые перемешивались в его голове при одной только мысли об Агате.

Агат. Когда-то они были с ним как родные братья. Пока Макандаль не выбрал третьего раба для обучения и подготовки к свободе… и она встала между ним и Агатом.

Макандаль появлялся на плантации тайно, под покровом ночи, и никто его не выдавал. Он обучал тех, кто мог – и осмеливался – улизнуть на тайную встречу, объяснял им, как они жили бы, покинув плантацию и освободившись от рабства.

Вначале он только говорил. Рассказывал о своей собственной жизни, о свободе, о возможности поступать так, как велит сердце. Затем он учил желающих читать и писать. «Я многим готов поделиться с достойными, – говорил он, – но, возможно, это станет самым сильным оружием, которое я вам даю».

Ей нравилось учиться – живой и кокетливой маленькой Джин. И ей понравился Агат. Однажды Батист застал их державшимися за руки и посмеялся над ними, предупредил, что Макандалю это не понравится.

– Ты слишком слабая, – сказал он, презрительно глядя на Джин. – Ты только отвлекаешь Агата от обучения.

– Обучения? – Она недоуменно перевела взгляд с одного на другого. – Чему?

Батист сердито нахмурился и потащил своего «брата» на тайную встречу с Макандалем.

– Она никогда не станет ассасином, – сказал он Агату. – Она не одна из нас. В глубине души она чужая нам.

Со временем Макандаль тоже это понял. Она научилась читать и писать, но тем все и кончилось. Макандаль никогда не звал Джин принять участие в настоящем обучении. Батист восхищался Макандалем – бывший раб, в детстве лишившийся руки, которую раздробило прессом для сахарного тростника, сумел не только сбежать и стать вождем маронов. Сумел победить.

На специальных тренировках Батист и Агат научились пользоваться оружием и сражаться без его помощи. Научились готовить яды, подмешивать их в напитки, наносить на наконечники дротиков.

Двое подростков научились убивать открыто и тайно. Даже если у тебя всего одна рука, как доказал своим примером Макандаль. И когда они в итоге убежали с плантации, оставив там трусливую Джин, то действительно совершили убийство.

Бой барабанов нарастал, возвращая Батиста из счастливого прошлого в печальное настоящее. Сегодня ночью он, Батист,

проведет ритуал. И этому его тоже научил Макандаль.

Ритуал вуду.

Не настоящий ритуал, а только внешние его атрибуты. Сила символов и того, что не является магией, но выглядит как магия.

– Пусть тебя боятся, – сказал Макандаль. – Те, кто тебя ненавидит. И даже те, кто тебя любит. Особенно те, кто любит.

Этот ритуал изменит все. Должен изменить, иначе все, ради чего боролся Макандаль – а также сам Батист, и когда-то боролся Агат, – рассыплется в прах.

Все участники ритуала были изрядно пьяны, но не подозревали, что в ром было добавлено кое-что еще. Пройдет немного времени, и они будут окончательно готовы к ритуалу, будут готовы увидеть то, что обычному глазу недоступно.

Поверить в то, в чем иначе бы сомневались.

Сделать то, чего никогда бы не сделали.

Бой барабанов все нарастал, доходя до крайней точки исступления. Послышался рев быка, которого подвели к поляне, надев на его толстую шею венок из цветов. Он тоже был опоен и потому не брыкался.

Батист поднялся, крепко сжимая в руке мачете. Он был высоким и крепким мужчиной и уже делал это во время ритуалов, проводимых Макандалем. Он ловко спрыгнул с помоста и подошел к животному. По его приказу бык заранее был хорошо вымыт и намазан духами, некогда украденными у хозяев плантации. Бык повернул к Батисту рогатую голову и посмотрел на него выпученными глазами с расширенными зрачками. Батист похлопал его по холке, бык тихо и мирно замычал.

Батист повернулся к участникам церемонии и потряс поднятым вверх мачете.

– Время ритуала настало! Мы сделаем подношения лоа и призовем их снизойти к нам и сказать, что нужно делать братству, чтобы двигаться вперед!

Слова жгли губы. Макандаль. Вот уже двадцать лет – с тринадцати до тридцати трех – Батист сражался за свободу бок о бок с Агатом. Их Наставник передал им, восхищенно ловившим каждое слово, свое понимание Кредо ассасина, не разбавленное нелепыми идеалами жалости и сострадания. В них слабость, а не сила. Истинно невинных нет, каждый человек либо с тобой, либо против тебя.

В каком-то смысле каждый человек либо ассасин, либо тамплиер.

Хозяин, который не бьет раба, остается хозяином – рабовладельцем. Даже те, кто не имеет рабов, по закону могут их купить. Поэтому все они виновны. Они служат тамплиерам, даже

если не слышали об их существовании. Этим людям нет места в мире Макандаля и в мире Батиста.

Поэтому Батист и те, кто сейчас остановил пляску и повернулся к нему лицом, несколько дней назад попытались отравить колонистов, с которыми они вынуждены делить этот остров.

Но они потерпели поражение, и их вождь заплатил за это очень высокую цену.

– Франсуа Макандаль был нашим Наставником. Нашим братом. Он вдохновлял нас и своим примером вел вперед. И он умер, но нас не предал. Умер в страшных муках, его тело пожрал огонь!

Толпа взорвалась воплями. Все они были пьяны и одурманены снадобьями, их переполняла злость, но они слушали Батиста. И это хорошо. В этом и заключался план Батиста, они сделают даже больше.

– В это время горя и ярости, – продолжал он, – один из нас, кто был моим братом, и вашим тоже, покинул нас. Он не был убит в сражении и не сгорел заживо на костре. Он просто ушел. Покинул нас! Агат сбежал, как жалкий трус, вместо того чтобы продолжать дело Макандаля!

И снова толпа взревела. О да, они кипели от ярости. Почти такой же сильной, как ярость самого Батиста.

– Но я здесь, ваш унган[23], и я призываю лоа, чтобы они даровали нам свою мудрость. Я не оставил вас! И никогда не оставлю!

Он занес руку с мачете. Стальное лезвие сверкнуло в отблесках костра, и Батист резко опустил руку, вложив всю свою силу в быстрый и точный удар.

Кровь ударила фонтаном из горла жертвенного животного. Бык не успел издать ни звука. Земля покраснела и размякла, впитав жизненную силу быка, и животное быстро испустило дух. «Возможно, даже быстрее, чем на скотобойнях, – подумал Батист, – и наверняка с меньшими мучениями, благодаря снадобьям».

Он вытер мачете о бычий бок, опустил пальцы в горячую кровь и провел ими по лицу. Батист приглашающим жестом поднял руки, и люди Макандаля бросились обмазывать себя кровью, оставляя на теле отметины смерти, так поразившей их сердца.

Потом тушу быка зажарят на центральном костре, и мачете будут отрезать куски сочного вкусного мяса. Живые продолжат жить через смерть.

Но сначала Батист должен осуществить задуманный план.

Убедившись, что все измазали себя жертвенной кровью, Батист провозгласил:

– Я выпью зелье и попрошу лоа прийти ко мне. И они придут, как приходили раньше.

Разумеется, никакие духи не явятся Батисту, как они не являлись Макандалю, но каждый раз они видели занятные галлюцинации. Приготовленное зелье в больших дозировках приводило к смерти, в малых же действовало возбуждающе, но было безопасно.

Батист за долгое время стал настоящим мастером и точно знал, в каких дозировках и для чего использовать это зелье.

Он растер в пальцах несколько листочков особой травы, вдыхая свежий и острый аромат, который смешивался с запахом жертвенной крови, затем словно из воздуха извлек маленький флакончик с ядом. По толпе пробежал ропот. Батист сдержал улыбку. Его ловкие руки исполняли много искусных трюков.

Он поднял флакон над головой.

– Этой ночью, когда гибель Наставника еще свежа в нашей памяти, я посвящаю смерть этого могучего быка лоа геде![24] Кто придет, чтобы через меня явить вам свою мудрость? Кто расскажет, что делать людям Макандаля?

С этими словами он залпом выпил горькое содержимое флакона.

Сердце не успело сделать и трех ударов, как мир вокруг Батиста начал меняться. Цвета расплывались и мерцали, бой барабанов сотрясал воздух, хотя никто не стучал в них, и этот звук смешался с то ли мучительным, то ли восторженным криком. Шум нарастал, делаясь нестерпимым. Батист застонал и закрыл уши руками.

Наконец он понял, откуда шел этот ужасный звук – из его собственного сердца. Сердце лихорадочно колотилось и с ревом рвалось из груди.

Наконец оно вырвалось, раздирая плоть, и упало на землю ему под ноги – красное, пульсирующее, дымящееся от горячей крови. Пораженный ужасом, Батист посмотрел на дыру в груди.

«Это все яд. Я выпил слишком много яду. Теперь я умру».

Батиста охватил страх. Осознавая, что это лишь иллюзия, он все же протянул руку и поднял еще бьющееся сердце. Оно, словно рыба, выскользнуло из его окровавленных пальцев и запрыгало по земле, убегая от него.

«Такого со мной еще никогда не было. Видения…»

– Потому что это не видение, – раздался спокойный голос, полный той иронии, которую в равной степени можно было посчитать как жестокой, так и добродушной.

Подняв глаза, Батист увидел смеющийся скелет.

И закричал.

Он протер глаза, но, даже когда его зрение прояснилось, призрак никуда не исчез. Скелет начал меняться, оброс плотью, облачился в подобающие одежды и теперь походил на богатого плантатора – если бы у плантатора могли быть черная кожа и череп вместо головы.

– Барон Самеди, – выдохнул Батист.

– Ты призывал лоа, мой друг? – елейным голосом спросил Барон. – Нужно быть осторожней, когда приглашаешь кого-то на пир.

В магии вуду лоа – духи-посредники между людьми и Бонди, верховным божеством. Геде были духами смерти, и главенствовал над ними Барон Самеди, повелитель кладбищ. Дух подошел к дрожащему, упавшему на колени Батисту и протянул к нему руку.

– Думаю, ты будешь лучше выглядеть с моим лицом, нежели вымазанным бычьей кровью, – сказал дух. – Отныне ты будешь носить его, да?

Батист окровавленными руками потрогал свое лицо.

Никакой теплой плоти… только сухие кости.

Череп смотрел на него и ухмылялся.

Батист закрыл глаза и принялся их ожесточенно тереть, и взвыл, когда его пальцы попали в пустые глазницы. Лицо… Барон Самеди забрал его лицо…

«Не будь ребенком, Батист! Ты ведь все отлично понимаешь! Ты сам сделал этот яд. Это всего лишь галлюцинация! Открой глаза!»

Он открыл.

Барон Самеди все еще был здесь и ухмылялся, ухмылялся.

А рядом с ним стоял Макандаль.

Наставник выглядел так же, как и при жизни, – высокий, мускулистый и сильный, с гордо поднятой головой, лет на десять старше Батиста. Как и при жизни, у него отсутствовала одна рука.

– Макандаль, – выдохнул Батист, и из его глаз брызнули слезы – слезы облегчения, радости и удивления. По-прежнему стоя на коленях на политой кровью земле, он потянулся рукой к Наставнику и схватил его за край одежды. Его пальцы коснулись чего-то мягкого – но не ткани – и прошли насквозь.

Батист отпрянул, потрясенно глядя на свою руку, испачканную сажей.

– Я умер, сожженный теми, кто должен был погибнуть от моей руки, – сказал Макандаль. Это был его голос, и губы его шевелились, но слова, казалось, плавали в воздухе, кружась, как дым, над головой Батиста, проникая ему в уши, рот, ноздри…

«Я вдыхаю его пепел», – подумал Батист.

Желудок скрутило спазмом, и его начало рвать.

Изо рта волнообразными движениями выползала змея, толщиной с руку, черная, блестящая от покрывавшей ее слюны. Когда Батист наконец выплюнул хвост змеи, она поползла к призраку Макандаля. Наставник наклонился, поднял змею и повесил ее себе на шею. Змея, выпуская раздвоенный язык, маленькими глазками смотрела на Батиста.

– Змея – символ мудрости, а не предвестник несчастья, – сказал Барон Самеди. – Она знает, когда приходит время сбрасывать старую кожу, чтобы стать больше и сильнее. Ты готов сбросить свою старую кожу, Батист?

– Нет! – выкрикнул Батист, понимая, что его протест не имеет никакого значения.

Барон Самеди отступил назад и передал свою шляпу Макандалю, обнажая череп, лишенный волос, как тело было лишено плоти.

– Ты призвал нас, Батист, – сказал Макандаль. – Ты сказал людям, что никогда не оставишь их. Сейчас, когда я умер, им нужен вождь.

– Я… я буду им вождем, Макандаль, клянусь, – запинаясь, пробормотал Батист. – Я не сбегу, какое бы дело ты ни поручил мне. Я не Агат.

– Верно, ты не Агат, – ответил Макандаль. – Но не ты поведешь их за собой. Это сделаю я.

– Но ведь ты…

Макандаль начал растворяться, превращаясь в дым, змея растворилась вместе с ним. Дым повис туманом, затем вытянулся струйками и поплыл в сторону Батиста.

Вдруг Батист понял, что сейчас произойдет, и попытался подняться на ноги. Но Барон Самеди возник, словно из ниоткуда, у него за спиной. Его сильные руки – из плоти, а не из кости, но леденящие могильным холодом – схватили Батиста за плечи, так что он не мог пошевелиться. Тонкие струйки дыма потекли к его ушам и ноздрям, ища возможность проникнуть внутрь. Батист стиснул зубы, но Барон Самеди неодобрительно прищелкнул языком.

– Ай-ай-ай, – сказал он и постучал набалдашником трости в виде черепа по плотно сжатым губам Батиста.

Рот Батиста открылся, и струйки дыма потянулись внутрь.

И Батист стал одновременно и самим собой, и… Макандалем.

«Осталось выполнить еще три задания, и тогда мы вместе поведем людей за собой».

Батист посмотрел на мачете, лежавший рядом с его все еще

пульсирующим сердцем. Со странной отстраненностью он понял, что сердце ему не нужно. Без него проще – никаких забот. Никаких чувств – ни любви, ни надежды на ближнего. Только свои желания и потребности имеют значение. И он оставил сердце лежать на земле.

Но поднял мачете.

Поднял медленно, правой рукой, а левую вытянул вперед. Что-то внутри него кричало и требовало не делать этого, уверяло, что он и сам по себе может быть вождем. Но глубинная его сущность – его собственная, а не Макандаль и не Барон Самеди – хотела это сделать.

И зелье поможет перенести боль.

Батист поднял мачете, набрал в грудь воздуху и одним ударом отсек себе левую руку выше локтя.

Кровь рекой лилась из раны, но он чувствовал, что все сделал правильно. Боли не было. Отрубленная рука упала на землю и превратилась в змею, которая поползла к духу с головой скелета.

В голове Батиста послышался шепот Макандаля: «Очень хорошо. Теперь ты похож на меня. Ты больше не Батист. Ты будешь Франсуа Макандалем. Все видели твой поступок. Они знают, что я тебя направляю, как человек направляет своего коня. Обычно лоа, сделав свое дело, удаляются».

– Я не уйду.

Не торопясь, Батист снял с себя пояс и без посторонней помощи перетянул руку, чтобы не умереть от потери крови. В отличие от Барона Самеди, он оставался живым.

Барон Самеди одобрительно кивнул:

– Хорошо. Отныне он будет навечно с тобой. Я тоже буду с тобой. – Он постучал тростью по своему черепу. – Носи мое лицо, Макандаль.

Батист кивнул. Он все понял.

И он был согласен.

С этой ночи пойдут слухи. «Макандаль жив, – будут шептаться люди. – Он избежал смерти на костре. Ночью он вернулся, он полон ненависти и жажды мести».

С этой ночи Батиста больше никто не увидит. Он, естественно, будет жить, но звать его будут Макандалем, и его лицо будет покрыто белой краской, резко выделяясь на фоне черной кожи, – ухмыляющийся череп Барона Самеди.

Субъект: Лин

Лин слушала доктора Софию Риккин, когда та терпеливо в

третий раз объясняла, почему Лин должна отправиться в «Анимус» добровольно. Лин стояла, сложив на груди руки, и молча смотрела на нее.

– Я знаю: то, что случилось с тобой в прошлый раз… вызвало травматический стресс, – сказала София. Ее голубые глаза смотрели доброжелательно, но отстраненно. В их глубине было сочувствие, но не сострадание.

– Вы ничего не знаете, – ответила Лин.

«Травматический стресс» – совершенно не подходящий, безжизненный медицинский термин для того, что предок Лин – наложница императора, ассасин по имени Шао Цзюнь – вынуждена была пережить пятьсот лет назад и что вынуждена была увидеть и пережить сама Лин во время регрессии.

Пять лет. Шао Цзюнь было всего пять лет, когда Чжу Хоучжао, ставший императором под тронным именем Чжэндэ, приказал казнить евнуха Лю Цзиня, обвиненного в заговоре против императора. Лю Цзинь возглавлял могущественную клику под названием «Восемь тигров», состоявшую из дворцовых евнухов. Но они предали Лю Цзиня точно так же, как он предал своего императора.

За такое страшное преступление, как государственная измена, Чжэндэ подверг евнуха не менее страшной казни – «смерти от тысячи надрезов».

На самом деле надрезов сделали более трех тысяч, и к концу экзекуции они покрывали все тело. Изуверская пытка продолжалась в течение трех дней. К счастью для Лю Цзиня, он умер на второй день после нанесения трехсот или четырехсот надрезов. Зеваки, наблюдавшие за казнью, могли за бесценок купить кусочек его плоти и съесть, запивая рисовым вином.

Лин долго не могла избавиться от этой жуткой картины. Встревоженное лицо Софии Риккин, склонившейся над ней, когда она билась в истерике на каменном полу зала «Анимуса», неразрывно связалось в памяти Лин с пережитым ужасом. И даже сейчас, глядя на нее, Лин испытывала приступы тошноты.

– Надеюсь, ты понимаешь – мы теряем время, а между тем и ты, и мы могли бы получить много интересной информации.

– Очень вдохновляет.

– По отчетам, состояние твоего здоровья хорошее, – дружелюбно сказала София Риккин. – И мне бы хотелось, чтобы ты продолжила работу. Мы тщательно изучили результаты последней регрессии, и я уверена, что в этот раз мы найдем те воспоминания, которые дадут нам то, что мы ищем, и для тебя эта регрессия не будет такой… – София замолчала, подбирая слово, и в момент проблеска искренности выпалила: –

Ужасающей.

Лин молчала. На данный момент ее тюремщики – иначе она их не называла – знали о Шао Цзюнь значительно больше, чем она. И менее всего на свете Лин хотела возвращаться в тело бедной девочки, которая была наложницей самого жалкого бездельника и гуляки за всю историю Китая.

Нет, не совсем так.

Более всего на свете Лин хотела сохранить рассудок. И она знала, что они засунут ее в адскую машину в любом случае, хочет она того или нет, будут ли воспоминания такими же ужасающими или нет.

София Риккин хочет верить, что она приглашает Лин повторно войти в «Анимус», но они обе понимают, что это не приглашение. Она приказывает Лин.

И Лин могла лишь выбрать, как она туда отправится – добровольно или принудительно.

После долгой паузы Лин сказала:

– Хорошо, я пойду.

Регрессия: Пекин, 1517 г.

В Пекин пришло лето, но императорский двор еще не переехал в летний дворец.

Дрожащий тусклый свет фонарей освещал спящих женщин – среди них не было ни одной старше тридцати лет, – беспокойно ворочающихся в ночной духоте. Резной потолок огромного зала, самого большого из девяти во Дворце Небесной чистоты, который раскинулся на площади в тысячу четыреста квадратных ярдов, терялся в темноте. Но свет тускло мерцал на сусальном золоте, покрывавшем нарисованных драконов, и на ручках запертых резных дверей.

Двенадцатилетняя Шао Цзюнь открыла массивную дверь и бесшумно заскользила по черному мраморному полу. Это был самый большой из трех дворцов, находившихся во внутреннем дворе Запретного города, он служил резиденцией императору Чжэндэ, императрице и любимым наложницам императора.

Здесь и родилась Шао Цзюнь – от такой же наложницы, не пережившей мучений. Если девочка и могла назвать какое-то место своим домом, то именно этот дворец с великолепным резным потолком, большими удобными кроватями и тихо журчавшими голосами женщин, которые в соответствии с их статусом обучались изящным искусствам: танцам, игре на музыкальных инструментах, вышивке, а также соблазнительной

походке, грациозным движениям и призывному смеху.

Шао Цзюнь всему этому тоже научилась. Но уже в раннем детстве у нее открылись необыкновенные способности к танцам и акробатике, которые и привлекли внимание молодого императора Чжэндэ, быстро нашедшего им применение: шпионить за его врагами и устраивать забавные каверзы его друзьям.

Осторожно забираясь в постель, Шао Цзюнь старалась не разбудить свою подругу Чжан и еще двух девочек, с которыми они делили постель. Но ей это не удалось. Чжан сонно пробормотала:

– Однажды ты ляжешь в постель вместе с нами – и мы умрем от удивления.

Шао Цзюнь тихо засмеялась:

– Не думаю, что это когда-нибудь случится.

Чжан сладко зевнула, подвинулась, освобождая место, и положила голову подружке на плечо. Цзюнь улыбнулась в темноте.

Еще в трехлетнем возрасте отмеченная Чжэндэ за свои акробатические таланты и приставленная им к делу, она всегда чувствовала враждебность – скрытую и явную – со стороны других наложниц. Она достаточно быстро возвысилась при дворе, несмотря на свое сравнительно низкое происхождение, в то время как многим из сотен наложниц в трех гаремах Чжэндэ только издалека удавалось увидеть Сына Неба.

Поэтому, когда год назад в гареме появилась Чжан, дочь дворцового стражника, образец женской красоты – с маленькими от постоянного бинтования ступнями и грудью, бледной кожей, большими красивыми глазами и скромным поведением, – Цзюнь решила, что будет относиться к ней так же плохо, как и остальные наложницы.

Однако, как только Чжан услышала о Шао Цзюнь, она тут же начала искать ее дружбы. Имея богатый опыт любимой шпионки императора, Шао Цзюнь всегда помнила о притворстве и лживости всех обитателей дворца, включая наложниц. И первое время она была осторожна и держала рот на замке.

Похоже, Чжан ее понимала и ни на чем не настаивала. Но потом случилось нечто совершенно неожиданное. Все наложницы боролись за внимание императора, что сулило – без преувеличения – либо роскошную и комфортную жизнь, либо жестокую и мучительную смерть. А Чжан как будто не стремилась участвовать в этой борьбе. И однажды ее слова поразили Шао Цзюнь до глубины души.

– Никто не умеет так танцевать, как ты, Шао Цзюнь! – восхищенно воскликнула Чжан после того, как Цзюнь превзошла

ее в танце с лентами. – Я просто любовалась тобой, как и все остальные зрители.

– Но ты, Чжан, такая красивая!

Цзюнь жестом показала на свои ноги и грудь, которые никогда не бинтовали. Чжэндэ запретил это делать. «Ты слишком хорошо умеешь прятаться и подкрадываться», – сказал император. А без бинтования ни один мужчина даже не посмотрит в ее сторону.

– Чжан, я никогда не смогу быть такой, как ты!

Чжан рассмеялась.

– Твои танцы и моя улыбка подобны кролику и бабочке, – сказала она, назвав двух самых почитаемых существ в Китае.

Их высоко ценили, но никогда не ставили одного выше другого. Они были просто разные.

«Она понимает», – подумала Шао Цзюнь и поспешно отвернулась, чтобы никто не увидел ее слез радости.

С тех пор они стали как родные сестры, и сейчас Чжан, пристроившись у нее на плече, как всегда, сказала:

– Рассказывай.

Для Шао Цзюнь рассказывать истории было и удовольствием, и болью, потому что она знала, как знала и Чжан, что с подругой ничего похожего не случится. Бабочка жила в клетке, а кролик гулял на свободе.

Однажды Цзюнь попыталась показать Чжан свой мир. Это было несколько месяцев назад, ночью, до третьей стражи, когда солдаты в Барабанной башне били в тринадцать барабанов и будили двор императора для участия в ежедневной аудиенции. Разумеется, наложниц это не касалось, просыпались евнухи, чиновники и их помощники – все они присутствовали на аудиенции с императором в четыре часа утра, и такие аудиенции повторялись еще дважды в течение дня.

Чжэндэ, разумеется, ненавидел аудиенции. Он предложил проводить одну аудиенцию вечером и завершать ее торжественным ужином. Но похоже, даже император не всегда может делать все, что пожелает. Его предложение вызвало решительные возражения.

Шао Цзюнь знала, что это самое подходящее время улизнуть из дворца незамеченными. Так они с Чжан и сделали. Многие евнухи спали на своих постах, других Цзюнь не составило труда отвлечь или обмануть. Они покинули Запретный город и оказались на улицах Пекина. Чжан была поражена ночным небом, усыпанным звездами, такого чуда она никогда не видела. Если наложницам и позволялось в вечернее время покинуть Запретный город, чтобы принять участие в празднике или по иным делам,

свет фонарей всегда затмевал мерцание звезд.

Они торопливо шли по улицам. Цзюнь знала много тайных ходов, но Чжан слишком нервничала и не выказывала особого желания идти по ним, пыльным, оплетенным паутиной. Цзюнь настойчиво звала, обещала помочь ей, но Чжан покраснела и просто сказала:

– Мои ноги.

Цзюнь словно под дых ударили. Она совершенно забыла, зачем наложницам и женщинам высшего сословия бинтовали ноги: чтобы они никогда не могли сбежать с другим мужчиной.

С жалостью она посмотрела на свою подругу, и ее печаль отразилась в красивых глазах Чжан.

Они вернулись во дворец, и никогда больше Цзюнь не предлагала подруге погулять за стенами Запретного города. Но Чжан страстно желала вырваться из своей золотой клетки, если не в реальности, то при помощи приключений Шао Цзюнь, поэтому она и просила ее рассказывать истории.

Цзюнь прислушалась, две другие девочки в их постели крепко спали. Одна даже слегка похрапывала. И Цзюнь зашептала на ухо Чжан.

– Сегодня вечером, – начала Цзюнь, – я выступала в Бао Фан.

– Это там, где леопарды?

Название означало «Квартал леопардов». Чжэндэ приказал построить за пределами Запретного города здание, где содержались экзотические животные, устраивались акробатические и танцевальные представления. Вместе с тем это было идеальное место для подслушивания, но об этом Цзюнь предпочла умолчать, чтобы не подвергать Чжан опасности.

– Нет, сегодня вечером леопардов не было, – сказала Цзюнь. – Но были два льва и семь тигров.

Чжан засмеялась, но тут же закрыла рот рукой.

– И здесь тоже есть семь тигров, – сказала она.

Цзюнь было не до смеха. Самые влиятельные евнухи императора объединились в тайное сообщество, которое они назвали «Восемь тигров». И Чжан правильно заметила: сейчас их осталось семеро. Цзюнь принудили присутствовать на мучительной казни их предводителя – Лю Цзиня.

Чжан ничего этого не знала.

– Да, есть, – мимоходом согласилась Цзюнь и начала подробно рассказывать, какие сильные и красивые эти большие кошки, какая у них удивительная шкура: у львов – желтая, как золото, а у тигров – оранжевая с черными полосами, как страшно они рычали на людей и с каким восторгом и воодушевлением она танцевала на их клетках, куда могла упасть в любое мгновение.

– А что ты делала вчера вечером?

Прошлой ночью Чжан заснула, когда Цзюнь рассказывала ей о том, как Чжэндэ предавался своим любимым развлечениям.

– Но ты ведь уже слышала, – решила Цзюнь немного подразнить свою подругу.

Чжан в шутку хлопнула ее ладошкой:

– Но не все.

– Хорошо. Вчера император снова устроил базар, и на этот раз он изображал простолюдина из Нанкина. Ма Юнчэну он приказал нарядиться крестьянином, выращивающим грибы, Вэй Бин продавал шелк.

Императора Чжэндэ весьма забавляла игра, в которой влиятельные и облеченные властью люди перевоплощались в крестьян и торговцев, а он – в обычного покупателя. Однако, кроме самого императора, никому больше не импонировали их роли, и в особенности «Восьми тиграм».

– А кем был Гао Фэн?

– Он продавал улиток.

Чжан зарылась лицом в подушку, чтобы заглушить смех. Цзюнь тоже улыбнулась. Действительно, было забавно наблюдать, как высокомерные приближенные императора, скрипя зубами, разыгрывали «представление».

– А ты?

– Я? Я помогала готовить лапшу.

– Еще что-нибудь расскажи, – счастливо вздыхая, попросила Чжан и снова закрыла глаза. И Цзюнь тихо рассказывала о всяких глупостях, пока дыхание Чжан не сделалось тихим и ровным.

А Цзюнь не могла уснуть. Чжэндэ обмолвился о походе на север, чтобы положить конец набегам монголов под предводительством Даян-хана.

– Возможно, я отправлюсь туда тайно, – сказал он, и эта идея его крайне воодушевила. – Под другим именем… как сейчас на этом рынке! Как тебе нравится имя Жу Шоу?[25]

– Как будет угодно моему императору. Я уверена, это прекрасное имя! – поспешила ответить Шао Цзюнь.

Но Чжэндэ на этом не удовлетворился.

– Мне нужно, чтобы мой маленький котенок Шао Цзюнь побродил вокруг лагеря и послушал, а потом мне рассказал, – заявил Чжэндэ.

И хотя в глазах придворных необходимость отправиться за императором в военный поход ставила ее в более опасное положение по сравнению с наложницей Чжан, Шао Цзюнь не могла избавиться от ощущения, что для нее это благо. Цзюнь не была глупой, но ей была свойственна некоторая наивность,

которую она за собой отказывалась признавать. Но, подобно кошке, с которой ее часто сравнивал император, она всегда приземлялась на четыре лапы.

«Восемь тигров» готовили заговор, наложницы плели интриги. Шао Цзюнь не хотелось во всем этом оставлять Чжан одну. Но у нее не было выбора. На этот раз.

Если Сын Неба желает, чтобы она последовала за ним в поход против монгольского хана, она обязана подчиниться.

Глядя на мирно спящую подругу, Шао Цзюнь чувствовала жгучее желание защитить ее.

«Я даю тебе клятву, Чжан, моя лучшая подруга, моя единственная подруга. Если я понадоблюсь тебе, я приду. Где бы я ни была, что бы я ни делала, я приду, чтобы защитить тебя. Ни угрозы, ни приказ императора не смогут меня остановить, если я тебе понадоблюсь.

Так будет всегда».

И Чжан улыбнулась во сне, словно она слышала клятву, которую Шао Цзюнь дала ей в своем сердце.

Благодарности

Как всегда, я должна сказать огромное спасибо моему не знающему усталости агенту Люсьен Дивер. Также я благодарна великолепной команде «Ubisoft»: Кэролайн Ламаш, Энтони Маркантонио, Анук Бахман, Ричарду Фарресу и особенно Аймару Азайзиа, которого я безжалостно мучила своими вопросами и который отвечал мне быстро и ободряюще. Я также глубоко ценю талант режиссера Джастина Курзеля и актеров Майкла Фассбендера, Марион Котийяр и Джереми Айронса, которые вдохновляли меня во время работы над книгой.

notes

Примечания

1

Молодых людей, желавших вступить в братство ассасинов, держали перед закрытыми воротами от нескольких суток до нескольких недель.

2

Ничто не истинно, все дозволено. Мы трудимся во тьме, дабы служить свету, мы – ассасины *(сир.)*.

З

Орел – мощный солярный, то есть солнечный, символ. Он символизирует духовное начало, мощь и силу духа, победу и освобождение от земных оков. Талисман орла помогает освободиться от сковывающих уз, обрести высшую мудрость и истинную свободу души, стать мудрее и сильнее.

4

Хантсвилл – широко известная тюрьма, которую часто называют «Walls Unit» за высокие стены; раньше в ней приводились в исполнение смертные приговоры. С этой тюрьмой связаны имена Бонни и Клайда и многих других печально знаменитых американских преступников, ей посвящен альбом песен Мерла Хаггарда.

5

Пс. 50: 9,10.

6

Годы жизни королевы Изабеллы Кастильской – 1451–1504.

7

Мф. 20: 16.

8

«Рука мертвеца» – набор карт при игре в покер: наличие одновременно двух тузов и двух восьмерок. Переносное значение – неудача.

9

Мф. 10: 34.

10

Втор. 32: 42.

11

Иер. 16: 4.

12

Там же.

13

Откр. 21: 6.

14

Отец… Мать… *(исп.)*.

15

Цзянь – китайский прямой меч.

Шекспир У. «Гамлет, принц Датский», перевод М. Лозинского.

17

«Я смерть, разрушитель миров». После испытания первой атомной бомбы в Нью-Мексико в июле 1945 г. Оппенгеймер вспоминал, что в тот момент ему пришли в голову эти слова из «Бхагават-гиты».

18

Травля быка – развлечение, популярное в Англии до середины XIX в.

19

Нагара́ (от араб. «постукивать») – ударный музыкальный инструмент, вид барабана.

20

Саз (от перс. «инструмент») – щипковый музыкальный инструмент, наподобие лютни.

Ферасе (фериджи) – плащ с длинными рукавами.

22

Франсуа Макандаль – предводитель восстания гаитянских рабов-маронов в середине XIX в.

23

Унган – жрец вуду.

24

Лоа геде – духи смерти и могил, необузданных желаний и разврата.

25

Жу Шоу – бог осени в древнекитайской мифологии.